

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АН СССР

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII века

М.: 1988

Редакционная коллегия: д.и.н. Г.С.Кучеренко
(ответственный редактор), к.и.н. К.М.Андерсон
(ответственный редактор), к.и.н. Г.С.Черткова, С.Я.Карп,
А.В.Чудинов.
Рецензенты: к.и.н. М.И.Ковальская, к.и.н. Л.А.Пименова.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии

Текст здесь:

Кузьмичева Е.К. Фейхоо-и-Монтенегро и становление
исторической мысли испанского Просвещения
Лебедева Е.И. Революция в зеркале просвещенного
сознания (исследование литературной
корреспонденции Блен де Сенмора)

Текст здесь: <http://www.annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Lebedeva.doc>

Карп С.Я. Бриссо и Гельвеций

Плавинская Н.Ю. Представления Монтескье
о республике и их оценка в жирондистской прессе
Ростиславлев Д.А. Из истории журналистики
периода якобинской диктатуры

(О некоторых особенностях газеты Ж.Р.Эбера "Пер Дюшен")

Текст здесь: http://vive-liberta.narod.ru/journal/rostisl_hebert.pdf

Кузнецов И.Н. Гердер о Великой французской революции
Петинова А.И. Джозеф Пристли и революционная Франция
Чудинов А.В. Развитие взглядов Дж.Макинтоша
на французскую революцию в 90-е годы XVIII в.

См. текст автореферата авторана соискание ученой степени
доктора исторических наук: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/chud.pdf>

Улуян А.А. Роль идейного наследия французской
и американской революций XVIII в. в становлении
общественно-политических взглядов А.Кораиса

Темкин В.А. Идеи Просвещения в творчестве Пи-и-Маргаля

Веб-публикация: Vive Liberta и Век Просвещения, 2 вандемьера ССXI года
Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

Елена Климовна Кузьмичева
ФЕЙХОО-И-МОНТЕНЕГРО
И СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
ИСПАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Отношение к истории как к учительнице жизни, понимание ее огромного воспитательного потенциала было характерной чертой европейской общественной мысли Нового времени. Эта традиция восходит к концепциям гуманистов и ученых эпохи Возрождения, которые особо подчеркивали необходимость использования истории для обучения и формирования гармоничной личности. По мере развития национального самосознания возрастал и интерес людей к своему прошлому. Поэтому неудивительно, что именно в XV–XVI вв. во Франции, Италии, Англии из года в год увеличивалось количество публикуемых исторических документов и предпринимались попытки их критического осмысления. Несколько иначе протекал этот процесс в Испании. Расцвет историографии пришелся здесь на вторую половину и конец XVIII в. В это время вышли в свет такие значительные исторические произведения, как "Воспоминания католических королей" (1761 г.) и "Нумизматические памятники колоний и муниципий античной Испании" (т. I и 2 – 1757–1758 гг., т.3 – 1773 г.) Энрике Флореса (1702–1773 гг.), двадцатитомная "Критическая история Испании" (1763–1805 гг.) Х.В. Маслеу (1744–1817 гг.), "Критико-исторический театр" (1736 г.) Антонио де Капмани (1742–1813 гг.), "Краткая библиотека лучших испанских авторов эпохи Карла III" (1785–1789 гг.) Х.Семпере-и-Гуариносо (1754–1830 г.) и "Речь о том, как следует писать и совершенствовать историю Испании" (?) Х.П. Форнера (1754–1797 гг.)¹. Обращение к истории становится общим для всех мыслителей, государственных и общественных деятелей эпохи: "Занятия историей из узкой сферы исследований эрудитов и времяпрепровождения праздных бездельников превращаются в незаменимый практический инструмент для всякого, кто желает быть полезным своей стране. Каждый просветитель – юрист, экономист, географ – прежде всего был историком"². С чем же бы-

ло связано необычное увлечение прошлым в Испании конца XVIII в.? Вероятно, с тем, что в это время испанская интеллигентная элита стала отчетливо осознавать необратимость утраты прежнего величия, того международного авторитета, которым страна пользовалась в XV–XVII вв. Но вопрос о месте и влиянии пирснейской культуры в Европе оставался открытым. Важнейшим стимулом активизации духовной жизни в стране могло стать напоминание о былом могуществе и расцвете культуры и искусств. Таким образом, "история... становится орудием критики, реформ в интеллектуальной области, а иногда и средством для обоснования социальных реформ"³. Примечательно, что крупнейшим испанским просветителем и государственным деятелем XVIII в. Г.М. де Ховельянос (1744–1811 гг.) неоднократно писал о значении истории и сетовал на недостаточность и односторонность трудов о прошлом страны: "Где книги по гражданской истории, которые бы объяснили бы происхождение и развитие нашего законодательства, наших обычаев, наших подвигов и нашего ничтожества?"⁴ вопрошал он.

Вторая половина XVIII в., по мнению некоторых современных исследователей, оказалась для Испании эпохой подлинной "революции в историографии". Именно тогда история начала превращаться в этой стране в науку, тогда как раньше историки занимались, по большей части, перечислением и описанием тех или иных событий. (Заметим, что в других европейских государствах, и прежде всего в Италии, эти изменения наметились еще в период позднего средневековья). Так, в трудах испанских авторов XVIII века прослеживаются попытки выявить причинно-следственные связи, обосновать закономерность исторического процесса; вместе с тем большинство авторов не порвало до конца с принципами средневековых хронистов, например, с верой в божественное провидение. Тем не менее, стремление получить "точную информацию о прошлом, с помощью которой можно было бы понять национальный характер, познать пороки и добродетели нации"⁵ приблизило испанскую историческую школу конца XVIII в. к научному знанию.

Тем не менее, в советской историографии долго преобладало мнение о чисто экономическом характере испанского Просвещения⁶, что не вполне соответствует реальным фактам. Это объясняется искусственным сужением рамок эпохи Просвещения годами царствования Карла III (1759-1788 гг.), т.е., по существу, Просвещение подменяется просвещенным абсолютизмом. Одновременно его содержание ограничивается творчеством наиболее выдающихся общественных и государственных деятелей - Аранды, Флоридабланки, Кампананеса и Ховельяноса. В результате вне исследования остаются не только современники этих последних, но и все раннее Просвещение. Между тем, еще исследователи конца XIX - начала XX в. заметили, что вся испанская общественная мысль XVIII в. развивалась под знаком Просвещения, при всем своеобразии и неоднозначности его форм⁷. Игнорирование этого факта приводит к искаженной трактовке позднего, "классического" Просвещения. Оторванное от своих национальных корней, лишённое исторической перспективы, оно даже объявляется не-которыми исследователями несамостоятельным, заимствованным⁸. Для того, чтобы выяснить этот вопрос, необходимо, прежде всего, обратиться к истокам испанского Просвещения, в том числе к наименее исследованной его части - исторической мысли, которой, по нашему мнению, принадлежало особое место в становлении самосознания испанского народа.

Первая половина XVIII в. в Испании ознаменовалась подъемом общественной мысли, что нашло воплощение в движении "новаторов" (предшественников Просвещения)⁹. Они выступили с резкой критикой невежества, предрассудков, тормозивших как экономическое, так и культурное развитие страны. Их произведения о прошлом и настоящем Испании пронизаны патриотизмом. Таковы "Критика неправдоподобных историй" (1742 г.), "В защиту короля Витосы" (1732 г) и "Жизнь Миранды Сервантеса" (1737 г.) Г.Майанса-и-Сискара (1699 - 1781 гг.), "О происхождении галисийского языка" (?) М.Сармьянто (1695 - 1771 гг.), а также "Всеобщий критический театр" (1726-1739 гг.) и "Любопытные и ученые письма"

(1745 г.) Б.Х.Фейхоо-и-Монтенегро¹⁰. Труды Фейхоо вызвали небывалую полемику. Так, только при жизни автора было опубликовано 115 произведений, выступавших "за" или "против" его "Театра..."¹¹. Идеи Фейхоо оказали несомненное влияние на современников, а его мысли об истории и судьбах Испании нашли отклик и у последующих поколений. Фейхоо, в основном, намечил проблемы, ставшие предметом исследования в конце XVIII в. Таким образом, он стоял у истоков просветительской историографии в Испании, что мы и намерены показать в настоящей статье.

Обращение к истории имело особое значение в эпоху Фейхоо. В экономической области в конце XVII в. появились первые признаки подъема после упадка, продолжавшегося около ста лет. Но разразившаяся в 1701 г. Война за испанское наследство не только разорила восточные провинции и внутренне дестабилизировала страну, но и поставила под сомнение самое существование суверенного испанского государства. Однако война имела и положительные последствия. С возвращением французской династии в Испании начинают уделять большее внимание науке, культуре; учреждаются многочисленные музеи, библиотеки, академии. Кроме того, испанцы получают возможность более детально познакомиться с передовой для того времени французской культурой, что неминуемо ставит перед ними вопрос о месте их родины в духовной жизни Европы, о предполагаемых путях развития Испании. Этими вопросами задавался и Фейхоо...

* * *

Исторические воззрения Фейхоо весьма гетерогенны. У него не было четкого представления о сущности исторического процесса, об историческом источнике. Так, к примеру, Фейхоо, вслед за средневековыми историками, не делал разграничения между историческими фактами и библейскими мифами. Мыслитель не отрицал и достоверности древнегреческих мифов, полагая, что в основе их всегда лежат реальные события, которые в памяти многих поколений претерпели изменения и постепенно обрели сказочную форму. Поэтому историк, по мнению Фейхоо, может использовать народные предания в

своей работе, если сумеет в массе вымышленных деталей найти соответствующие действительности факты. А для этого, считал ученый, необходимо тщательно сравнивать легенды разных народов и сопоставлять их с тем, что нам точно известно из других источников, в частности, из археологических¹². Как мы видим, суждения Фейхоо об историческом источнике все же отличаются некоторой критичностью, чего нельзя сказать о его предшественниках¹³.

Интересно мнение ученого о движущих силах истории. Для католической историографии было типично представление о божественном провидении как о причине событий. Передовая мысль эпохи Возрождения выдвинула предположение о том, что историю творит человек. Не отрицали гуманисты и роли "слепого случая", судьбы, которые, впрочем, никогда не были для них чем-то фатальным и не отождествлялись с божественной волей. Макиавелли, напротив, призывал бороться с судьбой. Фейхоо же, не отказываясь окончательно от идеи божественного вмешательства в земные дела, считал, что историю делают выдающиеся люди – короли, полководцы, церковники. Роль же народа в истории в его трудах сведена до минимума, народ выступает лишь как безликая, пассивная масса, руководимая "сильными личностями". Примечательно, что в то же время мыслитель указывал на огромное значение трудящихся, простолюдинов в повседневной жизни: "Без тех, кто растит хлеб, государство не может существовать"¹⁴, – писал он. С этой мыслью у Фейхоо тесно связана мысль о критерии исторического прогресса, в качестве которого выступает "общее благо". На поверку "общее" благо превращается в "государственное". Но традиционное гуманистическое представление (вспомним, что еще Антонио де Гевара, один из идеологов испанского абсолютизма, защищал идею "государственной пользы") получает здесь несколько иную трактовку: поскольку процветание государства основано на труде народа, нужно заботиться о благосостоянии простых тружеников, а плох тот правитель, который об этом забывает¹⁵.

Особое внимание Фейхоо уделял вопросам методики исто-

рического исследования. Он полагал, что качество исторического труда непосредственно зависит от личности исследователя и потому очень важно обучение начинающих историков. В качестве назидания ученый обратился к произведениям наиболее видных историков древности и нашел в них целый ряд недостатков¹⁶. Но эти критические замечания Фейхоо высказывал не от своего имени, а вложил их в уста некоего французского прелата Камбрэ, а точнее – философа и педагога Франсуа Фенелона (1661–1715 гг.), который, действительно, был одно время епископом г. Камбрэ. На наш взгляд, отсылка к Фенелону примечательна и требует комментария. Дело в том, что в конце XVII в. во французской академии разгорелся бурный спор о сравнительных достоинствах древней и современной литературы. Фенелон отдавал предпочтение античной культуре и выступил в ее защиту. Однако он не был склонен идеализировать древних авторов, указывал на их ошибки и, таким образом, стремился занять позицию "золотой середины"¹⁷. Цитируя Фенелона, Фейхоо сам включался в дискуссию об античном наследии...

Не ограничиваясь перечислением несовершенств в трудах по истории, Фейхоо пытался проанализировать причины ошибок античных и современных ему авторов. Он понял, что люди склонны к субъективным оценкам. Основное зло, мешающее объективному воспроизведению исторических событий, по мнению Фейхоо, коренится в самой человеческой природе: историки, как и все люди, не свободны от пристрастий, и это отражается в их трудах¹⁸. Мыслитель не исключал и возможности прямого давления великих мира сего на летописцев: "...бывает, что страх заставляет историков сойти с прямого пути. Когда их не ослепляет собственная страсть, им мешает чужая"¹⁹. Очень часто это случается, замечает он, когда историк берет-ся описывать современность: "Чем он ближе к описываемым событиям, тем ближе к его глазам истина, тем больше у него возможностей познать ее; но и тем больше подозрений, что различные привязанности заставят его затемнить эту истину"²⁰.

Объективности исторического исследования порой мешает

и чрезмерная любовь к родине: "Наши испанцы часто жалуются, что французские писатели в своей ненависти к нам отрицают славные успехи нашей нации, возвеличивая свои достижения"²¹. Но Фейхоо признает, что и его соотечественникам свойственен "испаноцентризм"²². Ученый выступил против подобных "лженациональных" чувств, справедливо указывая на тот вред, который они могут принести.

Примечательно, что Фейхоо, глубоко верующий католик, признавал и паучебность религиозной розни, ^{видел в ней} препятствие на пути к исторической истине. С прискорбием он отмечал, что "многие католические историки погрязли в клевете"²³, не меньше, чем историки-протестанты. В качестве примера вопиющей необъективности ученый приводил предвзятое отношение тех и других к истории Ватикана, а также к Генриху VIII и Елизавете Английской.

Помимо "страстей" и "привязанностей", будь то приверженность к какой бы то ни было религии, гипертрофированное национальное чувство или боязнь не угодить могущественным лицам, историки, по мысли Фейхоо, не лишены и других человеческих пороков. Причиной некорректности многих трудов о прошлом он, как и Сенека, которого он цитирует, считал легковерие, небрежность, лживость их авторов, а также недостаток у них критичности²⁴, т.е. неумение сравнивать и проверять используемые сведения.

Фейхоо, однако, считал эти недостатки легко устранимыми. Со свойственным ему идеализмом и верой в совершенствование человеческой природы мыслитель обратился ко всем начинающим историкам (да и вообще исследователям) с рядом рекомендаций. Прежде всего, необходимо овладеть определенными знаниями, для чего Фейхоо советует молодым ученым как можно больше читать. "Недостаточность чтения", т.е. невежество, ученый называл корнем всех бед, источником всех заблуждений: "Тот, кто мало читает, часто принимает за точное мнение и даже фальшивое"²⁵. Круг чтения должен быть максимально широк, иначе у исследователя составится слишком одностороннее, а значит, неверное представление о предмете²⁶. Как мы видим, советы Фейхоо предполагают

приобретение книжных, а не практических, жизненных знаний. Вероятно, это объясняется тем, что сам ученый вел за творческую жизнь, почти не занимаясь общественной деятельностью.

Далее, напоминал Фейхоо, каждому молодому ученому нужно научиться систематизировать накопленные знания. В Испании это было требованием века. Если раньше историки занимались там, в основном, публикацией документов и выясняли их подлинность, то в конце XVII – начале XVIII вв. перед ними уже встала задача обобщения и систематизации имеющихся материалов, а затем и их использования. Умение систематизировать, по Фейхоо, – это умение выделять в массе факторов главные события, находить их причины и предвидеть следствия²⁷. Таким образом, в этом вопросе Фейхоо вплотную подошел к признанию существования причинно-следственной связи между событиями, что было важным шагом для испанской историографии того времени.

Наконец, ученый очень определенно сформулировал требования к личности исследователя. Историк должен обладать огромной любовью к правде, пытливым умом, методичностью, здравым смыслом, проникательностью, ясным и благородным слогом.²⁸ Фейхоо понимал, что эти качества редко соединяются в одном человеке, но тот, кто сумеет их в себе развить, создаст по истине гениальный исторический труд...

Характеристика мыслей Фейхоо о методах создания исторических трудов останется неполной без анализа его отношения к проблеме познания. То, что мыслитель переносил акцент на личность исследователя, не означает, что постижение истины он ставил в зависимость лишь от прилежания и образованности отдельных людей. Ему был присущ некоторый агностицизм, распостраненный, в том числе, и на историческое познание. Едва ли не самой существенной причиной низкого качества трудов по истории он считал невозможность полного выявления истины²⁹. Более того, он писал: "Историческая правда во многих случаях так же непостижима, как и философская"³⁰. Это же Фейхоо подразумевал под исторической правдой? Сам

мыслитель нигде об этом не упоминал, но, по нашему мнению, из всего контекста его рассуждений следует, что "абсолютная историческая истина" для него — это первопричина событий, движущие силы истории. Как мы отмечали, он склонялся к мнению о том, что историю делают люди, но что, в свою очередь, движет людьми — божественная ли воля, собственные их страсти, слепой случай или некий объективный закон? Единого ответа на этот вопрос Фейхоо не нашел (а, может быть, и не искал), в каждом конкретном случае решая его по-разному.

И все же, несмотря на некоторый пессимизм и сомнения, философ не отказывал человеку в свободе познания, более того, связывал постижение истины с развитием светских наук. Он верил в человеческий разум и надеялся, что его советы помогут молодым ученым в их поисках если не абсолютной, то хотя бы относительной истины.

ж ж ж

Интересно проследить, какие выводы сделал Фейхоо из своей философии истории, что он, к примеру, думал о прошлом Испании. Этой теме посвящено немало его работ и, в том числе, программный очерк "Слава Испании", цель которого — "показать нынешней Испании Испанию древнюю, нынешним испанцам — славу их предков, сыновьям — заслуги отцов, чтобы . . . ветви единого древа не забыли о своем стволе и корнях"³¹.

Хронологически очерк начинается с описания античного Пиренейского полуострова, а заканчивается воцарением Карла V (1519—1555). Это время, по представлениям Фейхоо, было исконно испанским периодом, с утверждением же в Испании династии Габсбургов началась иная, "австрийская", эпоха, продолжавшаяся до конца XVII в., а затем очередная смена династии ознаменовала собой наступление "французской" эпохи.

Античную историю Испании Фейхоо ведет со времени походов Ганнибала. Как известно, в результате этих походов

большая часть полуострова попала под власть Карфагена, первые попытки колонизации Пиренейского полуострова были предприняты карфагенянами в начале III в. до н.э.), а несколько позже, после II Пунической войны, Испания была превращена в римскую провинцию (201 г. до н.э.). Но Фейхоо не интересовали ни причины побед карфагенян и римлян, ни административное устройство Пиренейского полуострова, ни его социально-экономическое развитие в этот период. Единственно, на что Фейхоо обращает внимание — это мужество испанцев³². Будучи, например, осаждены в Сагунто (219 г. до н.э.), воины, а также женщины, старики и дети "предпочли умереть с оружием в руках и быть похороненными под развалинами, чем безоружными покинуть город"³³. Т.о., для Фейхоо, идеалиста, главное в испанской истории — это гордый и мужественный дух испанцев. В своем очерке он пытался проследить проявления этого духа на протяжении веков. Интересно, что даже свидетельства Фукидида, Катона, Тита Ливия о древней Испании ценны для Фейхоо только своими упоминаниями о свободობлюби его предков³⁴. Римской империи Фейхоо же касался только иногда, когда писал о славе, которую принесли ей сыны испании — императоры Траян, Адриан, Теодосий, поэт Марциал, философ Сенека³⁵, причем, несомненно, несколько преувеличил их роль в истории Древнего Рима...

Из античной Испании у Фейхоо, без каких бы то ни было потрясений, вырастает Испания средневековая. Вспомним, что в XV—XVII вв. вопрос о соотношении античности и эпохи средних веков решался по-разному. Известно, что гуманисты превозносили античную культуру, часто противопоставляли ее средневековой. Многим выдающимся государственным и общественным деятелям была свойственна идеализация демократического устройства древнегреческих городов. В XVI в. были и критические отзывы об античности, но в целом преобладало положительное отношение к ней. Современники Фейхоо (Французские просветители, в частности), приняв предложен-

ное еще гуманистами трехчленное деление всеобщей истории на древнюю, среднюю и новую, были поэтому склонны к противопоставлению античности и средневековья. У Фейхюо совсем иной подход к этим проблемам. Он не видел особой разницы между этими двумя эпохами, поскольку отсчитывал новый исторический период от года официального принятия христианства (313 г.), хотя в Испании оно распространилось и укрепилось значительно позже – в V–VI вв.

В идеалистическом духе решен у Фейхюо и вопрос об античном наследии. Не отрицая значения древнегреческой и древнеримской культуры, но и не преувеличивая его (вспомним критику древних историков, ссылки на Фенелона и дискуссии "о древних и новых"), мыслитель повернул этот вопрос иначе: он считал, что единственным "античным наследием" для Испании могла стать и на деле стала любовь испанцев к свободе, их готовность бороться за независимость и веру³⁶. Другими словами, античность, средние века и новое время применительно к истории Испании для него равнозначны.

В период средних веков черты национального характера испанцев наиболее ярко проявились в Реконкисте – отвоевании ими своих земель, потерянных в VIII в. в результате арабского завоевания. Полностью игнорируя социальные (и идейные) причины нашествия, Фейхюо объяснял его актом божественной воли: "Бог наказал проступки короля, наслав несчастье на его народ"³⁷. (Это замечание ученого, как и некоторые другие, подтверждает наши предположения о его сомнениях относительно движущих сил истории). Единственное же положительное последствие вторжения арабов Фейхюо видел в том, что она дала испанцам повод показать всему миру свое мужество и, таким образом, "несчастье обернулось источником славы"³⁸, ибо "ни один народ никогда не совершал столько подвигов, сколько должен был совершить испанский народ"³⁹, прежде чем вернуть утраченные земли.

На первый взгляд может показаться, что Фейхюо, идеализируя испанцев – защитников родины и веры, понимал Реконкисту в духе средневековых баллад и недалеко ушел от типич-

ных образцов феодальной историографии. Это не совсем так. Фейхюо был первым из испанских историков, приблизившихся к восприятию Реконкисты как сложного, противоречивого, многостороннего процесса. Именно поэтому он не ограничился описанием военных подвигов, но пытался обобщить события политической истории страны того периода.

Обосновывая необходимость единства Испании (а даже в эпоху Фейхюо задача централизации не была решена до конца), философ с горечью писал о расприх между постепенно освобождавшимися из-под власти арабов и обособлявшимися испанскими провинциями. Он справедливо видел в междоусобных войнах препятствие успешному продолжению Реконкисты: "...из-за того, что отвоеванные провинции распались на несколько враждующих государств, усобицы правителей весьма тормозили это важное дело"⁴⁰ (воссоединение страны. – Е.К.). Действительно, к 1248 г. в руках мавров оставалась только Гранада, освобождение которой затянулось на два с лишним века из-за несогласованности действий испанских феодалов. Особенно Фейхюо критиковал политику кастильского короля Педро Жестокого, при котором испанский народ "повернул оружие против себя самого, как зверь, пожирающий собственные внутренности"⁴¹.

Поворотными пунктами истории Испании мыслитель называл объединение Леона и Кастилии (1230 г.) и объединение Кастилии и Арагона (1479 г.), а также создание единого законодательства при короле Альфонсо X Мудром (1254–1284 г.г.) – так называемых Семи Партид⁴².

Историю Реконкисты, а вместе с тем и исследование по истории "догабсбургской" Испании Фейхюо завершил традиционным восхвалением в адрес католических королей Изабеллы и Фердинанда, у которых все европейские государи учились мудро управлять своими подданными⁴³.

Что касается "австрийских" преемников Фердинанда и Изабеллы, то главную их заслугу Фейхюо видел в том, что они продолжали начатую католическими королями христианизацию Америки. Фейхюо с негодованием выступил против "черной легенды", описывавшей вар/варское уничтожение цивилизаций

Южной и Центральной Америки. Он утверждал, что все это — измышления тех, кто завидовал Испании, получившей богатые владения в новых землях. Более того, он оправдывал действия испанских конкистадоров тем, что индейцы якобы были каннибалами и их следовало наказать за это и, объяснив им их заблуждения, обратить в христианскую веру⁴⁴. Фейхoo восхищался и то, что в то время, когда Лутер и другие еретики в Европе отнимали у католической церкви страну за страной, испанцы преподнесли папе Новый Свет⁴⁵... Призывая к беспристрастности, Фейхoo сам оказался пристрастным. Он готов был закрыть глаза на все преступления завоевателей Америки потому, что, как ему казалось, их "подвиги" принесли Церкви новую славу и богатства. Оправдание захватнической политики, обвинение индейцев во всевозможных грехах были типичны для реакционных идеологов господствующего класса. Остается только пожалеть, что некоторые из мнения разделял и Фейхoo.

Немало страниц Фейхoo посвятил и доказательству того, что его соотечественники преуспели в науках и искусствах, а не только на полях сражений. Он перечислил всех (или почти всех) средневековых испанских ученых, писателей, юристов, теологов, дал краткое описание их работ и показал, что было особенно значительно в их трудах, что новое они внесли в ту или иную отрасль науки. Эти материалы Фейхoo и сейчас представляют определенную ценность, поскольку автор систематизировал их и снабдил необходимыми примечаниями⁴⁶. Впрочем, нам представляется, что не все выводы Фейхoo о достижениях испанской науки правомерны. Он, безусловно, преувеличивал вклад сограждан в развитие европейской культуры и науки...

Итак, нетрудно убедиться в том, что сам Фейхoo в своих работах по истории не всегда оказывался на высоте своих же постулатов о беспристрастности и объективности. История Испании в его интерпретации носит апологетический характер и весьма тенденциозна. Предвзятость мнений Фейхoo очевидна, когда он пишет о церкви. Другими словами, его идеал объективного исследователя на поверку оказался довольно хрупким — мыслитель очень далек от него.

Что же, в таком случае, позволяет нам говорить о значимости его исторических воззрений и необходимости их дальнейшего изучения? Дело в том, что Фейхoo, в основном, наметил путь развития исторической мысли эпохи Просвещения в Испании. Его собственные труды вряд ли можно назвать просветительскими — слишком сильны в них представления, традиционные для феодальной и католической историографии. Но своеобразие испанского Просвещения и заключалось в том, что оно не выступало против церкви, а, наоборот, носило клерикальный характер. Не следует забывать и о том, что Испания XVIII века — это страна с феодальными порядками, борьба с которыми затянется на многие десятилетия. Все это нашло отражение в произведениях Фейхoo. Безусловно новым для его страны и эпохи в них было, пожалуй, лишь стремление к обобщению знаний и их использование для просвещения, в самом широком смысле этого слова, — для борьбы с косностью, суевериями, пережитками. Именно так понимал свои задачи сам Фейхoo.

Велика и заслуга Фейхoo в разработке конкретных проблем испанской истории. Исследователи второй половины и конца XVIII в. вслед за ним обратились к античности и раннему средневековью Испании, переняли его принципы периодизации и своеобразное отношение к преемственности эпох. Флорес, Масдеу, Капмани, Форнер, хотя и не были учениками Фейхoo, усвоили многие его идеи и развили их в своих работах. Так, Форнер, вынужденный писать апологию Испании, защищать родину от пренебрежительных замечаний французских авторов, сходным образом описывал прошлое своей страны. Он использовал и некоторые приемы Фейхoo, например, очерк об испанских писателях схож по построению с очерком последнего о деятелях национальной культуры и науки⁴⁷.

Огромный резонанс в последующие эпохи имели также мысли Фейхoo о двух Испаниях — традиционно-консервативной, изолированной от внешнего мира и ориентированной на Европу, оторванной от национальных корней⁴⁸. Сам философ, сторонник нового, патриот и вообще противник крайних течений, стремился примирить эти две противоположности и найти третий путь, единственно приемлемый. Питая глубочайшее уважение к нацио-

нальным традициям и достоинству Испании, он, тем не менее, не мыслил ее вне Европы, его волновало, какое место его родина займет в европейском содружестве⁴⁹. Но тема "двух Испаний" выходит за рамки нашего исследования и нуждается в специальном изучении.

По нашему мнению, все это позволяет говорить о Фейхоо как о предтече исторической мысли эпохи Просвещения в Испании; одним из первых он понял, что знание настоящего своего Отечества невозможно без детального анализа его прошлого. Кроме того, сам факт появления в Испании первой половины XVIII в. оригинальных, незаимствованных исторических концепций заставляет иначе оценивать общественную мысль страны того времени....

Примечания

- 1 Piórez E. Memorias de las reynas católicas . Т.1-2-. - Madrid, 1970; idem. Medallas de las colonias, municipios y pueblos antiguos de España. Т.1-3. - Madrid, 1757-1773. Masdeu J.F. Historia crítica de España. Т.1-20. - Madrid, 1783-1805. Capmany A.de. Teatro histórico-crítico. Т.1-3. - Madrid, 1787. Sempere y Guarinos J. Ensayo de una biblioteca española de los mejores escritores del reinado de Carlos III. Т.1-3. - Madrid, 1969. Forner J.P. Oración apologética por España y su mérito literario. - Madrid, 1956. Idem. Discurso sobre el modo de escribir y mejorar la historia de España. - Barcelona, 1973.
- 2 Lopez F. Introducción // Forner J.P. Discurso... P.22-23.
- 3 Maravall J.A. Mentalidad burguesa e idea de la historia en el s.XVIII // Revista de Occidente, N107, Febrero de 1972. P.253.
- 4 Obra de Jovellanos. В.А.Е. Т.46. P.298.
- 5 См. Abellan J.L. Historia crítica del pensamiento español. Т.3. - Madrid, 1981. P.764-766.
- 6 Майский И.М. Испания 1708 - 1917 г. М., 1957. С.12-18. Лишь в последние годы О.В.Волосжик и В.В.Суховерховым делаются попытки более объективного рассмотрения некоторых

проблем испанского Просвещения.

- 7 См.: Menéndez y Pelayo M. Historia de los heterodoxos españoles. Т.3. - Madrid, 1881; Alcázar Molina C. El despotismo ilustrado en España // Bulletin des sciences historiques. - Paris, 1932. P.728-751.
- 8 См.: Lluch E. y Argemi i D'Abadal L. La Fislocracia en España // Sistema, 1983. Sept., N 56.
- 9 В советской исторической науке испанскому термину "pre-reformismo ilustrado" (предпросвещение) соответствует понятие "раннее Просвещение".
- 10 Mayans y Siscar G. Censura de Historias fabulosas. Valencia, 1742. Idem. Defensa del rey Witiza. Valencia, 1772; idem. Vida de Miguel Cervantes. Londres, 1737; Sarmiento, M. Estudio sobre el origen de la lengua gallega. Buenos Aires, 1943; Feijóo . Teatro crítico universal. Madrid, 1973-1975, Cartas eruditas y curiosas. М., 1928. О жизни Фейхоо и содержании его трудов см.: Кузьмичева Е.К. Идея справедливости в трудах Б.Х.Фейхоо-и-Монтенегро // история социалистических учений. 1987. М., 1987.
- 11 Feijóo. Teatro crítico universal (далее - Teatro...). Т.1. Madrid, 1975. P.55-78.
- 12 См.: Feijóo. Origen de la fábula en la historia. Divorcio de la historia con la fábula // Feijóo. Ideas literarias. - Madrid, 1963.
- 13 Фейхоо должен был знать о публикациях документов французскими историками-мавристами, поскольку, как и они, принадлежал к ордену Св.Бенедикта, монахи которого славились своей образованностью. Не исключено, что именно под влиянием этих работ он написал указанные статьи.
- 14 Feijóo. Teatro... Т.3. - Madrid, 1975. P.229.
- 15 Подробнее об этом см.: Кузьмичева Е.К. Указ.соч.
- 16 Feijóo. Tratados escojidos (Tratados...). Т.2. - Madrid, 1943. P.8.

- 17 Бахмутский В.Я. На рубеже двух веков // Спор о древних и новых. М., 1985. С.37.
- 18 Feijóo. Tratados. T.2. P.19.
- 19 Ibid. P.22. То же самое мешает и судьям выносить справедливые приговоры. Фейхоо часто сравнивал занятия историей с криспруденцией, так как считал, что успех в обеих областях зависит от памяти, знаний и честности самих историков и кристов.
- 20 Ibid. P.19.
- 21 Feijóo Teatro... T.1. Madrid, 1975. P.58-59.
- 22 Ibid. P.66.
- 23 Feijóo. Tratados... T.2. P.25.
- 24 Ibid. P.19.
- 25 Ibid. P.33.
- 26 Ibid. P.34.
- 27 Ibid. P.17.
- 28 Ibid. P.79.
29. Ibid. P.19.
- 30 Ibid. P.18.
- 31 Feijóo. Teatro... T.2. Madrid, 1973. P.103.
- 32 Всех жителей Испании с древнейших времен Фейхоо называет "есрапоles".
- 33 Ibid. P.112-113.
- 34 Ibid. P.108, 122.
- 35 Ibid. P.125.
- 36 Ibid. P.130.
- 37 Ibid. P.133. Фейхоо, как и другие историки Испании в XVIII в., полагал, что у вестготов король выбирался народным собранием; следовательно, народ несет ответственность за действия выбранного им правителя.
- 38 Ibid. P.134.
- 39 Ibid. P.136.
- 40 Ibid. P.150.
- 41 Ibid. P.152. В соответствии со своими суждениями о сущности и назначении власти, Фейхоо считал преступными действия короля, забывшего об "общем благе".
- 42 Ibid. P.151.
- 43 Ibid. P.157.
- 44 Ibid. P.163.
- 45 Ibid. P.160.
- 46 Ibid. P.165-203.
- 47 Forner J.P. Oración apologética... P.141-181.
- 48 Feijóo. Teatro... T.1. P.211.
- 49 Подробнее об этом см.: Menéndez Pidal R. Los esrañoles en la historia. Madrid, 1982. P.182-238. По мнению Менендеса Пигалья и других испанских историков, проблема "двух Испаний" занимает центральное место в наследии Фейхоо.

Некоторые тематически связанные материалы

И.Майский. Испания 1808-1918 гг.
(исторический очерк)

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p80399924.htm>

Эпоха Великой французской революции:
проблемы истории и историографии
/ Межвуз.сб.науч.тр.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p66282955.htm>

Человек эпохи Просвещения / сб. науч. трудов
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p58779754.htm>

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АН СССР

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII века

М.: 1988

Редакционная коллегия: д.и.н. Г.С.Кучеренко
(ответственный редактор), к.и.н. К.М.Андерсон
(ответственный редактор), к.и.н. Г.С.Черткова, С.Я.Карп,
А.В.Чудинов.
Рецензенты: к.и.н. М.И.Ковальская, к.и.н. Л.А.Пименова.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии

Текст здесь:

Кузьмичева Е.К. Фейхоо-и-Монтенегро и становление
исторической мысли испанского Просвещения
Лебедева Е.И. Революция в зеркале просвещенного
сознания (исследование литературной
корреспонденции Блен де Сенмора)

Текст здесь: <http://www.annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Lebedeva.doc>

Карп С.Я. Бриссо и Гельвеций

Плавинская Н.Ю. Представления Монтескье
о республике и их оценка в жирондистской прессе
Ростиславлев Д.А. Из истории журналистики
периода якобинской диктатуры

(О некоторых особенностях газеты Ж.Р.Эбера "Пер Дюшен")

Текст здесь: http://vive-liberta.narod.ru/journal/rostisl_hebert.pdf

Кузнецов И.Н. Гердер о Великой французской революции
Петинова А.И. Джозеф Пристли и революционная Франция
Чудинов А.В. Развитие взглядов Дж.Макинтоша
на французскую революцию в 90-е годы XVIII в.

См. текст автореферата авторана соискание ученой степени
доктора исторических наук: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/chud.pdf>

Улуян А.А. Роль идейного наследия французской
и американской революций XVIII в. в становлении
общественно-политических взглядов А.Кораиса

Темкин В.А. Идеи Просвещения в творчестве Пи-и-Маргаля

Веб-публикация: Vive Liberta и Век Просвещения, 2 вандемьера ССXI года
Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

Сергей Яковлевич Карп БРИССО и ГЕЛЬВЕЦИИ

"Просветительство, — писал Б.Ф.Поршнев о французском Просвещении XVIII в., — выступило на сцену в конце 40-х годов, а к середине 70-х годов почти все идейные снаряды были выпущены. В последние лет пятнадцать перед революцией люди уже перечитывали просветителей как властителей дум своей юности"¹. Высказанные ими идеи осваивались, трансформировались в умах, отражавших потребности революционной эпохи. Изучение процессов, происходивших в идеологии и культуре Франции конца XVIII в., невозможно без исследования конкретных судеб идей Просвещения, начатого в советской историографии В.П.Волгиным, продолженного Б.Ф.Поршневым, Л.С.Гордоном и Г.С.Кучеренко². Их работы сделали очевидной необходимость широкого исторического подхода к просвещению, пристального внимания к его генезису и мутациям, обращения историков к наследию тех просветителей, творчество которых коснулось не только социально-политических доктрин, но и онтологии, гносеологии, этики, оставаясь преимущественно в ведении философов. Для вторжения в эту область нам представляется особенно заманчивой фигура Клода-Адриана Гельвеция (1715—1771) выдающегося французского просветителя, автора знаменитых трактатов "Об уме", "О человеке". Гельвеций принадлежал к кругу энциклопедистов, хотя и не писал статей для "Энциклопедии". По мнению западногерманского историка Э.Фогелина, трактат "Об уме", сожженный по приговору Парижского парламента в 1759 г., сконцентрировал широкий спектр идей самой "Энциклопедии"⁴. Сторонник учения о решающей роли среды в формировании личности, Гельвеций доказывал ошутное происхождение нравственных представлений, их обусловленность интересами индивида. Утилитаристская этика Гельвеция, во многом восходящая к Локку, оказалась "мостом" к воззрениям Беккариа и Бентама. Сочинения просветителя, связавшего онтологию и мораль с правом и политикой, способствовали консолидации общественного движения, вылившегося в Великую буржуазную революцию конца XVIII века.

Воздействие идей Гельвеция на историю и культуру

Франция рассматривалась в фундаментальной монографии А.Кейма, трудах М.Гроссмана, Э.Алакаторе, Х.Н.Момджия, Я.Камминга, Л.Ледока, С.Моравиа⁵. Появление работ, посвященных судьбам наследия философа, — особенность послевоенной историографии Просвещения. Этот факт был отмечен и на Брюссельском международном коллоквиуме 1971 г., приуроченном к 200-летию со дня смерти Гельвеция⁶.

Впервые к теме "Гельвеций и Революция" обратился еще А.Кейм. "Поскольку революция, — писал он, — стремилась к реализации прав человека и преобразованию общества при помощи новых законов, основанных на свободе, равенстве и братстве граждан, она могла лишь воздавать хвалу Гельвецию"⁷. А.Кейм и М.Гроссман отметили влияние Гельвеция на Р.де Мирабо, Ж.Сийеса, А.де Кондорсе, Ж.Гара, Л.Рёдерера, Ж.де Больея, А.де Сен-Симона, подчеркнув неприязнь Ж.П.Марата и Ж.Робеспьера к великому мыслителю. Я.Камминг обратил внимание на то, что творчество Гельвеция способствовало падению авторитета французской монархии⁸. Х.Н.Момджия пришел к выводу о большом соответствии умеренно-буржуазных социально-политических идеалов Гельвеция деятельности жирондистов, нежели далеко заходящим политическим мероприятиям рожденной якобинской революционной демократии⁹.

Влияние идеи Гельвеция на революционный процесс во Франции может быть уточнено через изучение их восприятия крупными политиками, выдвинувшимися в ходе или в результате событий 1789—1799 гг. Один из них — Макс Пьер Бриссо — лидер жирондистской группировки, пришедшей к власти на восходящей линии революции. Разумеется, Гельвеций — не единственный просветитель, работы которого были известны Бриссо. Однако, если воздействие Монтескье и Руссо на творчество и политику жирондиста уже стало предметом специальных исследований¹⁰, то тема "Бриссо и Гельвеций" в литературе еще не затрагивалась.

Начало политической активности Бриссо пришлось на 80-е гг. XVIII в. К этому времени сын шартрского трактирщика

окончил колледж, прибыл в Париж, получил место клерка у прокурора столичного парламента. Он присоединил к своей фамилии "аристократическую" приставку "де Варвил", открывавшую дополнительные возможности на общественном поприще, и занялся агитацией в пользу реформы уголовного права. Именно в 80-е гг. Бриссо издал большую часть своих памфлетов, подписанных и анонимных. Самая значительная публикация Бриссо первой половины 80-х гг. - 10-томная "Философская библиотека законодателя, политика, юриста", в которой вышли его собственные работы, отрывки из "Утопии" Т.Мора, "Наказ" Екатерины II Уложенной комиссии 1767 г., конституция Пенсильвании, сочинения Вольтера, Беккариа, современных правоведов с комментариями и вступительными статьями издателя¹¹.

В IV томе "Философской библиотеки" было опубликовано "Рассуждение о нынешнем состоянии магистратуры и причинах ее упадка" адвоката Орлеанского суда Ф.Летрона¹². Благодаря этому появилось первое известное нам упоминание Бриссо о Гельвеции. Похвалив Летрона за "живость и пыл, вообще-то редкие для этого автора", Бриссо в своем "Предварительном замечании" отметил, что пояснения Летрона с критикой Руссо и Гельвеция показались ему излишними и он не включил их в публикацию¹³. Однако Бриссо этим не удовлетворился. На с. 137 четвертого тома в подстрочнике читаем: "Этот набор напыщенных фраз, направленных против философов, следует адресовать одним атеистам и материалистам; иначе он теряет всякий смысл. Г-н Летрон причислил к ним Руссо и Гельвеция! Руссо - друга добродетели! Гельвеция, которую сама истина вручила свой светоч!"¹⁴.

Что же считает Бриссо "набором напыщенных фраз"? Какие чувства, - восклицает Летрон, - могут заменить в сердце изгнанные из него добродетели, если не полнейшее безразличие к другим, если не эгоцентризм, для которого общество, родина, семья заключаются в нем самом, а люди существуют лишь постольку, поскольку могут быть ему полезны...? Не достаточно ли, чтобы эти чувства, столь противные челове-

ской природе и общественному благоденствию, подтверждались поведением и примером? Нужно ли, чтобы они стали максимами и нашли среди нас учителей, которые принялись бы проповедовать их и распространять? Новая философия возникла. Она по-творствует всем страстям..., враждебна всякому чувству долга, объединяет безбожные усилия своих приверженцев, направленные на... расшатывание непреложных догматов религии, и преуспевает в умопомрачении лишь тех людей, чье сердце уже развращено и кто пытается скрыть свое распутство во мраке, который эта философия им предоставляет. Она лишает человека самого дорогого, самого утешительного, дабы оставить в самом ужасном неведении относительно его происхождения, природы и судьбы... У души она оспаривает... ее главнейшие свойства, у разума - способность отличать праведное от неправедного; она не указывает человеку иных правил поведения, кроме ощущений, вытекающих из слепого инстинкта, иной цели, кроме наслаждений или выгоды, иного предела жизни, кроме небытия. Кто поверил бы, что низведя человека до положения скота, проповедники этой доктрины осмелятся хвастать тем, будто являются благодетелями человеческого рода, а злополучный век, породивший их, называть веком философии?..."¹⁵

Именно эту тираду объявил Бриссо "набором напыщенных фраз". Тем не менее, рассуждения Летрона произвели на него впечатление, ибо он исключил в упомянутом примечании Руссо и Гельвеция из числа "материалистов и атеистов", пытаясь, вероятно, как-то отделить их от "новой философии". К тому же Бриссо объявил саму критику и того и другого просветителя бессмысленной, так как "век уже воздал им должное" и никакие "обвинения не лишат их этого!"¹⁶

Бриссо, разумеется, знал о материалистических и атеистических взглядах Гельвеция, хотя не разделял их. В 1782 г. он впервые выпустил трактат "Об истине или Размышления о способах постижения истины во всех областях человеческого знания"¹⁷. Высоко оценив метод Декарта, Бэкона, Мальбранша и Гельвеция¹⁸, он призвал философов-скептиков, стремившихся к постижению истины, согласиться с мыслью о бытии бога¹⁶. "От-

куда станете черпать силы вы, не верящие ни во что?" — обращается он к атеистам. "В вашем сердце, которое сосредоточивает все в себе самом? В надеждах на будущую жизнь, существования которой вы не допускаете? В любви к человечеству, которая, по-вашему, не может быть ничем иным, кроме как безумием? В погоне за славой, которая есть ни что иное, как дым..."²⁰

В упреках Бриссо и Летрона много общего. Тем не менее, в публикации, связанной с реформой законодательства, Бриссо берет Гельвеция под защиту. В работе, обращенной к узкому кругу лиц, занятых "поисками истины", он высказал свое деистическое кредо; в "Философской библиотеке", предназначенной для широкой читательской аудитории, критический аспект мысли Гельвеция для него важнее, чем расхождение с просветителем в решении основного вопроса философии.

Одновременно с сочинением Летрона Бриссо опубликовал анонимное "Рассуждение о гуманности, которой должны руководствоваться судьи при отправлении правосудия по уголовным делам"²¹. По мнению Бриссо, идеи "знаменитого Гельвеция" повлияли на неизвестного автора. "Тонкость, ясная и глубокая последовательность суждений, плавный и гармоничный стиль — вот что отличает этот труд", — пишет издатель²². Автор "Рассуждения о гуманности", оспаривая непреодолимую будто бы склонность человека верить в зло, обращается к известному положению трактата "Об уме" относительно свойственной людям тяги к лени, покою, которой противостоят страсти и отвращение к скуке²³. "Повинуясь деятельным и инертным силам, воздействующим на нашу душу, — полагает Гельвеций, — мы вообще желаем быть в движении, не подвергая себя труду двигаться; по этой же причине мы хотели бы все знать, не давая себе труда учиться; поэтому же люди больше подчиняются мнению, чем рассудку, который во всех случаях требует от нас утомительной проверки, и, вступая в свет, воспринимают безразлично как истинные, так и ложные идеи, навязываемые им..."²⁴. По мнению Гельвеция, "потребность в движении и какое-то беспокойство, вызываемое в нашей душе отсутствием

впечатлений, и является отчасти началом изменчивости и способности к совершенствованию человеческого ума; она принуждает его бросаться во все стороны... В самом деле, если впечатление тем приятнее, чем они ярче, и если продолжительность ощущения притупляет его яркость, то мы должны жадно стремиться к новым ощущениям, возбуждающим в нашей душе удовольствие своей неожиданностью..."²⁵. Автор "Рассуждения о гуманности", опираясь на Гельвеция, утверждает, что каждый готов, прежде всего, поверить в то, что сулит ему "наиболее сильное и наименее скоротечное переживание"²⁶. Мысль просветителя позволяет усомниться в способности человека трезво оценивать обстоятельства и мотивы преступления, а значит — и в справедливости строгих решений суда. Таким образом, автор использует взгляды Гельвеция для обоснования своего основного требования — гуманности при отправлении правосудия по уголовным делам, и Бриссо не скупится на похвалы, именуя "Рассуждение" "шедевром хорошего вкуса и философии"²⁷.

В девятом томе "Философской библиотеки" Бриссо поместил свою рецензию на "Опыт о необходимых реформах в нашем уголовном законодательстве" адвоката Парижского парламента Ф.-М.Вермея²⁸. В этом сочинении Бриссо усмотрел полемику автора с Гельвецием. В частности, по мнению рецензента, Вермей оспаривал мнение философа, утверждая, что стремление делать людям добро и личный интерес — не подчиненные, а противостоящие друг другу силы²⁹. Речь могла идти о следующем положении трактата "О человеке": "Гляжий уверяет, будто он любит добродетель ради нее самой. Слова эти на устах у всех, но ни у кого на сердце. Что побуждает сурового пустытника поститься, носить власяницу и подчиняться строгой дисциплине? Надежда на вечное блаженство: он боится ада и желает попасть в рай. Удовольствие и страдание — первоисточники, порождающие монашеские добродетели, — являются также первоисточниками патристических добродетелей. Эти последние пробуждаются надеждой на награду. Какую бы бескорыстную любовь к этим добродетелям не выражали, но без интереса любить добродетель не бывает добродетели. Чтобы узнать человека в этом отношении, надо изучить

его не по его словам, а по его делам. Когда я говорю — я надеваю маску; когда я действую — я вынужден снять ее"³⁰.

Бриссо склонен согласиться с подобным взглядом фило-софа: "Гельвеций не отрицал стремления делать добро людям, однако считал его подчиненным интересу или, скорее, самим интересом, но замаскированным и сменившим имя. Следует при-знать, что эти доводы убедительны и что г-н Вермей против-поставляет им лишь собственное мнение"³¹. Таким образом, бу-дущему лидеру жирондистов близко утилитаристское понимание добродетели.

Знакомство с "Философской библиотекой" показывает, что Бриссо взял под защиту "разрушительные философские до-ктрины", связываемые Летроном с именами Руссо и Гельвеция, что он одобрил обращение к "воресскому мудрецу" для крити-ки способности суждения и тем более осуждения в уголовном судопроизводстве и, наконец, согласился с индивидуалисти-ческим объяснением добродетели, предложенным Гельвечием. Все это, на наш взгляд, свидетельствует о причастности идей просветителя к формированию взглядов будущего лидера Жиронды, к идеологической подготовке революции.

Вместе с тем, некоторые представления Гельвеция не соответствовали устремлениям Бриссо и препятствовали этой подготовке. Весьма примечателен уже известный нам упрек Бриссо философам, для которых "любовь к человечеству не может быть ничем иным, кроме как безумием"³². Не исключе-но, что его задела фраза Гельвеция: "Самый великодушный поступок производит как благодетельный пример не большой эффект на моральный мир, чем камень, брошенный в океан, производит действие на все моря, поверхность которых он необходимо заставляет подняться. Следовательно, по отноше-нию ко всему миру не существует практической честности. Что же касается честности намерений, которая сводится к постоянному и привычному желанию счастья для всех людей, и, следовательно, к простому и смутному пожеланию всемир-ного благоденствия, то этого рода честность я считаю толь-ко платонической химерой"³³. Реакция Бриссо понятна: пред-метом язвительного замечания Гельвеция оказалась пропаган-

да идей всеобщего счастья и всемирного благоденствия, не-обходимо связанная с грядущим социальным переворотом.

Вдохновляемый "любовью к человечеству", Бриссо ста-новится членом различных неофициальных и полулегальных групп, направлявших общественное движение накануне револю-ции, подрывавших престиж и действенность реальных опор ста-рого порядка. Одна из таких групп — месмеристское "Общество всеобщей гармонии", руководимое уроженцем Лиона Н.Бергассом и банкиром из Страсбурга Г.Корнманом. Деятельность Общества и участие в нем Бриссо подробно описаны в работе Р.Дарнто-на "Месмеризм и конец Просвещения во Франции"³⁴. Он же привел датируемый 1787 г. список авторов, "чьи труды имеют нечто общее с месмеризмом". Это Локк, Лейбниц, Кюм, Ньютон, Декарт, Ламтри, Бонне, Дидро, Мопертюи, Робине, Гельвеций; Кондильяк, Ш.-Ж.Руссо, Бюффон, Марат, Бертолон³⁵. Автор пе-речня, констатирующего связь сочинений Гельвеция с месме-ризмом, — некий Муйесо, почт-директор в Страсбурге, — мог иметь отношения с Корнманом, Бергассом, их Обществом, а значит и с Бриссо. Примечательно также, что Серван де Сю-ньи — теоретик уголовного права, поддерживавший первые ша-ги Бриссо в публицистике и издававшийся в его "Философской библиотеке", друг и корреспондент Вольтера, д'Аламбера, Гельвеция и Бюффона — живо интересовался идеями Месмера. Об этом свидетельствуют выдержки из его письма М.-А.Жюлье-ну от 17 августа 1781 г., приведенные Р.Дарнтоном³⁶.

Увлечение Бриссо "животным магнетизмом" приходится на середину 80-х гг. К этому времени у него за плечами опыт "вольного памфлетиста, печатавшегося в Париже, Лондо-не, Невшателе; он был очевидцем волнений в Женеве (1782 г.), успел побывать в Англии (1782-1784 гг.), провести несколь-ко месяцев в Бастилии (1784 г.)³⁷, наконец, завершить из-дание "Философской библиотеки" (1785 г.). Месмеризм открыв-вал перед Бриссо новые перспективы. Как справедливо отмеча-ет Р.Дарнтон, Месмер и его последователи не только предла-гали объяснение невидимым силам природы, но и апеллировали к непрофессионалам, публике, ибо организованные корпорации

Академия Наук, Королевское Общество медицины, Медицинский факультет, Королевская комиссия его отвергли. Это позволило Бриссо напасть на академические учреждения старого порядка, обвинить их в "удушении новых истин", замкнутости, деспотизме³⁸. В группе Бергасса-Коримана Бриссо сотрудничал с Э.Клавьером, Ж.де Лафайетом, А.Дюпором, Ж.Горса, оставшимися, как и он, политических перемен во Франции. "Нельзя отрицать, - писал лидер Жиронды в 1793 г., - что усилия Бергасса и общества, собиравшегося у него, в высшей степени способствовали приближению революции"³⁹.

Любопытна еще одна линия "соприкосновения" Бриссо и Гельвеция - их связи с масонами. Знаменитый философ в 1766 г. основал в Париже Ложу Наук. В учреждении ее Гельвеций помогал астроном Ж.делАланд, автор трудов по небесной механике, почетный член Петербургской академии Наук. Гельвецию и Лаланду удалось собрать вокруг себя большое число "братьев", заинтересованных в научных исследованиях. По замыслу Гельвеция, охватывает Я.Камминг, ложа должна была охватить всех выдающихся ученых и эрудитов. Дабы выразить символически свою главную цель - совершенствование человеческого разума и присущего ему стремления к универсальности - ложа следовало перейти под покровительство муз, девяти дочерей Зевса и Мнемосины⁴⁰. Этот план был осуществлен в 1776 г. уже после смерти Гельвеция: Ложа Наук стала Ложой Девяти Сестер во главе с Лаландом. Ее устав появился в 1779 г.; помимо традиционных масонских добродетелей он требовал от "братьев" познаний в науках, литературе и искусствах. Членами Ложы Девяти Сестер стали ученые с мировыми именами Б.Франклин и А.де Кондорсе, известные правоведы Ж.Дюпати и П.Насторе, блестящий моралист Н.Шамфор, скульпторы Ж.А.Гудон, живописец Ж.Б.Грэм и другие представители культуры так называемого позднего Просвещения. В 80-е гг. в ложу вступили люди, выдвинувшиеся в первые годы Французской революции: Ж.Сийес, С.Байя, Ж.Петитон, Ж.Черутти, К.Демулен, Ж.Дантон и, наконец, Бриссо⁴¹.

Бриссо сыграл значительную роль в создании еще одной

влиятельной группы - "Общества друзей чернокожих". Оно образовалось 19 февраля 1788 г. для борьбы с рабством и работогольей⁴². Эта организация имела широкие связи (в т.ч. международные) и воздействовала на подготовку наказов Генеральным Штатам (в 49 из 600 наказов содержится требование о полной или постепенной отмене рабства). В Общество вступили будущие жирондисты Э.Клавьер, Л.Карра, Э.Петитон, А.Грегуар, но также Р.де Мирабо, Ж.де Лафайет и даже известный церковно-политический деятель Э.Ш.Ломени де Бриени⁴³. Отношение Бриссо к рабству выразилось и в его книге о путешествии в Соединенные Штаты, которое он совершил в 1788 г. по поручению Клавьера для выяснения различных возможностей спекуляции на американской задолженности Франции⁴⁴. Автор предисловия к ее новейшему изданию Д.Эччеверия не без оснований усматривает в ней влияние Гельвеция на Бриссо: последний исходил из первоначального равенства физических, моральных и интеллектуальных способностей всех людей, а реальные различия между ними относил за счет социальных институтов⁴⁵. Гельвеций же в трактате "Об уме" писал: "Моя задача - исследовать, способны ли все люди к страстям, достаточно сильным, чтобы сообщить им то сосредоточенное внимание, с которым связано умственное превосходство. С этой целью я, прежде всего, опровергну довод, опирающийся на невосприимчивость некоторых народов к страстям славы и добродетели, - довод, которым думают доказать, что не все люди способны к страстям. Я утверждаю, что невосприимчивость этих народов не может быть приписана природе, а должна быть приписана различным случайным причинам, как, например, особой форме правления"⁴⁶. Таким образом, аболиционистские взгляды и деятельность Бриссо можно рассматривать в связи с наследием Гельвеция.

Судьба идей Гельвеция в первые годы революции заслуживает особого исследования. До сих пор мы можем лишь сослаться на факты, собранные А.Кеймом; издавались и переиздавались сочинения и письма Гельвеция, в театрах ставились небольшие пьесы, прославлявшие философа, его дочери были провозглашены "дочерьми нации", бюсты Гельвеция украшали

присутственные места⁴⁷. 4 марта 1792 г. А. Гранженёв, депутат Законодательного собрания от департамента Жиронда, впоследствии обвиненный как "бриссотинец", преподнес Якобинскому клубу от имени г-жи Давид Бюст Гельвеция⁴⁸.

На общем вполне благожелательном фоне внезапным диссонансом звучит выступление Бриссо в ежемесячнике "Кроник дю муа"⁴⁹. Этот жирондистский журнал выходил на протяжении 20 месяцев с конца 1791 г. до лета 1793г. в типографии "Социального кружка". Его издавали люди, стоявшие за "Конфедерацией друзей истины" и выпускавшие газету "Буш де фер". Среди них - Н. Бонвиль, Ф. Лантена, Л. Мерсье, Э. Клавьер, Бриссо, Ж. М. Колло д'Арбуа. "Кроник дю муа" была рассчитана на интеллектуалов и обращались к ним со статьями по различным аспектам политической теории, политэкономии, философии, проблемам просвещения. Однако, как справедливо отмечает Г. Кейтс, ее репутация и влияние основывались не только на одних публикациях: ни один другой революционный орган периодической печати не имел такого количества национальных политических лидеров в своей редколлегии⁵⁰.

В июльском номере "Кроник дю муа" за 1792 г. в момент взлета карьеры поместил Бриссо "Рассуждение о Гельвеции"⁵¹. Эта статья целиком посвящена критике одной из основ мировоззрения философа - представления о чувственных страданиях и удовольствиях как единственных рычагах, движущих духовный мир⁵². По мнению Бриссо, "достаточно желания обратиться к сути", чтобы ошибка Гельвеция была легко обнаружена⁵³. "Независимо от физического удовольствия есть радости иного, более высокого порядка, принадлежащие одной лишь душе или существующему в нас мыслящему началу"⁵⁴. Мы не знаем природы души, но должны отдавать себе отчет в том, что чистые радости выполняют по отношению к телесным роль верховную, роль творца⁵⁵. "Гельвеций, - утверждает Бриссо, - хотел оклеветать душу и уничтожить ее. Сколь основательней, совершенней и утешительней была бы его система, если бы, с одной стороны, он показал, что сердечные удовольствия, радости воображения, славы, общественного признания и, особенно,

чистой совести принадлежат лишь душе.... и если бы, с другой стороны, он показал, что при помощи образования можно таким образом направить свою душу, чтобы побудить ее наслаждаться всеми этими радостями"⁵⁶.

Бриссо несколько утрирует мысль Гельвеция, который не сводил сознание к физической восприимчивости, а лишь считал последней силой, определяющей духовное развитие человека. Однако именно это не устраивало Бриссо в 1792 г. Теперь для него особую ценность приобрела "душа" и связанные с ней радости общественной жизни, превосходство которых над грубыми физическими наслаждениями он утверждает. Подчеркнутое неприятие "материалистической трактовки природы человеческого духа, отход от прежней индивидуалистической этики, отсутствие интереса к их революционно-критической функции - проявления нового отношения Бриссо к Гельвецию, пытаться объяснить которое можно лишь с учетом социального опыта, накопленного лидером Жиронды к середине 1792 г.

Между тем, в умах представителей влиятельных кругов французского общества, имевших доступ к рычагам власти, Гельвеций продолжал оставаться одним из апостолов нового порядка. Пример тому - постановление Генерального Совета Парижской коммуны от 21 сентября 1792 г. о переименовании улицы св. Анны в улицу Гельвеция⁵⁷. Решение это было принято по петиции Ф. А. Грувеля - коллеги Бриссо по "Обществу 1789 г."⁵⁸, сотрудника Ж. Черутти по изданию "Фей виллажуаз" - одной из популярных прожирондистских газет. Согласно Грувелю, заслуга Гельвеция в том, что в трактате "Об уме" он первый провозгласил принцип истинной добродетели, состоящей в умении соотносить свои действия с общественным порядком и общественной пользой, с любовью к людям и родичам⁵⁹. Грувель усмотрел в наследии Гельвеция принципы, отчасти сходные со взглядами Бриссо, изложенными в "Кроник дю муа". Имя Гельвеция, пусть даже в названии улицы, должно было служить стабилизации политического положения, сложившегося к осени 1792 г.

Возможно, именно поэтому Гельвеций оказался неприем-

лем для монтаньяров в качестве национального кумира. 5 декабря 1792 г. Робеспьер в Якобинском клубе объявил Гельвеция "интриганом, презренным человеком с претензиями на остроумие, аморальным существом, одним из самых жестоких гонителей доброго Ж.-Ж.Руссо, более всех достойного нашей признательности"⁶⁰. В тот же день бюст Гельвеция у Якобинцев был свален и разбит. Газета Бриссо "Патриот Франца" сообщала об инциденте, что Робеспьер напал на "философов" и в знак ненависти к их доктринам заставил разбить бюст Гельвеция. Когда некоторые члены клуба спросили, является ли Гельвеций членом "жирондистской шапки", им было сказано: "Он был философом, что равносильно этому"⁶¹.

Уничтожение бюста Гельвеция в Якобинском клубе послужило поводом для многих историографических попыток сблизить его взглядов с "жирондистской доктриной" и противопоставления их идеалам монтаньяров⁶². Нам представляется, что эта проблема требует дополнительных исследований. Нельзя, однако, отрицать факта враждебного отношения к Гельвецию со стороны монтаньяров, как и факт обращения к нему некоторых жирондистов в конце 1792 г. Даже в своих мемуарах оконченных уже после ареста в Мулене (июнь 1793 г.), Бриссо вспоминает о философе, чтобы привести насмешки Вольтера по адресу Марата⁶³, который в 1775 г. критиковал "софиса Гельвеция"⁶⁴. Вероятно, для превращения знаменитого противителя в союзника жирондистов имелись тогда основания: политическая умеренность Гельвеция, признание им необходимости имущественного неравенства противоречили утопическому эгалитаризму, которым вдохновлялись многие якобинцы⁶⁵.

Таким образом, взгляды и само имя Гельвеция использовались Бриссо на протяжении всей его общественной деятельности. Мысль философа служила в публикациях Бриссо идейной подготовкой революции, однако он никогда не разделял материалистического мировоззрения. Находясь в зените политической карьеры, Бриссо даже критиковал отдельные положения Гельвеция, сыгравшие в свое время значительную роль в критике традиционных морально-социальных доктрин. Накануне краха

со и его коллеги вновь прибегают к авторитету Гельвеция, теперь уже для борьбы с монтаньярами. Низвержение бюста философа у Якобинцев предвосхитило падение Жиронды.

Примечания

- 1 Поршнев Б.Ф. Мелье. М., 1964. С.216.
- 2 Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1977; Поршнев Б.Ф. Жан Мелье и народные истоки его мировоззрения. М., 1955; Он же. Мелье. Морецелли, Дешан // Век Просвещения. Москва-Париж, 1970. С.196-229; Гордон Л.С. Некоторые итоги изучения запрещенной литературы эпохи Просвещения / вторая половина XVIII в. // Французский ежегодник. 1959. м., 1961. С. 89-120; Кучеренко Г.С. Судьба "Завещания" Жана Мелье в XVIII веке. М., 1968; Он же. Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии. XVI - первая половина XIX в. М., 1981.
- 3 Силин М.А. Клод Адриан Гельвеций - выдающийся французский философ-материалист XVIII века. М., 1958.
- 4 Voegelin E. From Enlightenment to Revolution. Durham, 1975.
- 5 Keim A. Helvétius, sa vie et son oeuvre d'après ses ouvrages, des écrits divers et des documents inédits. P., 1907; Grossman M. The Philosophy of Helvetius with special emphasis on the educational implications of sensualism. N.Y., 1926; Alicatore J.C. Stendhal et Helvétius; les sources de la philosophie de Stendhal. Genève, Lille, 1952; Момджян Х.Н. Философия Гельвеция. М., 1955; Cumming I. Helvetius. His Life and Place in the History of Educational Thought. L., 1955; Leduc J. Les idées religieuses et morales du marquis de Sade et leurs sources. Thèse. P., 1965; Moravia S. Il tramonto dell'illuminismo. Filosofia e politica nella società francese (1770-1810). Bari, 1968.
- 6 Colloque international. L'ideologie des Lumières. Institut des Hautes Etudes de Belgique. 1-2 mars 1971. Bruxelles.

- les, 1972. P.144-145.
- 7 Keim A. Op.cit. P.632-633.
- 8 Cumming I. Op.cit. P.111.
- 9 Момджян Х.Н. Укрэ.соч. С.337.
- 10 Martini M. *Influenza di Rousseau nei "Mémoires" di Brissot // Quaderni Francesi, Napoli, 1970. V.1. P.421-436; Hampson N. Will & Circumstance. Montesquieu, Rousseau and the French Revolution. Norman, 1983.*
- 11 *Bibliothèque philosophique du législateur, du politique, du jurisconsulte; ou Choix des meilleurs discours, dissertations, essais, fragments, composés sur la Législation criminelle par les plus célèbres écrivains en français, anglais, italien, allemand, espagnol &c. pour parvenir à la réforme des Loix pénales dans tous les pays; traduits & accompagnés de notes & d'observations historiques par J.P. Brissot de Warville, auteur de la Théorie des loix criminelles. Berlin, 1782-1785, v.1-10.*
- 12 "Рассуждение" Ф.Летрона впервые было издано в 1763 г.
- 13 *Bibliothèque philosophique... V.4. P.123.*
- 14 *Ibid. P.137.*
- 15 *Ibid. P.134-136.*
- 16 *Ibid. P.123.*
- 17 *Brissot de Warville J.P. De la Vérité ou Méditations sur les moyens de parvenir à la vérité dans toutes les connaissances humaines. Neuchâtel, 1782.*
- 18 *Ibid. P.33.*
- 19 *Ibid. P.211.*
- 20 *Ibid. P.212.*
- 21 *Bibliothèque philosophique...V.4. P.79-120.*
- 22 *Ibid. P.81.*
- 23 *Ibid. P.107.*
- 24 Гельвеций К.-А. Сочинения в 2-х тт. М., 1973. Т.I.С.355. Там же. С.354.
- 26 *Bibliothèque philosophique... V.4. P.107.*
- 27 *Ibid. P.81.*
- 28 "Опыт" Ф.-М.Вермея впервые был издан в 1781 г.
- 29 *Ibid. V.9. P.304.*
- 30 Гельвеций К.-А. Сочинения в 2-х тт. М., 1974. Т.2. С. 207.
- 31 *Bibliothèque philosophique... V.9. P.304-305.*
- 32 *Brissot de Warville J.P. De la Vérité... P.212.*
- 33 Гельвеций К.-А. Сочинения. Т.I. С.319.
- 34 *Darnton R. Mesmerism and the End of the Enlightenment in France. Cambridge (Mass.), 1968.*
- 35 *Appel au public sur le Magnétisme animal, ou Projet d'un Journal pour le seul avantage du public, et dont il serait le coopérateur. S.L., 1787. P.49. - См: Darnton R. Op.cit. P.39.*
- 36 *Darnton R. Op.cit. P.59-61.*
- 37 12 мая 1784 г. Бриссо был арестован и помещен в Бастилию за распространение пасквиля, порочащего королеву.
- 38 *Un mot à l'oreille des académiciens de Paris. S.l., s.d.*
Эта работа, написанная, по словам Бриссо, в 1786 г. (Brissot J.-P. *Mémoires. P., s.d. V.1. P.53*), долгое время считалась утраченной, и лишь недавно Р.Дарнтон обнаружил ее в Исторической библиотеке города Парижа. - *Darnton R. Op.cit. P.98, n.*
- 39 *Brissot J.-P. Mémoires.V.1. P.56.*
- 40 *Gumming I. Op.cit. P.125.*
- 41 *Ibid. P.127.*
- 42 *Resnick D. The Société des Amis des Noirs and the abolition of slavery // French Historical Studies, 1972. V.7. N 4. P.558-569.*
- 43 *Historical Dictionary of the French Revolution. 1789-1799. Westport (Connecticut), 1985. V.2. P.908.*
- 44 *Brissot de Warville J.P. Nouveau voyage dans les États-Unis de l'Amérique Septentrionale fait en 1788. P.1791. V.1-3.*
- 45 *Brissot de Warville J.P. New Travels in the United States of America. 1788. Cambridge (Mass.), 1964. P.XXII.*
- 46 Гельвеций К.-А. Сочинения. Т.I. С.407-408.
- 47 *Keim A. Op.cit. P.632, 639-640.*
- 48 *La Société des Jacobins. Recueil de documents pour l'histoire du Club des Jacobins de Paris. P., 1892. V.3. P.423.*

- 49 La Chronique du mois ou les cahiers patriotiques de E. Clavière, C.Condorcet, L.Mercier, A.Auger, J.Oswald, N. Bonneville, J.Bi/dermann, A.Broussonet, A.Guy-Kersaint, J.P.Brissot, J.Ph.Garran de Coulon, J.DussaulX, F.Lant-hénas et Collot d'Herbois. P.1791-1793.
- 50 Kates G. The Gercle Social, the Girondins and the French Revolution. Princeton, New Jersey, 1985. P.220.
- 51 Brissot J.P. Observations sur Helvétius // La Chronique du mois. 1792. Juillet. P.36-41.
- 52 Гельвеций К.-А. Сочинения. Т.I. С.407.
- 53 La Chronique du mois. 1792. Juillet. P.37.
- 54 Ibidem.
- 55 Ibidem.
- 56 Ibid. P.38-39.
- 57 Keim A. Op.cit. P.633.
- 58 "Общество 1789 г." было основано 12 апреля 1790 г. и просуществовало почти до конца 1791 г. Оно объединял умеренных политиков, сторонников конституционной монархии. Подробнее о нем см.: Challamel A. Les clubs contre révolutionnaires. Cercles, comités, sociétés, salons, ré unions, cafés, restaurants et librairies. P., 1895. P. 391.
- 59 Keim A. Op.cit. P.633.
- 60 La Société des Jacobins. V.4. P.551.
- 61 Patriote Francais, 6 décembre 1792. - Цит.по: Cumming I. Op.cit. P.112.
- 62 Keim A. Op.cit. P.633-636. Grossman M. Op.cit. P.163; Cumming I. Op.cit. P.111-112; Sydenham M.J. The Girondins. L.,1961. P.191-192.
- 63 Brissot J.-P. Mémoires. V.1. P.198, 210.
- 64 Marat J.P. De l'Homme ou des Principes et des Lois de l'influence de l'Ame sur le corps et du corps sur l'Ame. Amsterdam, 1775. V.1. P.207.
- 65 Момджян Х.Н. Указ.соч. С.338.

Некоторые тематически связанные материалы

БРИССО Жан Пьер
14/15.01.1754 31.10.1793
все материалы о нем:
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#brst>

ГЕЛЬВЕЦИЙ Клод Адриан
26.01.1715 26.12.1771
все материалы о нем:
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#hlv>

другие работы автора:
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#carp>

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII века

М.: 1988

Редакционная коллегия: д.и.н. Г.С.Кучеренко
(ответственный редактор), к.и.н. К.М.Андерсон
(ответственный редактор), к.и.н. Г.С.Черткова, С.Я.Карп,
А.В.Чудинов.

Рецензенты: к.и.н. М.И.Ковальская, к.и.н. Л.А.Пименова.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии

Текст здесь:

Кузнецова Е.К. Фейхоо-и-Монтенегро и становление исторической мысли испанского Просвещения
Лебедева Е.И. Революция в зеркале просвещенного сознания (исследование литературной корреспонденции Блен де Сенмора)

Текст здесь: <http://www.annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Lebedeva.doc>

Карп С.Я. Бриссо и Гельвеций

Плавинская Н.Ю. Представления Монтескье о республике и их оценка в жирондистской прессе
Ростиславлев Д.А. Из истории журналистики периода якобинской диктатуры

(О некоторых особенностях газеты Ж.Р.Эбера "Пер Дюшен")

Текст здесь: http://vive-liberta.narod.ru/journal/rostisl_heberr.pdf

Кузнецов И.Н. Гердер о Великой французской революции
Петтинова А.И. Джозеф Пристли и революционная Франция
Чудинов А.В. Развитие взглядов Дж.Макинтоша на французскую революцию в 90-е годы XVIII в.

См. текст автореферата авторана соискание ученой степени доктора исторических наук: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/chud.pdf>

Улуян А.А. Роль идейного наследия французской и американской революций XVIII в. в становлении общественно-политических взглядов А.Кораиса

Темкин В.А. Идеи Просвещения в творчестве Пи-и-Маргала

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru) и Век Просвещения, 2 вандемьера ССХI года

Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

Наталья Юрьевна Плавинская ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОНТЕСКЬЕ О РЕСПУБЛИКЕ и ИХ ОЦЕНКА В ЖИРОНДИСТСКОЙ ПРЕССЕ

Шарль Луи де Секонда де Монтескье, барон де ла Бред (1689–1755) принадлежит к плеяде ярких и противоречивых представителей французского Просвещения. Выходец из старинного рода провинциального "дворянства мангии", занимавший по семейной традиции важный и доходный пост в бордоском парламенте – высшей судебной инстанции Гиены, Монтескье отказался от судебской карьеры и посвятил себя научной и литературной деятельности. Уже в 27 лет он был избран в Академию Бордо, в 36 стал членом Французской, а затем и ряда зарубежных Академий. Многочисленные труды по естествознанию свидетельствовали о широте интересов Монтескье, хотя подлинно научная ценность их была не высока¹.

Европейскую славу – уже прижизненную – Монтескье приобрел благодаря литературному творчеству. Сенсаций дворянских салонов стали вышедшие в 1721 г. "Персидские письма", автор которых обличал произвол абсолютизма, низость придворных нравов, религиозный гнет, хаос экономики. В 1734г. Монтескье опубликовал историко-социологический трактат "Размышления о причинах величия и падения римлян", где попытался обобщить свои взгляды на законы развития общественной жизни на примере античного государства. А в 1748 г. появился его главный философский труд, ставший итогом двадцатилетней работы – книга "О духе законов". Вышедший в Женеве анонимно, "дух законов" в считанные месяцы завоевал Францию, а затем и всю Европу. Светская цензура была вынуждена снять первоначальный запрет на книгу, и она стала одной из наиболее популярных для своего времени, неременной частью библиотеки всякого образованного человека второй половины столетия.

Подчеркивая широту и разнообразие проблем, поднятых философом, В.Л.Волгин назвал "дух законов" "громадным собранием афоризмов"². Социологические воззрения, философские и

исторические, правовые и экономические взгляды Монтескье сыграли огромную роль в развитии и распространении просвещенческой мысли во Франции и за ее пределами. Особенно активно в идейной борьбе второй половины XVIII в. (и вплоть до середины XIX в.) использовалась политическая теория философа. Глубоко проникнутая духом компромисса, она вооружала аргументами самые различные силы французского общества.

Парламентско-аристократические круги Франции в 50-е-70-е годы XVIII в. опирались в своей борьбе с королевской властью на концепцию монархии "посредствующих властей", сформулированную Монтескье. Этот факт в свое время позволил А.Матьезу сделать вывод о реакционности идейного наследия философа в целом³. Взгляд на автора "Духа законов" исключительно как на идеолога дворянской оппозиции абсолютизму, "феодала"⁴ был поддержан рядом исследователей Монтескье и встречается даже в новейшей исторической литературе⁵.

В то же время большинство историков не отрицает причастности идей философа к развитию политической мысли в нелегкой, он не ставил под сомнение целесообразность королевской власти во Франции. Будучи оппозиционно настроенным по отношению к произволу абсолютизма, переставшего удовлетворять потребности французского общества, автор "духа законов" искал свой политический идеал в области умеренных конституционно-монархических режимов.

Однако, как исследователь, широко подходивший к проблеме политико-юридической организации государства, Монтескье проявлял немалый интерес и к другим формам правления. В частности, огромное место на страницах "Духа законов" было отведено анализу особенностей республиканского устройства. В целом положительное отношение философа к идее народного правления, признание за ним целого ряда преимуществ позволило некоторым историкам даже приписать Монтескье республиканские убеждения¹³. Здесь, бесспорно, имеется значительная доля преувеличения.

Но оно позволяет увидеть, какое большое место в общем комплексе политических идей Монтескье занимали размыш-

данному вопросу весьма немногочисленны и очень неполно освещают судьбу его идей в 1789-99 гг.¹¹. В частности, почти ничего не известно о том, как относились к политическому наследию философа революционеры-республиканцы в 1792-1794 гг.

Между тем, в литературе встречаются, хотя и крайне редко, суждения о том, что современники революции на определенном этапе ее развития увидели в Монтескье "республиканца", сторонника народовластия¹², что стало возможным благодаря подробной разработке в "Духе законов" теории республиканского правления.

Исследователи творчества философа неоднократно поднимали вопрос о так называемом "политическом выборе" Монтескье, т.е. о том, какому виду государственного устройства он отдавал наибольшее предпочтение. Нет оснований сомневаться, что аристократическое происхождение и парламентско-судейская карьера оказали решающее влияние на политические симпатии Монтескье: убежденный сторонник дворянских привилегий, он не ставил под сомнение целесообразность королевской власти во Франции. Будучи оппозиционно настроенным по отношению к произволу абсолютизма, переставшего удовлетворять потребности французского общества, автор "духа законов" искал свой политический идеал в области умеренных конституционно-монархических режимов.

Однако, как исследователь, широко подходивший к проблеме политико-юридической организации государства, Монтескье проявлял немалый интерес и к другим формам правления. В частности, огромное место на страницах "Духа законов" было отведено анализу особенностей республиканского устройства. В целом положительное отношение философа к идее народного правления, признание за ним целого ряда преимуществ позволило некоторым историкам даже приписать Монтескье республиканские убеждения¹³. Здесь, бесспорно, имеется значительная доля преувеличения.

Но оно позволяет увидеть, какое большое место в общем комплексе политических идей Монтескье занимали размыш-

ления о республике, их важность для всестороннего понимания его взглядов.

Тема республики свойственна всей французской культуре XVII—XVIII вв. Одной из основных традиций классицизма, заложенных в литературе Корнелем и Расином, а в изобразительном искусстве Пуссеном и Лорреном, было возвышение республиканской героики. Это, по сути, являлось скрытой формой протеста против феодальной действительности. До середины XVIII столетия идея республики складывалась, главным образом, из представлений о нравственных нормах и пафосе гражданства, т.е. имела значение морального примера. Она не обладала сколько-нибудь значительным политическим весом, поскольку не могла еще стать альтернативой идеологии и практике абсолютизма.

Но идеализация античного республиканизма в культуре XVIII в. свидетельствовала о том, что во французском обществе подспудно зрели антимонархические настроения. "Даже будучи на первый взгляд инертными в политическом плане, — пишет по этому поводу Ф.Вентури, — они оказывались активными в плане обычаев и морали. Оставаясь в стороне от непосредственной живой истории, от конфликтов и борьбы, республиканские идеи были все же способны возбуждать стремление к независимости и добродетели, которое, как авторитетно разъяснил в 1743 г. Монтескье, не могло быть осуществлено в монархическом государстве"¹⁴.

Автор "Духа законов" в полной мере сохранил интерес к моральной стороне проблемы: в рассуждениях философа большое место занимали вопросы чистоты нравов в республике, вопросы воспитания гражданских качеств. Наконец, сама идея политической добродетели как основы и движущей силы народного правления, несла в себе призыв к нравственному совершенствованию общества. Но среди французских мыслителей XVIII в. Монтескье одним из первых попытался расширить представление о республике, вывести его в область политики. Обращает на себя внимание то, что с появлением "Духа законов" по времени совпадало изменение содержания самого термина "республика". Обозначавший ранее "государство вообще", "вс-

кое государство", он все чаще использовался как синоним "демократического государства". Исследователь французской политической лексики Р.А.Будагов отмечал, что "к середине XVIII столетия *république* как форма народного государственного правления уже отчетливо противопоставляется понятию *monarchie*, которое осмыслиется как единоличное государство", и подчеркивал, что это противопоставление проводилось уже в работах Монтескье и Вольтера¹⁵.

Значение "Духа законов" не исчерпывалось в этом отношении введением в оборот нового толкования термина. Благодаря своей популярности, сочинение Монтескье явилось одним из самых эффективных для своего времени проводников республиканских настроений. Именно в этом видел его главную историческую ценность А.Олар: По мнению историка, заслуга Монтескье состояла в том, что он научил своих современников "относиться к республике, установления которой во Франции они не желали, как к форме правления теоретически интересной и благородной". Тем самым, Монтескье оказался непосредственно причастным к "зарождению республиканских идей и республиканского духа" у себя на родине¹⁶. Классическое определение республики, данное в "Духе законов", было впоследствии воспроизведено в XIV томе знаменитой "Энциклопедии", что свидетельствовало о признании авторитета Монтескье по этому вопросу наиболее передовыми мыслителями эпохи. Суждения Монтескье о республике оказали существенное влияние на формирование идеи народоправства у Ж.-Ж.Руссо. Можно предположить, что они сохраняли свою актуальность и в годы Великой французской революции.

В начале революционных событий имя Монтескье неоднократно звучало с трибуны Учредительного и Законодательного собраний, со страниц французской прессы. Для деятелей самых различных политических течений в 1789—92 гг. "Дух законов" оставался настольной книгой, главную ценность которой составляла знаменитая теория разделения властей. Но взгляды философа на республику не были включены в круг вопросов, волновавших читателей Монтескье в период выработки первой

французской конституции. Например, в брошюрах Ф. Грувеля и Э. Ленгле¹⁸, которые весьма подробно анализировали творчество Монтескье в связи с революционными событиями, мы не встретим даже случайных ссылок на те главы "Духа законов", в которых шла речь о формах народоправства. В памфлете Сен-Жюста¹⁹, написанном по поводу конституционного проекта 1791 г. и под несомненным влиянием Монтескье, суждения о республике сознательно смешивались с суждениями о монархии: понятие "демократии" у будущего лидера якобинизма было лишено самостоятельной значимости и превратилось в одну из характеристик конституционно-монархического режима²⁰.

После низложения Людовика XVI в августе 1792 г. и установления республики прежние "заслуги" Монтескье-конституционалиста потеряли былую привлекательность в глазах революционеров - вопрос о политическом компромиссе буржуазии с силами старого порядка был снят с повестки дня. Но имя мыслителя, окруженное ореолом славы, продолжало вызывать уважение. Для поддержания авторитета Монтескье было необходимо связать его идеи с делом республики, и в то же время использовать этот авторитет для обоснования нового республиканского идеала. Как отмечал французский исследователь Б. Миркин-Гуцевич, "некоторые отрывки из "Духа законов" о республике поразили не только современников Монтескье, но и деятелей 1789 г., и деятелей 1793 г., и деятелей революционного правительства. Люди революции оценили "стилизованного" Монтескье, Монтескье-республиканца"²¹.

Первой такой попыткой буржуазной политической мысли революции на ее республиканском этапе дать новую интерпретацию идейного наследия Монтескье стала большая статья, появившаяся в мае 1793 г. в трех номерах жироидистской газеты "Кроник де Пари", издававшейся Кондорсе. Статья, возглавленная "Монтескье-республиканец"²², была опубликована без подписи. Есть основания думать, что ее автором являлся сотрудник этой газеты жироидист Рабо де Сент-Этьен²³.

Уже сам заголовок публикации привлекал внимание сво

необычностью. Он противоречил устоявшимся ранее взглядам на философа как на приверженца умеренной монархии и теоретика разделения властей "по английскому образцу". Автор статьи подчеркивал названым свое намерение выявить в творчестве Монтескье то, что в наибольшей степени соответствовало бы новому уровню буржуазной мысли, и отвечало политическим задачам нового этапа революции.

Примечательно, что журналист, заранее объявив Монтескье республиканцем, не делал никаких видимых попыток как-либо объяснить или опровергнуть прежнюю трактовку идейного наследия философа. Все устаревшие суждения о достоинствах конституционной доктрины "Духа законов" отвергались автором априори. Так же, как раньше исследователи и критики Монтескье сознательно обходили вопрос о республике, жироидистский публицист полностью замалчивал трактовку философом "английской конституции", не говоря уже о монархии "посредствующих властей".

Лишь кратко в первых строках заметки автор оговаривал возможные возражения тех, кто "упрекал Монтескье в аристократических склонностях и предрассудках в отношении к дворянству, исходя из того, что сам он был магистратом"²⁴. Не вдаваясь в спор по этому поводу, автор статьи просто предлагал отвлечься от социального происхождения философа при оценке его творчества. Настаивал журналист на том, что необходимо четко разграничить между собой личность президента парламента Бордо, обремененного грузом пережитков своего класса - и фигуру историка, "исследовавшего законы"²⁵ и сумевшего преодолеть идейную ограниченность аристократа. Обходя молчанием политические заблуждения философа на счет монархии, журналист прямо указывал на то, что, по его мнению, составляло наибольшую ценность на настоящем этапе революции. Монтескье "глубоко познал дух различных форм правления, и, в частности, дух республики, - говорилось в газете. - Именно в его книге законодатели могут почерпнуть законы здоровой демократии и примеры такого ее устройства, которые сделают демократию долговечной"²⁶.

Симпатии Монтескье по отношению к республике автор

статьи считал бесспорными, подчеркивая, что именно этой форме правления философ отдавал "неоценимое преимущество быть основанной на добродетели"²⁷. Та же мысль проводилась ранее в статье Рабо де Сент-Этьена "О равенстве". Всякая республика, которая не основана на добродетели, утверждал журналист, должна погибнуть, став жертвой мести других наций, или жертвой тирании правителя, или той и другой одновременно"²⁸. Однако сам термин "политическая добродетель" и идея патриотизма в статье о Монтескье специально не рассматривались²⁹. Журналист полностью принимал расшифровку понятия добродетели философом как "любви к республике" и сосредоточивал свое внимание на идее равенства.

Читателю напоминалось, что именно автор "Духа законов" первым связал понятие равенства с республиканской формой правления вообще и с демократией в частности³⁰. Журналист присоединялся к мнению Монтескье о том, что любовь к равенству "ограничивает честолюбие единственным желанием оказать своей родине большие услуги, чем другие граждане"³¹ и полностью разделял идеи философа об "умеренности" как на наиболее полном выражении социального и политического равенства.

В пятой книге "Духа законов", излагая свои взгляды на равенство, Монтескье писал, что в демократии "здоровые мысли и счастье отдельных лиц во многом состоит в умеренности (*modicité*) их таланта и богатства". Та республика, законы которой воспитывают много умеренных людей, будет состоять из людей мудрых и будет мудро управляться"³². Эта мысль приводила философа к утверждению необходимости имущественного и образовательного уравнивания, причем на относительно низком уровне. Автор статьи полностью разделяет данное суждение философа и восторженно комментирует приведенную цитату: "Какое глубокое наблюдение!.. Кто не увидит в нем всей тайны республиканского правления!"³³. Она состояла, по мнению журналиста, в том, чтобы "уничтожить класс богатых, который развращает остальных, и класс бедных, предрасположенных к развращению, ученых, которые впадают в ошибки, и людей невежественных, которые заблуждаются -

уничтожить для того, чтобы умножить число умеренных талантов и состояний, на которых покоится... любовь к равенству"³⁴.

При этом, разумеется, как и Монтескье, журналист был абсолютно чужд идее радикального перераспределения собственности в интересах неимущих слоев. Такая позиция позволила ему охотно принимать программу второстепенных законодательных мер, предлагавшихся автором "Духа законов" для поддержания имущественного равенства в республике. Эта программа Монтескье касалась исключительно законов о наследовании и более равномерном распределении богатств путем брачных соглашений³⁵.

Следует отметить, что в статье "О равенстве" Рабо де Сент-Этьен доказывал утопичность идеи полного имущественного уравнивания вообще и предлагал заменить ее тезисом о "моральном равенстве", считая, что оно "более надежно, более истинно и более долговечно". Под "моральным равенством" Рабо подразумевал некое "чувство братства" и "согласия", перед которым должны стереться неравенство богатств и общественного положения граждан³⁶. Однако, ссылаясь на то, что равенство - "душа" республики и что оно наилучшим образом характеризует демократию³⁷, Рабо говорил о необходимости проведения некоторых реформ, направленных на смягчение имущественных контрастов. Он признавал законы о "наиболее справедливом разделе богатств"³⁸, но одновременно подчеркивал длительный характер подобных преобразований.

В соответствии со своим принципом "морального равенства", Рабо де Сент-Этьен видел путь уравнивания не только в "конкретных законах, регулирующих количество богатства", но также и в учреждении "моральных институтов и обычаев"³⁹. Эта же мысль нашла свое развитие в статье "Монтескье-республиканец". В ней автор поддерживал мнение философа о том, что равный раздел земель между собственниками в демократической республике возможен не всегда и зачастую грозит опасностью для конституции государства⁴⁰. Поэтому в целях "поддержания нравов" и духа равенства, журналист вслед за

Монтескье предлагал использовать меры морального воздействия, видя их, так же как и автор "Духа законов", во власти отцов, всегда суровой и значительной в республике, во власти старейших, во власти различных коллегий цензуров., в крайнем подчинении граждан представителям власти"⁴¹. Таким образом, журналист переводил вопрос о мерах имущественного уравнивания в русло идеи "морального равенства" людей перед нормой республиканских нравов и обычаев. Эспинас, исследовавший в конце прошлого столетия связь философской и революционной мысли Франции XVIII в., указывал на то, что во взглядах на эгалитарную программу значительная часть жирондистов "придерживалась различий, проводившихся Монтескье и Руссо для провозглашения богатства и имущественного неравенства в современных государствах; равенство, - полагали они, - прдходит только для маленьких республик"⁴². Статьи "О равенстве" и "Монтескье-республиканец" дают интересный пример использования идей "Духа законов" при обосновании крайне умеренных эгалитарных идеалов Жиронды.

Наряду с вопросом о равенстве, автор публикации уделял пристальное внимание тому, как философ подходил к проблеме конституционной организации демократии. Обращаясь к революционерам с призывом читать книгу Монтескье и размышлять над глубиной ее идей, журналист ставил в заслугу философу то, что, "находясь под властью деспотизма, он столь всесторонне изучил дух свободных правлений и секреты греческих республик"⁴³. Стремясь поднять авторитет Монтескье в глазах читателей, журналист объявлял его единственным автором принятых революционной Францией республиканских принципов. Примечательно, что в статье не встречается ни слова о развитии идеи демократии другими политическими мыслителями, в том числе и Л.-Ж. Руссо.

Подчеркивая преемственность революционных традиций 1789 и 1793 гг., автор статьи объявлял, что большая часть республиканских принципов была освоена революцией уже на первом ее этапе и законодательно закреплена в "смешанной"

(mixte) конституции 1789 г.⁴⁴. Здесь журналист имел в виду, прежде всего, первую французскую декларацию прав и связанную с ней конституцию 1791 г., которая, по мнению современников, сочетала в себе черты монархического и республиканского строя⁴⁵. Этот последний, полагал автор статьи, был напрямую связан с лозунгом народного суверенитета. Журналист заявлял, что мнение Монтескье о демократическом правлении, в котором "верховная власть принадлежит всему народу"⁴⁶, содержало в себе определение "фундаментального принципа демократии"⁴⁷. Тем самым он констатировал причастность идей Монтескье к статье третьей Декларации прав, где говорилось о нации как источнике суверенитета. Следует подчеркнуть нетрадиционность подобной трактовки: современники французской революции чаще всего связывали лозунг "народного суверенитета" с именем Л.-Ж. Руссо. Тот факт, что в статье "Монтескье-республиканец" публицист пытался вывести эту идею из "Духа законов", отражает не только стремление преувеличить демократизм политического наследия Монтескье, но и свидетельствует о том, что революционная общественная мысль действительно видела в творчестве философа источник наиболее передовых идей эпохи.

Большое внимание было уделено автором статьи взглядам философа на степень полноты политических прав граждан при демократическом строе. В заслугу Монтескье он ставил "скрупулезное осуществление суверенитета"⁴⁸. Однако журналист воздерживался от какого-либо анализа этих взглядов, соглашаясь практически со всеми высказываниями автора "Духа законов" о путях осуществления избирательного права в демократическом государстве. Он одобрял идею гласности выборов⁴⁹ и полностью принимал аргументы Монтескье насчет особой необходимости политического воспитания массы непросвященных избирателей посредством открытого голосования⁵⁰. Автор заметки приветствовал также тезис философа о необходимости вести строгий учет участников голосования⁵¹, для того, чтобы "меньшинство не осмеливалось определять волю большинства"⁵².

Но в то же время, журналист полностью разделял и некоторые заблуждения автора "Духа законов" по вопросу об орга-

УЗ.

низации политической власти в республике. Так, например, он в целом соглашался с идеей выборности по жребию в демократии, выдвинутой Монтескье, хотя и оговаривал, что "жребий слеп и может сделать дурной выбор"⁵³. Кроме того, автор статьи поддерживал взгляд Монтескье на характер избирательного ценза. Он цитировал по этому поводу следующие строки "духа законов": "...Большинство граждан имеют достаточно средств, для того, чтобы избирать, но недостаточно, для того, чтобы быть избранными... В народных государствах народ делится на различные классы. Великие законодатели проявляли себя в том, как они осуществляли это разделение; именно от этого всегда зависела долговечность демократии и ее процветание"⁵⁴. В качестве комментария к приведенной цитате автор статьи добавлял: "Монтескье занимался важным вопросом: каким образом следует взяться за дело, чтобы, сохраняя за всеми гражданами право избирать, сделать так, чтобы избранными оказывались только просвещенные, способные и порядочные люди"⁵⁵. В статье, как, разумеется, и в "Духе законов", не встречаются понятия "активный" и "пассивный" гражданин, не указываются практические мероприятия, проведенные буржуазными политиками в области ограничения избирательных прав неимущих слоев. Однако совершенно очевидно, что автор статьи выражал одобрение имущественного ценза и избирательного налога, закрепленных ранее в конституции 1791 г. Таким образом, умеренные круги французских революционеров охотно использовали взгляды Монтескье на республику для борьбы с тенденциями политического эгалитаризма, нараставшими по мере подъема Великой французской революции.

Статья в "Кроник де Пари" завершалась серией второстепенных вопросов о демократии, затронутых философом в XIX главе пятой книги "Духа законов"⁵⁶. Журналист излагал мнение Монтескье о том, что занятие государственных должностей должно быть обязательным для граждан республики независимо от их положения на служебной лестнице⁵⁷, что для демократии характерно создание национальной гвардии, поскольку республиканцы "берут в руки оружие только для за-

щиты законов и отечества; человек должен быть солдатом по-столюку, поскольку он является гражданином"⁵⁸. Без каких-либо комментариев автор статьи упоминал суждение Монтескье о непродолжительности государственных должностей при республиканской форме правления, умалчивая об отношении философа к продаже постов во Франции в годы старого порядка. Не давось в статье никаких разъяснений по поводу идеи создания корпуса "цензоров", призванного, по Монтескье, искоренять "небрежности и шибки" граждан, следить за поддержанием высокого патристического духа. Журналист ограничивался лишь общим замечанием о том, что философ предложил "весьма республиканское и демократическое решение" этих вопросов⁵⁹.

В целом статья "Монтескье-республиканец" изобиловала цитатами из глав сочинения философа, посвященных анализу особенностей республиканского правления (книга II, глава П; книга У, глава Ш, У, XIX). При этом автор стремился представить своим читателем наиболее полный корпус суждений Монтескье о демократической республике, что делало статью похожей на реферат республиканских воззрений мыслителя. Такой характер статьи определялся изначальной задачей автора - показать, какое большое место в размышлениях Монтескье занимала тема народоправства, насколько широко и позитивно она решалась. Стремление журналиста обосновать весьма неожиданный заголовок заставило его воздерживаться от критики в адрес Монтескье и без возражений принимать любые суждения философа о демократии.

Однако поддержка некоторых консервативных высказываний автора "Духа законов" в отношении республиканского правления⁶⁰ в то же время отражала политическую ориентацию самого журналиста. Революционеры-жирондисты стремились ограничить задачи преобразования общества уровнем, достигнутым к концу 1792-началу 1793 гг. Это обуславливало их сопротивление более радикальным тенденциям, в частности, расширению политического и социального равенства. Ряд компромиссных суждений Монтескье оказался пригодным для обоснования умеренно-эгалитарных программ жирондистов. Напротив, идея по-

литической добродетели, которая впоследствии широко распространилась в годы якобинской диктатуры, не получила специального развития у жирондистского публициста, хотя в целом была воспринята положительно.

И все же "жирондистский подход" к творческому наследию Монтескье нельзя считать неплодотворным. Статья в "Креник де Пари" впервые за годы Великой французской революции давала совершенно новое истолкование политической направленности взглядов философа. Впервые критика Монтескье выявила в его творчестве тот набор идей и суждений, которые представляли интерес для республиканской мысли Франции XVIII в.

Вместе с тем, сознательное и демонстративное превращение "Монтескье-конституционалиста" в "Монтескье-республиканца" убедительно доказывает, что на новом своем этапе Великая французская революция не отказывалась видеть в философе одного из своих идейных вождей. Она изменила принятый ранее подход к Монтескье, отбросив все то, что в его творчестве утратило актуальность, но оставив философа в своем лагере, а его идеи - в арсенале своих средств борьбы.

В заключение следует отметить, что в исторической литературе уже выдвигалось мнение о том, что жирондистская революционная буржуазия особенно активно воспринимала и использовала политические воззрения Монтескье. Еще в конце прошлого столетия Л.Виан считал ее представителями "идейными наследниками философа" и подчеркивал, что деятели Жиронды "знали "Дух законов" наизусть и проявили себя как его республиканские последователи"⁶¹. К этой мысли присоединяется и современный чешский исследователь Р.Н.Фостка, утверждающий, что Жиронда в Законодательном собрании считала Монтескье своим союзником⁶². Ф.Боура полагает, что произведения Монтескье стали "главным идеологическим источником" для деятелей Жиронды, а в противоположность им лагерь якобинцев-монаньяров" выбрал своим идеологом Руссо⁶³. Подобный подход, без сомнения, упрощает и схематизирует сложную картину участия философской мысли в становлении различных течений революционной идеологии. Идеи Монтескье и Руссо

сложным образом переплетались, дополняли друг друга, совместно воздействуя на политические программы Великой французской революции. Однако есть основания считать, что умеренная республиканская мысль Франции высоко оценила взгляды Монтескье на демократию. Статья "Монтескье-республиканец" является яркой иллюстрацией этого.

Примечания

- 1 Torlais J. Montesquieu, homme de sciences // Actes du Congrès Montesquieu. Bordeaux, 1956. P.350.
- 2 Волгин В.И. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958. С.48.
- 3 Mathiez A. La place de Montesquieu dans l'histoire des doctrines politiques du XVIIIe siècle // AHRF, -P., 1930. P.112.
- 4 Puget H. L'Apport de l'Esprit des lois à la science politique et au droit public// Recueil Sirey.-P., 1952. P. 33; Althusser L. Montesquieu. La politique et l'histoire. P., 1959. P.20.
- 5 Saitta A. Costituenti e costituzioni delle Francia rivoluzionaria e liberale.-Milano, 1975. P.9.
- 6 Peyre H. The influence of Eighteenth century ideas on the French revolution // Journal of the History of Ideas. 1949. N 10. P.76; Brèthe de la Gressaye J. L'Histoire de l'Esprit des lois // Recueil Sirey. P.94.
- 7 Goyard-Fabre S. La philosophie du droit de Montesquieu. P., 1973. P.74; Ehrard J. L'Idée de la nature en France dans la première moitié du XVIIIe siècle. Chambéry, 1963. T.2. P.492.
- 8 Dedieu J. Montesquieu, l'homme et l'oeuvre. P., 1966. P. 211.
- 9 Benrecassa G. Montesquieu. P., 1968. P.69.
- 10 Derathé J. Montesquieu et Jean-Jacques Rousseau // Revue internationale de philosophie. 1955. N 33-34. P.366.
- 11 См.: Смаргон И.Э. Учение Монтескье о государстве и его влияние на идеологию французской буржуазной революции

- конца XVIII в. // Учен.записки ЛГУ. Сер.ист.наук, вып.6. Л., 1940; Рахманина Т.Н. Теория разделения властей Мон-тескье и ее отражение в первой конституции Франции (1791) // Вестник Моск.ун-та, 1976, № I; Cattaneo M.A. Montesquieu, Rousseau e la Rivoluzione francese. Milano, 1967; Hampson N. Will and circumstance. Norman, 1983.
- 12 Mirkine-Guetzevitch B. De l'Esprit des lois à la démoc-
ratie moderne // Recueil Sirey. P.21.
- 13 Faguet E. La politique comparée de Montesquieu, Rousse-
au et Voltaire. P., 1902.P.5; Solari G. La formazione
storica dello stato moderno. Napoli, 1974.P.59.
- 14 Venturi F. Utopia e riforma nell'Illuminismo. Torino,
1970. P.89-90.
- 15 Будагов Р.А. Развитие французской политической терми-
нологии в XVIII в. Л., 1940. С.113.
- 16 Aulard A. Histoire politique de la Révolution française,
P., 1905. P.9.
- 17 Grouvelle Ph. De l'autorité de Montesquieu dans la Ré-
volution présente. P., 1789.
- 18 Lenglet E. Essai ou observation sur Montesquieu. P., 1792
- 19 Saint-Just L. Esprit de la Révolution et de la Constitu-
tion en France. P., 1791.
- 20 См.: Плавинская Н.Ю. Сен-Жюст и Монтескье // Из исто-
рии буржуазных революций нового времени. М., 1985.
- 21 Mirkine-Guetzevitch B. Op.cit. P.21.
- 22 Montesquieu-républicain // Chronique de Paris, 1793. Mai
N 125, 128, 129.
- 23 Обычно Рабо де Сент-Этьен подписывал свои материалы в
газете инициалами "J.P.R.". В данном случае на мысль об
авторстве наводит сходство стилей статьи "Монтескье-
республиканец" и заметки "О равенстве", под которой жу-
налист поставил свою подпись, (См.: De l'Egalité // Ch-
ronique de Paris, 1793. Janvier, N 19, 21.
- Кроме того, в обеих публикациях очевидны параллели меж-
ду позицией автора и взглядами Монтескье на поставлен-
ные проблемы.
- Рабо де Сент-Этьен ранее являлся также сотрудником
газет "Фей виллажуаз" и "Монитор". Депутат Конвента, Рабо
был второстепенным политиком и не оказывал практически
никакого влияния на ход событий / См.: Aulard A. Les ora-
teurs de la Révolution. P., 1905-1907. T.2.P.144./
- После прихода к власти якобинского блока Рабо был
осужден как жирондист, скрывался, был арестован и казнен
5 декабря 1793 г.
- 24 Chronique de Paris. 1793. N 125. P.2.
- 25 Ibid. N 125. P.2.
- 26 Ibid. N 125. P.3.
- 27 Ibidem.
- 28 Ibid. N 9. P.35.
- 29 Лозунг политической добродетели и республиканского пат-
риотизма приобрел особую значимость в годы революцион-
но-демократической якобинской диктатуры. Было бы преуве-
личением утверждать, что деятели 1793-94 гг. связывали
его исключительно с именем Монтескье. Но они глубоко
усвоили взгляды автора "духа законов". на добродетель
и подвергли их существенному развитию; соглашаясь с
мнением философа о том, что политическая добродетель
является основой республиканского правления, Сен-Жюст,
Робеспьер и другие ораторы революции считали необходи-
мым подкрепить этот принцип, движущий демократию, прин-
ципом революционного террора. "Если пружиной народного
правления в период мира является добродетель, - провоз-
глашал Робеспьер, - то пружиной народного правления в
годы революции должны быть одновременно добродетель и
террор: добродетель, без которой террор пагубен; и тер-
рор, без которого добродетель бессильна" /Robespierre.
Discours et rapports à la Convention, P., 1965. P.215-
216.
- 30 Chronique de Paris. 1793. N 125. P.3.
- 31 Ibid. N 125.P.3.
- 32 Montesquieu Ch.L. De l'Esprit des lois. Par V.Goldsmidt.
P., 1979. " vol.T.1. P.169 (liv.V, ch.III).
- 33 Chronique de Paris. 1793. N 125. P.3.

- 34 Chronique de Paris. 1793. N 125. P.3.
 35 Montesquieu Ch.L. Op.cit. T.1. P.170-171 (liv.V, ch.V).
 36. Chronique de Paris. 1793. N 21. P.83.
 37 Montesquieu Ch.L.Op.cit. T.1. P.174 (liv.V, ch.V).
 38 Chronique de Paris. 1793. N 19. P.74.
 39 Ibid, N 19. P.74.
 40 Montesquieu Ch.L. Op.cit. T.1. P.174 (liv.V, ch.VII).
 41 Chronique de Paris. 1793. N 125. P.3.
 42 Espinas A. La philosophie sociale du XVIIIe siècle et la Révolution. P., 1898. P.140-141.
 43 Chronique de Paris. 1793. N 128. P.2.
 44 Ibid. N 128.P.2.
 45 См.,например: Saint-Just . Op.cit.
 46 Montesquieu Ch.L. Op.cit. T.1. P.131 (liv.II, ch.II).
 47 Chronique de Paris.1793. N 128. P.2.
 48 Chronique de Paris. 1793.N 128.P.2.
 49 Ibid. N 128. P.2.
 50 Montesquieu Ch.L. Op.cit. T.1. P.135 (liv.II, ch.II).
 51 Ibid. T.1. P.132 (liv.II, ch.II).
 52 Chronique de Paris. 1793. N 128. P.2.
 53 Ibid. N 128. P.2.
 54 Montesquieu Ch.L. Op.cit. T.1. P.133 (liv.II, ch.II).
 55 Chronique de Paris. 1793, N 129.P.2.
 56 Montesquieu Ch.L. Op.cit. T.1. P.195-197 (liv.V, ch.XII)
 57 Chronique de Paris. 1793. N 129. P.2.
 58 Ibid.N 129, P.3.
 59 Ibid.N 129. P.2.
 60 Здесь мы можем говорить лишь об относительной консервативности суждений Монтескье. В общем комплексе его политических взглядов, сложившихся в первой половине XVIII в., "республиканская часть" его творчества носила бесспорно прогрессивный характер. Но для периода Французской революции, особенно для ее высшего этапа, некоторые положения философа, в частности, его концепция равенства, оказывались устаревшими и отражали свойственную Монтескье в целом тенденцию к политическому компромиссу.

- 61 Vian L. Histoire de Montesquieu. P., 1878.P.345.
 62 Фоустка Р.Н. Монтескье и французская революция // Бюллетень чехословацкого права. Прага, 1955. № I-2 (на русском яз.). С.186.
 63 Боура Ф. Историческое значение произведений Монтескье // Бюллетень чехословацкого права. Прага, 1955. I I-2 (на русск.яз.). С.49.

Некоторые тематически связанные материалы

О жирондистах

http://vive-liberta.narod.ru/discuss/girond_ind.htm

О Монтескье

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mnt>

Д. А. Ростиславлев

ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ ПЕРИОДА ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГАЗЕТЫ Ж.-Р.Эбера «Пер Дюшен»

Европейское Просвещение и Французская революция. М., 1988. С.72-94.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Воздействие Великой французской революции на общественную жизнь страны сказалось и в подлинном расцвете журналистики этой эпохи. В словаре, изданном в 1790 г. и посвященном членам Коммуны Парижа, есть характерная запись: «Эти листки, некогда бывшие кормом для наших бездельников, сегодня стали пищей всех граждан. За ними гоняются, их вырывают друг у друга из рук и тут же проглатывают содержание... Музы умолкли, журналист один остался на сцене и пользуется огромным успехом. Газетный дождь проливается каждое утро наподобие манны небесной, и 50 листов, как солнце, выходят ежедневно, чтобы освещать все вокруг»¹. Среди наиболее известных изданий того времени был и «Пер Дюшен» Эбера. «При одном упоминании об этой газете две трети населения Франции охватывал ужас», - вспоминал в 1815 г. бывший член Конвента Паганель². Ф.Бреш, исследовавший «Пер Дюшен» в 20-е гг. нашего века, писал: «Это самый блестящий успех журналиста, к которому приближается лишь слава «Фонаря» Рошфора»³. Одним из великих журналистов всех времен назван Эбер в новейшей «Литературной истории Франции»⁴.

Автор «Пер Дюшена» был известным деятелем революции, видным членом Якобинского клуба, одним из вожаков клуба Кордельеров, Парижской Коммуны и народных обществ. С его именем связано сложное общественно-политическое течение - эбертизм, судьба которого тесно переплетена с участием в революции народных масс Парижа. Редкий историк французской революции не упоминал о газете Эбера, которая довольно регулярно выходила в течение трех с половиной лет и представляет собой важный источник для изучения взглядов автора и его соратников. Между тем, и в современной историографии нет сколько-нибудь определенной оценки эбертизма. Советские ученые рассматривали это течение в связи с проблемой классовой сущности якобинской диктатуры, вызвавшей немалые дискуссии в 70-х гг.⁵ Во Франции после 2-й мировой войны вышло несколько специальных работ, посвященных взглядам и деятельности Эбера. Если в книгах Ж.Вальтера⁶ и Л.Жакоба⁷ явно переоценивалась роль автора «Пер Дюшена» как вождя санкюлотов, то новейшие исследователи А.Летапи⁸ и М.Грей⁹ не без политического подтекста причисляли Эбера и других лидеров демократического движения к агентам роялиста барона де Батца.

Дальнейшее изучение эбертизма требует, видимо, не только привлечения дополнительных источников, но и новых методов анализа известных документов, в первую очередь, газеты «Пер Дюшен». Современники обращали внимание на особенности ее языка и формы¹⁰. Трудными историков и лингвистов создано 4 словаря листка Эбера, перечень образных выражений, намеренно неправильных грамматических форм¹¹. Ж.Вальтер составил список лиц, предметов и географических названий, упоминаемых в «Пер Дюшен»¹². Все же исследования такого рода ограничивались, как правило, задачами источниковедения и истории культуры. Сотрудник лаборатории изучения политических текстов института французского языка в Сен-Клу Ж.Гийому подверг словарь «Пер Дюшен» за 1793 г. обработке на ЭВМ и применил полученные результаты для анализа взглядов Эбера. Это позволило ему утверждать, что знаменитый журналист проводил курс на единство между народными массами и революционной буржуазией¹³. Указанный метод представляется нам весьма перспективным. В предлагаемой статье предпринята попытка осуществить комплексный анализ выделенных специалистами по истории культуры особенностей газеты «Пер Дюшен» для более всесторонней оценки деятельности Эбера на разных этапах Великой французской революции, в частности, в период якобинской диктатуры.

Жак Рене Эбер (1757-1794), родившийся в семье золотых дел мастера из Алансона; женатого на провинциальной дворянке, довольно рано почувствовал тягу к сочинительству. 16-ти лет, едва закончив коллеж, он опубликовал анонимный памфлет по случаю одного из провинциальных скандалов, в основе которого была тривиальная любовная интрига. Виньетка из скрещенных кинжалов предваряла текст, полный угроз в адрес противника будущего автора «Пер Дюшен». Изобличенный в этой проделке и желая избавить семью от уплаты крупного штрафа, Эбер бежал

из родного города в Париж. Оказавшись в столице без средств и связей, он вновь прибег к перу — и опять непредвиденные последствия: директор театра Варьете, отвергнув пьесы, предложил молодому сочинителю место контролера в ложах. Начало революции Эбер встретил выпуском новых брошюр и памфлетов, которые, впрочем, не выделялись на фоне массы печатной продукции того времени. Положение изменилось осенью 1790 г., когда он стал автором и редактором газеты «Пер Дюшен»¹⁴.

Эта газета состояла из 8-и страничек 11x16 и представляла собой типичное издание революционных лет, часто именуемое периодическим памфлетом. Наряду с «Другом народа» Марата и «Парижскими революциями» Прюдома «Пер Дюшен» была ярким представителем т.н. «прессы мнения» (в отличие от информационной и технической литературы)¹⁵. «Эти маленькие листки сражались, — писали в середине XIX в. братья Гонкур, авторы труда об истории французского общества во время революции. — Маленькие листки, которые в наши дни называют малой прессой. В этих маленьких листках были ярость, дерзость, смелость инициативы; они — первые в огне и последние в отступлении; и значимость борьбы заключалась в них»¹⁶. Известный историк журналистики Э.Атэн называл листки Фронды, знаменитые Мазаринады далеким предком малой прессы¹⁷. Но непосредственным предшественником газеты Эбера были памфлеты, наводнившие Францию после того, как стало известно о решении короля созвать Генеральные штаты. Среди них попадались листки, написанные от лица печника Папаши Дюшена, причем первый датируется еще февралем 1789 г. В апреле 1790 г. стал выходить периодический листок «Пер Дюшен», автором которого был некий Мон-Люси. Видимо, летом появились и первые отрывочные выпуски газеты Эбера. Однако эти издания просуществовали недолго из-за финансовых затруднений. Решительные перемены в судьбе периодического памфлета «Пер Дюшен» произошли в начале осени 1790 г. 26 сентября в типографии Трамбле вышел первый номер новой газеты Эбера, которая сразу же натолкнулась на жесткую конкуренцию со стороны еще двух одноименных публикаций, авторами которых были почтовый служащий Лемэр и аббат Жюмель. В 1790-1791 гг. в Париже выходило по меньшей мере 5 газет «Пер Дюшен»¹⁸. Историки прессы объясняют этот феномен тем, что в начале сентября 1790 г. произошел разрыв между умеренно-либеральным большинством Национального Собрания («конституционалистами») и левыми («демократами»), отстаивавшими всеобщее избирательное право. Те и другие усилили пропаганду с целью склонить на свою сторону народные массы¹⁹. Почему же форма листка «Пер Дюшен» оказалась наиболее приемлемой в этих условиях?

Беглого взгляда на газету Эбера достаточно, чтобы убедиться в ее необычности. Верхнюю часть первой страницы занимала лубочная картинка, на которой был изображен папаша Дюшен, персонаж балаганных представлений, с середины XVIII в. известный в литературе²⁰. Чтобы привлечь внимание читателей, виньетка зачастую окрашивалась гуашью. Заголовок набирался особым шрифтом; с 1791 г. он открывался словами «Великий гнев» или «Великая радость» Папаши Дюшена, что соответствовало психологическому настрою революционеров²¹ и помогало читателям узнать этот листок среди других одноименных изданий.

Газеты распространялись уличными разносчиками, и Эбер, сознавая важность рекламы, столь тщательно шлифовал текст заголовка, что Ж.Вальтер обнаруживал в нем своеобразную рифму²². Заинтересовать читателя должна была первая же фраза текста, обычно отрывистое восклицание. Необычным был язык, в которой сочетались термины из старофранцузского языка с распространенными в XVI-XVII в. и XVIII в. разговорными формами, брань перепекалась с латынью и словами неизвестного происхождения, большая часть которых была, видимо, придумана автором. Безупречные литературные обороты сменялись намеренными стилистическими и грамматическими огрехами²³. Каждый номер включал в себя одну или несколько сценок на злобу дня; Папаша Дюшен «наносил визит» королю, «исповедовал при помощи кулаков контрреволюционера аббата Мори», «беседовал» в раю с богом Отцом и Сыном», во главе санкюлотов «отправлялся» на защиту Парижа от войск австро-прусской коалиции, «объявлял войну» «кликке бриссотинцев», «во сне» выслушивал наставления «убитого Марата»²⁴ и т.д. Бок о бок с деятелями революции на страницах газеты Эбера мирно соседствовали герои древности и житий святых, знаменитости средних веков и философы Просвещения, персонажи известных сказок и выдуманные автором маски²⁵. Смысловая нагрузка отдельного листка была невелика — 1-2 проблемы, но обязательно тех, что возбуждали жгучий интерес читателей: речь шла о политической борьбе и снабжении продовольствием, государственном устройстве и религии. Номер «Пер Дюшена», как и других подобных изданий, стоил очень дешево — 2 су. Особенности газеты Эбера позволяют охарактеризовать ее как революционный лубок — вариант городской культуры, т.н. «примитива», основной социальной базой которого в новое время являлась ремесленная среда. О том же свидетельствует и литературная традиция: образ Папаши Дюшена был заимствован Эбером из рассказа, впоследствии вошедшего в развлекательный сборник

карнавальных шуток Карона²⁶, исследователи отмечали преемственность между автором «Пер Дюшена» и Скарроном, писателем XVII в., создавшим жанр бурлеска, т.е. «снижения» мифов, а также маску площадного актера Жадле. Порой Эбера называли «сыном Ваде»²⁸, имея в виду основателя стиля «пуассар» («языка торговки рыбой». — Д.Р.), использовавшего просторечье в драматургии. Литературоведы, лишь в наши дни вычленившие городскую культуру как особую, третью, находящуюся между «высокой», академической, и фольклором, называют лубок «бунтарским оружием примитива», популярным во времена народных волнений: в Германия — в эпоху реформации, в США — в период освобождения от английского колониального владычества; во Франции — в 1789-1794 г.²⁹

Обращение к народным массам не свидетельствовало, однако, об определенной политической ориентации. Весной 1791 г. в Париже выходило два контрреволюционных периодических листка «Пер Дюшен»³⁰. Герой-печник был изображен в них в качестве обманутого якобинцами очень недалекого человека, который, наконец, прозревает сам или при помощи эрмитажа. Пародийность эбера откровенная насмешка над революционером из народа проявлялась в особенной даже для жанра «Пер Дюшен» грубости. Контрреволюционные издания следует, видимо, рассматривать как реакцию на успех публикаций Лемэра, Эбера и Жюмеля; но и среди них не было единства: первый тяготел к умеренным и враждовал с Маратом, а последний, напротив, был поддержан «Другом народа», пожурившим его лишь за чрезмерную горячность³¹. Издание, выходявшее у Трамбле, сближали с газетой Жюмеля простота языка при внешней вычурности, обилие образных «сниженных» в литературном отношении выражений и злободневных сценок. Что касается листка Лемэра, он был сложнее своих конкурентов по структуре и более походил на памфлет, нежели на лубок: пристрастие автора к неологизмам было чуждо Эберу. Изображение на виньетке, однако, вносило коррективы.

На первой странице газеты Эбера был изображен Папаша Дюшен в виде молодого человека приятной наружности, одетого в костюм национального гвардейца. В 1793 г. Эбер вспоминал о том, что в начале революции он записался в национальную гвардию, но позднее был исключен оттуда вместе с другими патриотами³². Однако в конце 1790 г., когда народные художники беспощадно разоблачали дворянство и духовенство³³, подобная картинка выглядела нейтральной, свидетельствовала о неопределенности политической позиции издателей. Не случайно в виньетке заимствовались так называемые «мальтийские кресты» из умеренной газеты Лемэра. В № 13, вышедшем в конце января 1791 г.³⁴, картинка изменилась: главный герой — грозного вида усатый человек — облачен в одежду простолюдина, вооружен двумя пистолетами и топором, который он занес над коленопреклоненным священником, имя жертвы было известно: аббат Мори, один из лидеров контрреволюционной части Учредительного Собрания, которого Эбер преследовал в газете³⁵ и отдельных памфлетах³⁶. Современники без труда определили, что эту картину Эбер почти целиком заимствовал у своего конкурента «слева» аббата Жюмеля³⁷. В № 23 «Пер Дюшена» «мальтийские кресты» были заменены изображением жаровень. Исследователи отмечали, что Эбер стал придерживаться определенного политического курса лишь в январе 1791 г., когда вступил в клуб Кордельеров³⁸. Еще в № 3 газеты, изданной у Трамбле, осуждались «завывания Марата» — сказывалась обида на автора «Друга народа», который 11 декабря 1790 г. с присущей ему резкостью назвал все листки «Пер Дюшен», за исключением выпускавшегося Жюмелем, контрреволюционными. Но в № 6 Эбер решительно поддержал Марата, против которого была развязана травля.

В какой мере изменение политического курса «Пер Дюшен» соответствовало эволюции во взглядах его автора? Это вопрос о правах Эбера в редакции. Подпись в конце двух первых номеров 1791 г. позволила Ф.Брешу выявить соавтора — некоего Грослея, который осенью того же года уехал в Лион и, вернувшись в столицу в апреле 1793 г., принялся выпускать листок, копировавший форму «Пер Дюшен», издававшейся у Трамбле. На легко объяснимое возмущение Эбера новоявленный конкурент заявлял в своей газете, что он принимал участие в составлении 3/4 из первой сотни номеров «его» (т.е. Эбера—Трамбле. — Д.Р.) издания. Бреш полагал, что сотрудничество Эбера с Грослеем началось в январе 1791 г. и завершилось осенью того же года в связи с отъездом последнего³⁹. Ж.Вальтер достаточно убедительно показал, что будущие соавторы были знакомы с весны—лета 1790 г.⁴⁰. Следовательно, Грослей мог участвовать в издании сначала отрывочных, а затем и периодически выходящих, но неномированных листов лета—осени того же года. В этом случае исчезновение букв Г.Н. в начале 1791 г. означает не начало, а конец сотрудничества. Такое объяснение рассеивает следующее недоумение: исчезнувшая начиная с № 3 подпись в конце листов объявлялась авторами в предыдущем номере отличительным признаком издания, по которому читатели должны были узнать его среди других конкурирующих памфлетов «Пер Дюшен». Все, однако, встает на свои места, если предположить изменение

состава авторов. Мотивом ухода Грослея из редакция Трамбле в начале 1791 г. могли быть политические соображения: по мнению Бреша, взгляды соавтора Эбера были довольно умеренными⁴¹. Стычка на страницах газет, которая произошла по возвращении Грослея из Лиона, не свидетельствует о дружеском расставании. Все это остается, однако, лишь предположением. Бесспорно одно: изменение тона, содержания и формы листка «Пер Дюшен» объяснялись не только эволюцией взглядов Эбера, но и новой расстановкой сил в редакции.

Интересно, что подпись автора появилась лишь в № 130 «Пер Дюшена» 6 мая 1792 г., через 3 дня после того, как в Законодательном Собрании была резко осуждена газета Марата⁴². Трамбле, очевидно, решил избежать возможных неприятностей, ведь Эбер весной 1792 г. активно поддерживал автора «Друга народа»⁴³. Тем более, у издателя «Пер Дюшена» был печальный опыт: двумя месяцами раньше он был арестован за № 115 своей газеты, содержащий крайне непочтительные выражения по адресу королевы⁴⁴. Что касается Эбера, то, оповестив читателей о своем авторстве, он смог осуществить давно задуманный план: покинуть Трамбле и издавать газету самому. В письмо сестре он объяснял свое решение коммерческими соображениями: газета приносила большие доходы, между тем как прижимистый Трамбле регулярно не платил даже положенного автору вознаграждения и оказался должником своего сотрудника⁴⁵. За этими расчетами отчетливо различима и политическая позиция: Эбер не страшился ответственности за выступления своей газеты накануне решительной охватки с роялистами, объединявшими вокруг себя все контрреволюционные силы. 158-й выпуск «Пер Дюшена» вышел 28 июля из типографии на улице Сен-Барб, 5 секции Бон-Нувель⁴⁶. Совладельцами были Эбер и Жан-Шарль Марке, который впоследствии, 2 июня 1793 г., возглавил Центральный комитет, руководивший восстанием против жирондистов⁴⁷. От секции Бон-Нувель автор «Пер Дюшен» и новоявленный предприниматель был избран вместе с фабрикантом по производству тесьмы Булэ в состав Повстанческой Коммуны 10 августа 1792 г.⁴⁸

Воздействие газеты Эбера на общественную жизнь Франции было возможно лишь при условии больших тиражей и широкого распространения. Мы не располагаем прямыми сведениями на этот счет, однако, для периода 1790-1792 гг. ничто не позволяет выделить ее среди других парижских изданий. Положение, видимо, изменилось с осени 1792 г., когда Эбер стал одним из руководителей Коммуны. В начале января 1793 г., его листок называли в Якобинском клубе «муниципальным Пер Дюшеном»⁴⁹. Это позволяет предположить, что он распространялся Коммуной в секциях. Не случайно, когда в конце мая 1793 г. Эбер был арестован жирондистской «комиссией 12-ти» за № 239 «Пер Дюшен», муниципалитет проявил просто лихорадочную активность в защиту принципа «свободы печати»⁵⁰. После победы восстания 31 мая — 2 июня в Париже издание Эбера оказалось в исключительно благоприятных условиях: во-первых, вынуждены были замолчать конкуренты, а, во-вторых, «Пер Дюшен» в числе нескольких «патриотических» газет закупулся военным ведомством для рассылки в армию⁵¹. К. Демулен утверждал, что в его распоряжении были выписки из Национального казначейства, свидетельствующие о том, что Эбер получил 135 тыс. ливров 2 июня и еще 60 тыс. в октябре за 600 тыс. экземпляров своей газеты⁵². С осторожностью относясь к свидетельству политического противника автора «Пер Дюшена», критически оценим и ответ последнего, не желавшего афишировать свои доходы перед читателями-санкюлотами. В январе 1793 г. Эбер утверждал, что первоначально (т.е. в июне 1793 г. — *Д.Р.*) подписка не превышала 3 тыс. экземпляров, затем достигла 6 тыс., а впоследствии (очевидно, с середины сентября 1793 г.⁵³ — *Д.Р.*) - 12 тыс. экземпляров, причем и этот тираж был явно недостаточным и комиссары Конвента в армии вынуждены были переиздавать «Пер Дюшен» на местах⁵⁴. Всего за полгода было выпущено 900 тыс. листов «Пер Дюшен», и вырученная от их продажи сумма, по словам Эбера, не превышала 90 тыс. ливров, причем половина принадлежала компаньону Марке, а из оставшихся нужно было еще вычесть жалование 10 рабочим, стоимость помещения и приобретенных прессов⁵⁵. Следует, однако, учитывать, что отдельные номера этой газеты выходили огромными — до 600 тыс. экземпляров — тиражами в качестве официальных правительственных документов⁵⁶; именно так она воспринималась в департаментах⁵⁷. Целые части из «Пер Дюшен» перепечатывались иногда другими газетами⁵⁸. Не следует забывать и о частной подписке, которая охватывала разные уголки Франции⁵⁹.

Таким образом, взлет популярности листка Эбера относится к периоду якобинской диктатуры. И это не случайно, ведь на страницах газеты «Пер Дюшен» была создана целая галерея народных героев того времени: это кум Матьё, сапожники Крепен и Лемпен, аббат Куражё (Храбрец) и др.⁶⁰. Жена папаши Дюшена — Жаклин — патриотка и отличная хозяйка, немного болтлива, но храбра до безумия — лучшая подруга для санкюлота. Главный герой Эбера — плебейский революционер, патриот и народный защитник. Он отважен, вспыльчив, но отходчив, доверчив, искренен и болтлив. Папаша Дюшен — моралист, любит поучать; непримиримый в отношении большинства пороков, он,

однако, не прочь "пропустить" стаканчик вина. Запоминающейся была внешность: «Вообрази себе, прежде всего, молодца, квадратного, коренастого, представительного; представь пушистые усы, трубку наподобие печной трубы и широкую глотку, откуда непрестанно валят клубы дыма; взгляни на густые глаза и сверкающие от гнева брови⁶¹, когда он размышляет обо всех бедах, которые вы, людоеды (т.е. аристократы. — Д.Р.) причинили человеческому роду; да, черт возьми, этот ужасный облик даст тебе лишь слабое представление о папаше Дюшене»⁶². Уже упоминавшийся современник революции Паганель писал об Эбере: «Он составлял свои краски и картины с натуры, находя и изучая модели на набережных и рынках, наподобие того, как Мольер изучал маркизов при дворе, врачей в будуарах и ученых в академиях»⁶³. Добавим, что автор «Пер Дюшена» регулярно встречал прототипы для своих персонажей на заседаниях Генерального Совета Парижской Коммуны, клуба Кордельеров, на собрании секции, наконец, в собственной доме, поскольку часть здания на Кур де Миракль, где с начала 1793 г. проживала семья Эбера, была занята под комитеты секции Бон-Нуфель⁶⁴. Английский исследователь Р.Кобб, составляя обобщенный психологический портрет плебейского революционера 1793-1794 гг., комментировал характерные черты при помощи цитат из «Пер Дюшен»⁶⁵. А.Собуль, специально изучавший народные движения в Париже во 2-м году Республики, называл эту газету «эхом санкюлотов» и неоднократно приводил примеры из нее при рассмотрении политических и социально-экономических устремлений секционных борцов в период якобинской диктатуры»⁶⁶.

Талантливо воплотив в образе печника панаша Дюшена характеры, присущие плебейским вожакам, Эбер при помощи огромных по тому времени тиражей своего листка навязывал соответствующий образ мыслей и действий значительной части населения Франции⁶⁷. Стереотипы, созданные на страницах «Пер Дюшен», воздействовали и на активистов. Так, солдаты революционной армии, созданной осенью 1793 г., пытались копировать внешность печника-санкюлота, для чего отпускали себе усы, а офицеры усваивали его язык⁶⁸. У арестованных после 9 термидора секционных активистов находили при домашнем обыске листки Марата и Эбера. Это показательный факт, поскольку обычно санкюлоты знакомились с новостями печати на собраниях секций, где наиболее грамотные люди зачитывали вслух свежие газеты.

Интересно, что сам Эбер был во многом полной противоположностью созданному им персонажу. «Как удивятся наши потомки, — писал Паганель, — когда узнают, что автор этой газета не был грубым, безнравственным и жестоким: нежное лицо, подкупающая веселость, живой ум выделяли его среди революционеров; и образованность вкупе с талантом обещали обществу нечто иное, нежели составление мятежного листка, а самому ему — конец не на эшафоте»⁷⁰. По воспоминаниям современников, Эбер был невысокого роста, изящен, одевался с иголки, носил запудренный парик и смеялся над прокурором Коммуны Шометтом, ходившим в деревянных башмаках⁷¹.

О его образованности свидетельствуют многочисленные цитаты из авторов древности, литературы Возрождения и нового времени, знание истории и мифологии, употребление множества географических названий⁷². Эбер знал латынь, стилистические совершенства отдельных фрагментов «Пер Дюшен» восхищали лингвиста Ф.Брюно, который в то же время называл автора этой газеты «Гомером грубости»⁷³. Параллельно своему знаменитому листку Эбер выпускал совершенно корректную по форме и стилю «Вечернюю газету», отдельные его памфлеты, сохраняя воодушевление и образность речи, не обрушивали на читателей непристойности «Папаша Дюшена»⁷⁴. Деженетт, известный своим участием в наполеоновских походах, однокашник Эбера по коллежу в Алансоне, описал любопытную сцену, свидетелем которой он был в доме знаменитого журналиста. Посреди изысканного обеда, оживленного непринужденной беседой, Эбера. вызвали в соседнюю комнату, где его ожидал некий санкюлот. Деженетт услышал, что к посетителю обратился не его приятный собеседник, а сам Папаша Дюшен⁷⁵.

Практически все, писавшие об Эбере, подчеркивали различия между автором и героем знаменитой газеты, Ленотр, затронувший этот сюжет в своей серии книг «Картины Парижа», называл указанное противоречие причиной гибели Эбера⁷⁶. Для Матера, д'Эстре и Бреша оно служило доказательством двуличия и демагогичности журналиста и заместителя прокурора Парижской Коммуны⁷⁷. А.Собуль и Ж.Вальтер призывали абстрагироваться от личности автора и изучать лишь газету⁷⁸. Летапи и М.Грей черпали в этом основания для того, чтобы сделать возможными свои обвинения в адрес Эбера как агента роялистов⁷⁹. Между тем, уже в сценке, описанной Деженеттом, обращает на себя внимание тот факт, что санкюлот не был поражен внешностью вышедшего к нему Папаша Дюшена. Возвратившийся позже в комнату Эбер подтвердил, что он обычно так говорил в общественных местах⁸⁰. Документы сохранили рассказ простой работницы о том, как она повстречала «Папашу Дюшена», пожаловалась на

несправедливость хозяина мастерской, и он обещал помочь⁸¹. В материалах революционного трибунала к имени Эбера обычно прибавлена: «прозванный Папашей Дюшеном»⁸². Изысканно одетый, в напудренном парике, политический деятель, изъяснявшийся на языке «Папаши Дюшена» был, таким образом, реальной фигурой Великой французской революции и пользовался особой популярностью во время якобинской диктатуры.

Для объяснения этого феномена важно, прежде всего, отметить неоднозначность образа, созданного Эбером. Ж.Гийому определил, например, что слово «санкюлот» в устах «Папаши Дюшена» имело двойное толкование: в узком, «социальном смысле» оно означало трудящегося, причем не обязательно бедняка, а чаще мелкого собственника, лицо свободной профессии, зарабатывающее себе на жизнь; широкое же, «политическое» понимание этого слова позволяло причислить к санкюлотам любого сторонника революции, включая крупного буржуа, вроде Камбона, возглавлявшего финансовую комиссию Конвента⁸³. Стилистический анализ газеты позволил предположить, что она выполняла функции связи между народными требованиями и их теоретическим оформлением политическими группировками, будь то якобинцы или «бешеные»⁸⁴. Подмеченная неоднозначность проявляется и в литературных особенностях «Пер Дюшен», например, в отношении раблезианской традиции. Следуя за литературой XVIII в., утратившей понимание народно-праздничного смеха, составлявшего суть философии Рабле⁸⁵, Эбер трактовал образ Гаргантюа как чисто сатирический. В представлении «Пер Дюшена» — это король-толстяк, который много ест и пьет, а потому дорого обходится своему народу⁸⁶. Прозвищем «Гаргантюа» Эбер «наградил» своего политического противника дантониста Делакура, намекая тем самым на смертельно опасное во времена якобинского террора сходство между тучным по комплекции защитником нуворишей с казненным Людовиком XVI⁸⁷. Но утраченный в образе главного героя романа раблезианский мир народной культуры воскресал в образном языке «Пер Дюшен», в смешении жанров, например, при описании сцен террора, когда, как отмечал французский историк М.Вовель, к убийству «примешивается насмешка, своего рода мрачный юмор и едва ли не праздник»⁸⁸. Об особенностях юмора газеты Эбера писал и Р.Кобб⁸⁹. Именно на ее страницах появились и популяризировались названия, вроде «национальная бритва», «форточка» (гильотина. — *Д.Р.*), «национальный укорачиватель» (палач. — *Д.Р.*), «корзинка» для отрубленных голов и др.⁹⁰.

Разнообразные проявления социального дуализма, выявленные при анализе лингвистических и литературных особенностей «Пер Дюшен», совершенно теряются в мешанине языков, стилей, персонажей и эпох, объединенных в революционном лубке Эбера. Причем, это единство не было только жанровым. Сюжеты прошлого или мифы не отвлекали читателя от событий революции; напротив, они призваны были объяснить простым людям, что нужно делать и кого опасаться. Смерть Сократа предстала на страницах «Пер Дюшен» как история об убийстве защитника санкюлотов бандой тиранов, фейянов и жирондистов⁹¹; Иисус Христос трактовался как основатель народных обществ⁹², а рассказ о завоевании галлов Цезарем помогал осознать всю низость и опасность измены, совершенной генералом Дюмурье, который пытался весной 1793 г. повести свою армию на Парик, а затем бежал к неприятелю⁹³.

Некоей целостностью обладал и язык «Пер Дюшена». Ж.Вальтер отмечал, что если в 1790 г. Эбер лишь переводил лозунги революции для бедноты, то впоследствии язык его газеты стал истинно народным⁹⁴. Эта точка зрения противоречит мнению Ф.Бреша и Ф.Брюно⁹⁵. Последние, однако, обращались для сравнения к традиционным формам просторечия. Между тем новейшие исследования указывают на то, что формирование народного языка продолжалось во время революции в условиях господства буржуазии, стремившейся к установлению единого национального языка⁹⁶. Ж.Гийому называл Эбера одним из глашатаев народа, которые переносили народные традиции языка в риторические (т.е. литературные. — *Д.Р.*) формы, выглядевшие народными⁹⁷. Язык «Пер Дюшен» перешагнул рамки литературной условности: на нем говорили во времена революции⁹⁸. Он стал символом демократизма блока социальных сил, сложившегося в ходе борьбы с жирондистами и получившего название якобинского. Об этом свидетельствует история революционного лубка Эбера.

На заседании Якобинского клуба 1 января 1793 г. почти единодушно было одобрено предложение распространить в народных обществах брошюру известного якобинца Дюбуа-Крансе, написанную, как выразился выступивший с этой инициативой Дефьё, в «стиле «Пер Дюшен» Коммуны. Заявление Дюфурни о том, что Общество «скомпрометирует себя, если «заговорит» на языке «Пер Дюшен», не встретило поддержки⁹⁹. Между тем, в словах этого умеренного политического деятеля был свой резон: предпринятая в 1792 г. попытка некоего Полле установить союз между "Пер Дюшеном" и Обществом Друзей Конституции не имела успеха¹⁰⁰. В то время якобинцы вполне удовлетворяли свой демократизм изданиями вроде «Альманаха Пер Жерара»

Колло д'Эрбуа, где прототип известного депутата Учредительного Собрания на безукоризненно литературном языке «беседовал» с крестьянами о принципах свободы, национальном суверенитете и конституции¹⁰¹. К началу 1793 г. Общество было демократизировано: из его состава вышли сторонники Бриссо, их места заняли «люди 10 августа». 6 января якобинцы рукоплескали приему в клуб прокурора Коммуны Шометта и его заместителя Эбера, причем последний был представлен как «автор великолепных писем» «Пер Дюшен»¹⁰². Выше отмечалось резкое увеличение тиража «Пер Дюшен» в период якобинской диктатуры. Следует учитывать, это происходило на фоне сокращения числа демократических изданий¹⁰³. Характерно, что очередной издательский взлет газета Эбера пережила в сентябре 1793 г., когда плебейский натиск, с трудом возглавленным Парижской Коммуной, вынудил революционную буржуазию принять часть народных требований. Но тогда же исчезли газеты лидеров «бешеных», причем в расправе с Жаком Ру принял участие автор «Пер Дюшена»¹⁰⁴. Борьба политических группировок, неизбежная в социально-неоднородном якобинском блоке, в полной мере сказалась в судьбе издания листка Эбера. Много сделали для распространения «Пер Дюшен» военный министр Бушотт, известный своими левыми симпатиями, и особенно генеральный секретарь военного ведомства Венсан — один из лидеров эбертистов. В Якобинском клубе газета и ее автор пользовались неизменной поддержкой влиятельного эбертиста Моморо¹⁰⁵, Правые, ориентировавшиеся на Дантона, порой препятствовали изданию «Пер Дюшен». Главным врагом этого листка зимой 1793/1794 гг. стал «Старый кордельер» К.Демулена¹⁰⁶. В период кризиса якобинского блока вспыхнули споры вокруг особенностей «Пер Дюшен», с которыми ранее вполне мирились. В марте 1794 г. Общество друзей свободы Тулузы раздирает спор о том, нужно ли пропускать при чтении вслух т.н. «неупотребляемые» слова из этой газеты. Но позиции патриотов были еще сильны, и Общество приняло решение читать «Пер Дюшен» без изъятий. Столь своеобразную оппозицию эбертисты встретили и в столице¹⁰⁷. После казни Эбера и его сподвижников видный член Конвента аббат Грегуар заявлял: «Грязный стиль был присущ Капету и Эберу; допустимо ли, чтобы язык тирана и контрреволюционера пачкал уста республиканцев?»¹⁰⁸. Тогда же началась репрессивная политика Конвента против диалектов с целью унификации языка¹⁰⁹. Прекращение издания «Пер Дюшен» обычно связывают с исчезновением народной прессы¹¹⁰.

Фигура Эбера, революционера, щегольски одетого и изъясняющегося на языке санкюлотов, являлась, таким образом, отражением сложности якобинского блока, своего рода знаменем времени, когда революционный лубок сливался с реалиями политической борьбы и становился частью общественного сознания Франции. О последнем свидетельствует множество конкурирующих изданий и подделок. Помимо них, выходили листки «Мамаша Дюшен», «Сын Дюшен», «кузен», «внук», «правнук», «младший брат» вплоть до «тети»; газеты от имени «друзей» печника: «Жан Бар», «Папаша Жан», «Папаша Жерар», «Папаша Радость», «Капитан Буря» и др.¹¹¹. Причем, если газетная «семья Дюшен» формировалась под влиянием успехов изданий Эбера, Лемэра и Жюмея, то отдельные листки «друзей» (например, «Жан Бар» — Д.Р.) появились еще в 1789 г. Велика была популярность «Пер Дюшена» во времена революции 1848 г.¹¹². Всего же за период с 1792 по 1896 гг. только в

Париже было осуществлено 21 издание «Пер Дюшен»¹¹³. Последнее из известных предприняли бойцы французского Сопротивления в годы Второй мировой войны¹¹⁴. Но все они в истории культуры остались потомками знаменитого революционного лубка эпохи Великой буржуазно-демократической революции конца XVIII века.

Д. А. Ростиславлев ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ ПЕРИОДА ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Примечания

¹ Epithete. Dictionnaire nationale et anecdotique dedie a MM. les Representants de la Commune de Paris. Paris, 1790.

² Paganel P. Essais historiques et critiques de la Revolution, T.3. Paris, 1815. P. 258.

³ Braesch F. Le Pere Duchesne d'Hebert. Paris, 1922-1938. P.85.

⁴ Histoire litteraire de la France. T. 5. Paris, 1976. P.373.

⁵ Проблемы якобинской диктатуры. Симпозиум в секторе истории Франции института всеобщей истории АН СССР // Французский ежегодник. 1970. М., 1972; Ревуненков В.Г. Гибель эбертистов // Вопросы истории, 1974, № 6. С. 133-145. Общая характеристика взглядов Эбера содержится в последующих трудах В.Г.Ревуненкова. См.: Очерки по истории Великой французской революции. Якобинская диктатура и ее крушение. Л., 1983, С. 150-158.

⁶ Walter G. Hebert le pere Duchesne. Paris, 1946.

⁷ Jacob L. Hebert le pere Duchesne, chef des Sans-culottes. Paris, 1961.

- ⁸ Lestapis A. de. La conspiration de Batz. Paris, 1969.
- ⁹ Grey M. Hebert le pere Duchesne. Agent royaliste. Paris, 1983.
- ¹⁰ Paganel P. Op.cit. T.2. P.257; Feuille villageoise, 7 juin 1792 // Hatin E, Histoire politique et litteraire de la presse en France. T.6, Paris, 1861. P.453.
- ¹¹ Braesch F. Op.cit. P. 147-157; Brunot F. Histoire de la langue francaise des origines a nos jours. T.10. Paris, 1968. P.466-470; Walter G. Op.cit. P.393-399; Guilhaumou J. L'ideologic du Pere Duchesne: les forces adjuvantes // Le mouvement social, oct.-dec. 1973. Paris. P.81-116; idem. Lecture d'une concordance: pain dans le pere Duchesne d'Hebert // Histoire moderne et informatique. 1984. N 4. P.84-95.
- ¹² Walter G. Op.cit. P.407-424.
- ¹³ Guilhaumou J. L'ideologie du pere Duchesne. P.114-116.
- ¹⁴ Подробнее о биографии Эбера см. Mater M.D. J.R.Hebert, l'auteur du pere Duchesne, avant la journee du 10 aout 1792 // Memoires de la societe historique du Cher (188). T.4. Bourges, 1888. P.9-135.
- ¹⁵ Подобное деление см.: Perronet M. 50 mots de clefs de la Revolution francaise. Toulouze, 1983. P.229-230.
- ¹⁶ Goncourt E. et G. Histoire de la societe francaise pendant la Revolution francaiae. Paris, 1904.P.239.
- ¹⁷ Hatin E. Bibliographie historique et critique de la presse periodique francaise. Paris, 1866. P.21.
- ¹⁸ Braesch F. Op.cit. P.52.
- ¹⁹ Braesch F. Op.cit. P.52. Histoire generale de la presse francaise. T.1. Paris, 1969. P.457.
- ²⁰ Hatin E. Histoire politique et litteraire de la presse francaise. T.6. P.453; Histoire generale de la presse francaise. T.1. P.456.
- ²¹ Cobb R. Quelques aspects de la mentalite revolutionnaire. // Terreur et subsistance. Paris, 1965. P.8-33; Vovelle M. La mentalite revolutionnaire. Paris, 1985.
- ²² Walter G. Op.cit. P.296-297.
- ²³ Braesch F. Op.cit. P.155-157.
- ²⁴ Pere Duchesne. NN 32, 46, 53, 168, 187,207, 279.
- ²⁵ См. перечень имен, составленный Ж.Вальтером; op.cit. P.407-419.
- ²⁶ Caron P. Le plat de Carnaval. Paris, 1804.
- ²⁷ Brunot F. Op.cit. T.10. P.179.
- ²⁸ Grand dictionnaire universel du XIX siecle. T.6. P.1332.
- ²⁹ Прокофьев В.Н. О трех уровнях художественной культуры нового и новейшего времени // Примитив и его место в художественной культуре нового и новейшего времени. М., 89. 1983. С.15-19.
- ³⁰ Tournau M. Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Revolution francaise. T.2. Paris, 1893.
- ³¹ L'Ami du peuple. № 393. 11 dec. 1793.
- ³² J.R.Hebert. a Camille Desmoulins et compagnie. Paris, 1794.
- ³³ Калинина Н.Н. Народная картинка времени Великой французской революции и ее место в культуре Франции // Советское искусство. Знание. М., 19Ь6. С .370, 373.
- ³⁴ Эбер нумеровал свои листки лишь с начала 1791 года.
- ³⁵ Мори пытался найти управу против дерзкого листка в полиции и Учредительном Собрании, но безуспешно. См.: Mater M.D, Op.cit. P.64-65.
- ³⁶ Vie privee de l'abbe Maury. Paris, 1790; Suite de la vie privee de l'abbe Maury, Paris, 1790.
- ³⁷ Desmoulins U. Le vieux cordelier, N 5. В Плагиате Эбера обвинял и сам аббат Жюмель. См.: Pere Duchesne, N 25, . Paris, 1793. P.7-S.
- ³⁸ Braesch F, Op.cit, P.114; Histoire generale de la presse francaise, T.1. P. 457.
- ³⁹ Braesch F.Op.cit. P.98-99.
- ⁴⁰ Valter G. Op.cit. P.36.
- ⁴¹ Braesch F. Op.cit. P 99.
- ⁴² Histoire generale de la presse francaise. T.1. P.501.
- ⁴³ В апреле 1792 г. Эбер — председатель клуба Кордельеров — был вдохновителем адресов этого общества к Марату с предложением продолжить прерванное им издание газеты «Друг народа». Опубл. в кн.: Mater M. Op.cit. P.105-106.
- ⁴⁴ Ibid. P.99.
- ⁴⁵ Опубл. в кн.: Mater M. Op.cit. P.19.
- ⁴⁶ Эбер покинул Трамбле в конце мая 1792 г. и до конца июля сотрудничал с оставшимся неизвестным литератором. Braesch F. Le dernier domicile du Pere Duchesne. // Revolution francaise. Paris, 1923. T.76. P.314-316.
- ⁴⁷ Mathiez A. A.Marquet // Annales revolutionnaires. Paris, 1923. P.37-41.

- 48 Buchez P.J. et Roux P.C. Histoire Parlementaire de la revolution francaise. T. 16. P. 412.
- 49 La Societe des jacobins. T.4. Paris, 1895. P.636.
- 50 Wallon H. La revolution du 31 mai. Paris, 1886. T.1. P.216-246.
- 51 Hatin E. Histoire politique et litteraire de la presse in France. T. 6. P. 495.
- 52 Vieux Cordelier, N 5. La Societe des jacobins, T.5. P.593.
- 53 Tuetey A. Repertoire general des sources manuscrites de l'histoire pendant la Revolution francaise. T.II. Paris, 1914.
- 54 О перепечатке газеты «Пер Дюшен» на местах см.: La Societe des Jacobins. T.5. P.435.
- 55 J.R.Hebert... a Camille Desmoulins et compagnie.
- 56 Hatin E. Bibliographie... P.194; Braesch F. Le Pere Duchesne. P.86.
- 57 Brunot F. Op.cit. T.10. P.193.
- 58 Парижская газета «Abreviateur universel » в № 362 от 26 декабря 1793 г. перепечатала большую часть № 327 «Пер Дюшен». См. также: La Societe des Jacobins. T. 5. P. 268.
- 59 Une enveloppe historique: la mort du Pere Duchesne // L'intermediere des chercheurs et curieux. V.46. Paris, 1902. P.447-448.
- 60 См. список, составленный Ж.Вальтером: Op. cit. P.418.
- 61 Намеренная ошибка, типичная для лубка Эбера.
- 62 Pere Duchesne, N 117.
- 63 Paganel P. Op.cit. P.216.
- 64 Braesch F. Le dernier domicile du Pere Duchesne. P.339.
- 65 Cobb R. Quelques aspects de la mentalite revolutionnaire. P.3-17.
- 66 Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1976.
- 67 По подсчетам А.Собуля и М.Вовеля, не более 10% горожан были активными революционерами. См.: Собуль А. Указ. соч. С. 315. Vovelle M. La mentalite revolutionnaire. Paris, 1985. P.111.
- 68 Cobb R. Les armees revolutionnaires instruments de terreur dans les departements. Paris, 1961. P.106.
- 69 Soboul A. 1789. La France revolutionnaire, Realite et idees neuves // Histoire litteraire de la France. T.5. P.396.
- 70 Paganel P. Op.cit. T.2. P.259.
- 71 Desgenettes D. Souvenirs du XVIII siecle au commence- ment du XIX. V.2. P.237-242.
- 72 См.перечень имен и библиографию, составленные Д.Ж.Вальтером.
- 73 Brunot F. Op.cit. T.10. P.184-186.
- 74 Journal du soir sans reflexions et Courrier de Paris et de Londres reunis. Paris, 1791-1794.
- 75 Desgenettes D. Op.cit. T.2. P.241-242.
- 76 Lenotre G. Vieilles maisons, vieux papiers, 2eme serie. Paris, 1903. P.381.
- 77 Mater M. Op.cit. P.12; Braesch F. Op.cit. P.122.
- 78 Soboul A. Avant-propos.de: Lestapis A. de. La conspiration de Batz. P. IX; Walter G. Op.cit, P.8-9.
- 79 Lestapis A. de. Op.cit.; Grey M. Op.cit.
- 80 Desgenettes D., Op.cit. T.2. P.242.
- 81 Markov V., Soboul A. Die Sansculotten von Paris. Berline, 1957. P. 406.
- 82 Ibid, P. 426.
- 83 Критерий, избранный в газете «Пер Дюшен », объединял, таким образом, ее автора и издателя с героем-печником в одну социальную группу.
- 84 Guilhaumou J. Lecture d'une concordance: pain dans le Pere Duchesne d'Hebert. P.88-89.
- 85 Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья. М., 1965. С.128-132.
- 86 Pere Duchesne, № 275, 281, 310. Так же Гаргантюа рассматривался в книге Женгоне, по мнению М.Бахтина (Указ.соч. С.132), основном раблезианском документе эпохи буржуазной революции. Ginguene P.L. De l'autorite de Rebelais la revolution, Paris, 1791.
- 87 Назарян А.Г. История развития французской фразеологии. М., 1981. С.117.
- 88 Вовель М. К истории общественного сознания эпохи Великой французской революции // Французский ежегодник, 1983. М., 1985. С.142.
- 89 Cobb K. Quelques aspects de la mentalite revolutionnaire. P.8.
- 90 Интересно, что Гаргантюа вновь приобрел черты карнавальной маски в русском лубке, куда он попал в эпоху крестьянской войны под руководством Пугачева. См.: Сакович А.Г. Русский настенный лубочный театр XVIII-XIX вв. // Примитив и его место в художественной культуре нового и новейшего времени. С.47.

- ⁹² Ibid, , N 323, 324.
- ⁹³ Ibid., N 223.
- ⁹⁴ Walter G. Op.cit. P.293.
- ⁹⁵ Braeach F, Le Pere Duchesne. P. 126-127; Brunot F. Op. cit. T.10. P. 181-183.
- ⁹⁶ Balibar R., Laporte R. Le francais nationale. Paris, 1974. P.81- 118;. 189-190.
- ⁹⁷ Guilhaumou J. L'effet populaire dans le Pere Duchesne. P.414.
- ⁹⁸ Луи Блан указывал, что на языке газеты «Пер Дюшен» изъяснялся и знаменитый генерал революции Л.Гош. См.: Блан Л. История Французской революции. Т.10. СПб., 1910. С.98.
- ⁹⁹ La Societe des jacobins. Т.4. P.636.
- ¹⁰⁰ Journal populaire ou le peuple et ses amis. Paris, 1782, Tourneux M. Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Revolution francaise. Т.2. P.653.
- ¹⁰¹ Collot d'Herbois J.M. Almanach du pere Gerard. Paris. 1792.
- ¹⁰² La Societe des jacobins., Т.4. P.650.
- ¹⁰³ Калинина Н. Н. Народная картинка времени Великой французской революции и ее место в культуре Франции. С. 381.
- ¹⁰⁴ Buchez P.J. et Roux P.C. Op. cit. Т.28. P.480-481.
- ¹⁰⁵ La Societe des jacobins. Т.5. P.435, 473, 524, 628.
- ¹⁰⁶ Le Vieux Cordeliers, N 2, 3, 5 etc.
- ¹⁰⁷ Brunot F. Op. cit. Т.10. P.192.
- ¹⁰⁸ Certeau M.de, Julia D., Revel J. Une politique de la langue. Paris, 1975. P.302.
- ¹⁰⁹ Ibid. P.94-105.
- ¹¹⁰ Walter G. Op.cit. P.218.
- ¹¹¹ Braeech F. Le Pere Duchesne . P.86.
- ¹¹² Hatin E. Bbliographie historique et critique de la presse periodique francaise. P. 452-455.
- ¹¹³ Histoire generale de la presse francaise. Т.1. P.459.
- ¹¹⁴ Jacob L. Op. cit. P.16.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII века

М.: 1988

Редакционная коллегия: д.и.н. Г.С.Кучеренко
(ответственный редактор), к.и.н. К.М.Андерсон
(ответственный редактор), к.и.н. Г.С.Черткова, С.Я.Карп,
А.В.Чудинов.

Рецензенты: к.и.н. М.И.Ковальская, к.и.н. Л.А.Пименова.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии

Текст здесь:

Кузьмичева Е.К. Фейхоо-и-Монтенегро и становление

исторической мысли испанского Просвещения

Лебедева Е.И. Революция в зеркале просвещенного

сознания (исследование литературной

корреспонденции Блен де Сенмора)

Текст здесь: <http://www.annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Lebedeva.doc>

Карп С.Я. Бриссо и Гельвеций

Плавинская Н.Ю. Представления Монтескье

о республике и их оценка в жирондистской прессе

Ростиславлев Д.А. Из истории журналистики

периода якобинской диктатуры

(О некоторых особенностях газеты Ж.Р.Эбера "Пер Дюшен")

Текст здесь: http://vive-liberta.narod.ru/journal/rostisl_hebert.pdf

Кузнецов И.Н. Гердер о Великой французской революции

Петунова А.И. Джозеф Пристли и революционная Франция

Чудинов А.В. Развитие взглядов Дж.Макинтоша

на французскую революцию в 90-е годы XVIII в.

См. текст автореферата авторана соискание ученой степени

доктора исторических наук: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/chud.pdf>

Улуян А.А. Роль идейного наследия французской

и американской революций XVIII в. в становлении

общественно-политических взглядов А.Кораиса

Темкин В.А. Идеи Просвещения в творчестве Пи-и-Маргалья

Веб-публикация: Vive Liberta и Век Просвещения, 2 вандемьера ССXI года

Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи

Многие немецкие просветители были современниками Великой французской буржуазной революции. Мы проследим развитие взглядов Иоганна Готфрида Гердера на это выдающееся событие.

В конце XIX в. известный биограф Гердера Р.Гайм старался, по возможности, удалить своего "героя" от актуальных политических проблем ХУШ в. По Гайму, Гердер "...соединял с услужливостью придворного человека какой-то неопределенный радикализм, заставлявший его крайне резко с глазу на глаз отзываться о дворянстве...". В целом, считал Гайм, "...от такого человека, рассудок которого... часто подчинялся влиянию чувств и который привык постоянно переноситься из действительной жизни в сферу отвлеченных идей, нельзя было ожидать здорового и практического суждения" о революции¹. Близкой точки зрения придерживались литературоведы Е.Кюнеманн² и Б.фон Визе³.

В исследовании английского историка Д.И.Гуча подчеркнута, напротив; большая роль французской революции в формировании гердеровской идеи гуманности, под которой понимается не только человеколюбие, но и неустанное стремление к такому положению дел, когда наилучшим образом сочетались бы индивидуальные способности и общественная ответственность людей⁴. Один из новейших биографов Гердера Р.Т.Кларк отмечал, что именно веймарский пастор, стоявший, казалось бы, в стороне от политики, дал превосходное описание событий во Франции⁵.

В историографии немецкого Просвещения утвердилось мнение, что Гердер "восторженно приветствовал" французскую революцию, но после 1792 г. постепенно утратил сочувствие к ней⁶.

Советский философ А.В.Гулыга писал, что Гердер "...не достиг ни теоретического радикализма своего друга Августа Айнзиделя, ни тем более революционной практики Георга Фортстера, возглавившего Майнцскую коммуну. В своих симпатиях

к французской революции он пошел лишь немногим дальше Канта⁷. А.В.Гулыга подчеркивал значение казни Людовика XVI для Гердера, перемены отношения к революции после 21 января 1793 г. Литературовед В.М.Жирмундский выделял, наоборот, постоянство взглядов Гердера вопреки тому, что не имело большинство современников: "Дальнейшее углубление французской революции не заставило Гердера, в отличие от многих других идеологов немецкого буржуазного общества того времени, усомниться в правоте ее конечных целей..."⁸.

Английский историк Ф.М.Барнард в фундаментальном исследовании мировоззрения Гердера приходит к следующим выводам: задавшись вопросом, является ли общественное развитие прямым результатом воздействия независимых природных (божественных) сил, или, хотя бы в известной мере, — итогом человеческих стремлений, Гердер затронул круг проблем, волновавших мыслителей XVIII в., и, подобно им, не сумел дать удовлетворительного для всех ответа. Однако он установил два принципа, повлиявших на позднейшие политические теории. Первый из них — вера в большую гармонию между обеими сферами природы (физических сил и человеческих желаний), которой можно достичь, если устранить несовершенства органов управления; второй — само это улучшение должно быть эволюционным процессом⁹.

Отношение Гердера к французской революции подробно изучается историками ГДР Х.Штольпе¹⁰ и Г.Арнольдом. Оба констатируют, что революция была для Гердера центральным событием европейской истории XVIII в., которое он положительно оценивал. Х.Штольпе подчеркивает изменение точки зрения Гердера в 1793 г., хотя революция, по его мнению, осталась главным побудительным мотивом при выработке понятия "демократический патриотизм", ставшего итогом размышлений Гердера над опытом политических преобразований во Франции.

Г.Арнольд рассматривает, помимо прочих источников, переписку Гердера и, не настаивая на первоначальном значении 1793 г., привлекает внимание читателей к более поздним отзывам, находя в них противоречивые, но преимущественно благоприятные суждения о французской революции. Вершиной раз-

думий Гердера над проблемой "революция и эволюция в истории" Г.Арнольд считает мысли, высказанные в трактате "Еще один опыт философии истории для образования человечества" (1774 г.) и в "Идеях к философии истории человечества" (1784—1788 гг.), где приблизительно очерчены контуры гипотезы диалектического "скачка"¹². Впоследствии, отмечает Г.Арнольд, Гердер, по-видимому, отдавал предпочтение эволюционному пути развития общества перед революционным. Х.Штольпе и Г.Арнольд заметно расширили круг источников: первый — полной публикацией "Писем для поощрения гуманности"¹³, второй — изданием всей корреспонденции Гердера (совместно с В.Доббеком)¹⁴.

Интересный подход, позволяющий лучше уяснить отношение Гердера к французской революции, предложил историк немецкого яacobинизма Г.Шеель: сравнение точки зрения Гердера с мнениями Г.Форстера и Ф.Шиллера¹⁵. Гердер не принял якобинский террор 1793 г., пишет Г.Шеель, ибо "ему не хватало классового опыта, который давала лишь Франция и, в ограниченной степени, Майнцкая республика — без него даже Форстер остался бы не более чем просветителем"¹⁶. И все же, отмечает Г.Шеель, Гердер был ближе Форстеру, а не Шиллеру, надевавшемуся еще в конце 1792 г. на революцию "сверху" и защищавшему Людовика XVI.¹⁷

Два вопроса по-прежнему неясны: можно ли за внешней ротивоположностью одновременных оценок Гердера увидеть его истинное отношение к французской революции и какое значение имел 1793 г. для изменения взглядов Гердера на революцию? Авторы, считающие, что в 1792 г. или 1793 г. Гердер отвернулся от революции", основываются в первую очередь на негативных оценках последующих лет и на том, что он в 1793 г. отказался от публикации начального варианта "Писем для поощрения гуманности", в котором можно усмотреть "восваление" французских событий. Однако, даже убедившись, что взгляды Гердера на революцию изменились, мы ничуть не приблизились к пониманию того, какими они были изначально. Дело в том, что, по всей вероятности, некоторые свидетельства

Гердера, относящиеся к первым годам революции, были уже в XIX в. уничтожены его вдовой и слишком осторожным другом И.Г.Мюллером, издававшим собрание сочинений Гердера. Сохранившиеся же отрывки этого периода оставались несколько в тени.

Мы хронологически проследим развитие взглядов Гердера на Великую французскую революцию, опираясь на его корреспонденцию, небольшую статью "Тифон и Аврора" (1792 г.) и "Письма для поощрения гуманности" (1793-1797 гг.)

В примечании к статье "Тифон и Аврора" Гердер писал, что она является "результатом многообразного чтения и наблюдения, и если... прибавлять к каждому предложению исторические примеры, статья" легко превратилась бы в книгу¹⁶. Иными словами, он подчеркивал итоговое значение данного сочинения, следствия долгих размышлений о судьбе Европы, "дряхлеющей", подобно сыну троянского царя Лаомедонта Тифону, получившему от своей супруги Эос (Аврора) вечную жизнь, но утратившему молодость.

"Письма для поощрения гуманности" были продолжением "Идей к философии истории человечества", незаконченного основного произведения Гердера, в котором он собирался рассказать и о новейших событиях. Особенно интересен неопубликованный при его жизни исходный вариант первого сочинения, носивший название "Письма, касающиеся прогресса гуманности". Это один из тех редких случаев, когда Гердер открыто обращался к политической тематике - обычно он предпочитал говорить о повседневности языком прошлого, историческими примерами, сопоставлениями и выдержками из книг старых и новых философов.

В силу своего служебного положения - генеральный суперинтендент и вице-президент княжеской оберконсистерии Веймара - Гердер должен был проявлять сдержанность в оценках, да и сведения о событиях во Франции, проникавшие за Рейн, не отличались достоверностью. Публицист, а впоследствии консервативный государственный деятель Ф.Гентц¹⁹ замечал: "...известия, которые мы получаем из Франции, не содержат почти ничего, кроме глупостей и путаницы..., большую

часть французских новостей Германия слышит от людей, не благоволящих революции; едва ли не все, кто приносит нам эти новости, вынуждены из страха перед своим начальством скрывать истинно великое и прекрасное..."²⁰. Гердер черпал сведения о революции из других источников: писем близких знакомых (К.Л.Кнебеля, Ф.Г.Якоби, И.Г.Мюллера), сообщения очевидцев и участников военных кампаний (например, И.В.Гете) и французской прессы.

Подробный отчет о происшедшем 12-10 июля 1789 г. в Париже Гердеру прислал его революционно настроенный друг К.Л.Кнебель²¹ (письмо впервые опубликовал Г.Арнольд). Одно из немногих хранившихся свидетельств самого Гердера этих лет - такие строки о празднике Федерации 1790 г.:

"Вокруг большого алтаря мы видим французов, возвысившихся
До братства и человеколюбия Божественный, священный праздник!

Как Иегова говорил с народом? В громе и молниях?
Он снисходил умиротворенный. Эта святая купель -
Избавление от всех бед и крещение для новой жизни.
Четырнадцатое Июля, о тебе еще услышат наши потомки!"²²

Приподнятое душевное состояние Гердера, исполненное ожиданий, не было секретом при веймарском дворе. Герцогиня Луиза писала Шарlotte фон Штейн 14 сентября 1790 г. о "странной" проповеди Гердера: "Он заявил, что на свете вообще-то должно быть различие между сословиями, однако никому не следует завидовать из-за его высокого положения, ибо люди такого ранга рождены с целым рядом предрассудков, от которых можно избавиться лишь с большим трудом... Вы видите, что он остается верен своим дурным привычкам"²³. А 20 сентября Гердер писал Кнебелю, что герцогиня Луиза "настроена против Франции" и что ему придется впредь "молчать и не грешить своим языком"²⁴. Он вынужден был даже, по желанию герцога, предписать веймарским пасторам отвлекать народ от революционных известий и незамеченно противодействовать

новым веяниям, проникавшим в Германию»²⁵. О духовной атмосфере, царившей в это время среди знакомых Гердера, позволяет судить и письмо Шарлотты фон Штейн герцогине Луизе, в котором говорится, что Гердер, Кнессель и Виланд часто живо дискутировали о политике и однажды при ее появлении буквально кричали в волнении»²⁶.

8 ноября 1790 г. Гердер писал графине Ф.Л.Штольберг: «Наши мысли о французской революции, видимо, схожи. Кажется, она вызывает Ваше сочувствие... В хорошем и плохом она дает огромные возможности для извлечения полезных уроков. Но сейчас я почти разочарован: так много они задумали, обсудили, решили и так мало сделали. Мне еще любопытны французские проекты национального воспитания; но я откладываю их в сторону и спокойно жду того времени, когда все, наконец, устроится наилучшим образом. Как бы, однако, война не разорвала всю эту паутину: если упорядочено столь немногое, большая часть остается все же паутиной. Мне всегда было нелегко судить об отношении Франции к другим европейским державам и к насущным потребностям нашего времени. Как бы из-за существующих острых углов не провалилось все дело. Оно, к сожалению, еще не стало оплотом для решительного обновления порядка вещей. Слишком уж глубоко и широко пришлось перепахать французам, чтобы тут же получилась плодородная почва. Впрочем, что нам до Франции!.. Мы действительно чересчур далеко выходим за пределы собственной страны. — Между тем, события развиваются очень остро. До 1800 года мы еще кое-что увидим»²⁷.

Сомнения в пригодности революционного пути для Германии беспокоили Гердера и в 1791—1792 гг. Начало 1792 г. было временем напряженных раздумий, сравнений французской и германской истории, отзвуком которых стали следующие слова в письме И.Г.Мюллеру 4 апреля: "...странно, как долго зреет у нас революция. И ничто в немецкой истории пока не доказывает, что наше прошлое от этого оказалось лучше или просто было хорошим..."²⁸.

Надо полагать, подобные размышления легли в основу

статьи "Тифон и Аврора". Речь в ней идет о возможностях обновления старого, внутренних силах, способствующих такому возрождению, и превратностях судьбы, которая зачастую наделяет успехом недостойного и отнимает счастье у трудолюбивого»²⁹. Италия, пишет понывавший (1788—1769 гг.) в этой стране Гердер, является "самым поучительным зрелищем" для наблюдения разнообразных древностей. Там легко проследить историю ялчества и становление христианства, складывание государственных учреждений и общественных институтов. Словом, Италия — идеальное место для занятия историей. "по доволно, — обрывает свой рассказ Гердер, — покоя и умирания! Лучше поговорим о бодрствовании и омоложении! Как они достигаются? Через революции?"³⁰. Отнюдь. Ни одно из понятий, неправильно употребляемых в "новейшем модном языке", заявляет Гердер, не было ему столь неприятно, как "революция", ибо оно совершенно утратило исходное содержание и "влечет за собой вредную путаницу мыслей"³¹. Востроумии революциями считают периодические процессы, образующие во взаимодействии друг с другом "спокойный порядок". "Так обращается земля вокруг себя самой и производит день и ночь; в соответствии с ними она управляет сном и бодрствованием всего живого, временем его отдыха и делами... В таком понимании полезно говорить о революциях, ибо в них мы замечаем возвращающийся к самому себе ход вещей и законы постоянства. Ничто здесь не утрачено, не отброшено, все разумно..."³² Даже если мы понятие революции "опускаем с небес на землю, оно не может быть ничем иным, кроме обозначения спокойного развития, повторения известных явлений согласно их собственной природе... Так говорят о революциях искусств и наук..., так писали пифагорейцы о революциях человеческой души... Но как отвратительно изменилось значение этого слова в варварские столетия, когда не знали иных революций, кроме завоеваний, переворотов, угнетения и смут — без плана, цели, порядка"³³. Их устраивали разные проходимицы, "революциями именовалось превращение низших в высших, когда на основании, с позволения сказать, права войны какой-нибудь народ в той или иной

степени утрачивал свою собственность, законы, имущество... когда министры занимались делами, которые были не под силу князьям и когда народ время от времени принимался за то, что он редко исполнял так же удачно, как короли и министры"³⁴.

Гердер убежден, что после каждой из "так называемых революций", например, завоевания арабами Испании, в стране порядка становилось меньше, чем прежде, что они были проявлением "варварства, дерзкой силы, наглого произвола"³⁵. Чем больше "у людей будет разума и справедливости", тем реже должны происходить революции, пока не исчезнут совсем"³⁶.

В природе Гердер считает естественной не революцию, а эволюцию"³⁷. И в обществе мудрый правитель обязан предупреждать взрывы, делать их излишними, охранять ростки нового и прививать на крепкое еще дерево молодые побеги. Только в этом случае престарелый Тифон обретет долгожданную юность. Даже небольшое продвижение вперед по такому пути обеспечило, например, Англии огромные преимущества по сравнению с другими народами на долгое время. "После ряда насильственных революций, которые, как кровавые дожди", пронесли над Британскими островами, "именно мирной, спокойной революции" удалось создать новую жизнеспособную конституцию"³⁸. Гердер, как видим, был высокого мнения о "Славной революции" 1688 г. Он отмечал, что правительство не имеет другого средства противодействовать "страшным несчастьям, именуемым государственными переворотами, которые чужды естественным законам" общественного развития, кроме стремления способствовать оздоровлению всех частей государственного организма, охранять или восстанавливать "круговорот жизненных сил", и не бороться против природы вещей. Рано или поздно санзя мощная машина потерпит поражение в этой борьбе, "природа же не стареет никогда, она периодически воскресает"³⁹. Часто говорят, пишет Гердер, "чтобы одно осталось жить, другое должно умереть", не понимая, что может сохраниться и быть взаимно полезным и то, и другое"⁴⁰. Епископ Беркли, по его мнению, ошибался, полагая, что "пятый акт всемирной трагедии" разыгрывается в Новом све-

те. Нет, "в объятиях престарелого Тифона", т.е. в Европе, "дремлет новая Аврора". Не четыре, а лишь три акта прошли до сих пор на сцене Старого света, и никто не может сказать, сколько еще раз "Тифон человеческого рода" будет возрождаться к новой жизни на Земле"⁴¹.

Понятие революции Гердер и раньше употреблял, вслед за Вольтером, для обозначения крупных изменений в культуре, развитии государств и народов, например, Ренессанса и Реформации. В "Идеях к философии истории человечества" (1765 г.) он писал, что людям так же необходимы революции, как "волны потоку, чтобы он не превратился в стоячее болото"⁴². Лютеровская Реформация, когда был "переиначен, заново создан привычный мир", освежающе подействовала на Германию"⁴³.

Нельзя не согласиться с исследовательницей ГДР Р.Отто, писавшей, что Гердер последовательно не разделял области, в которых применимо понятие революции: природный процесс, преобразования в сфере духовной жизни и насильственные общественно-политический переворот"⁴⁴. Для него остался открытым вопрос, "доказала ли современная политическая революция правомочность и законосообразность аналогичных явлений в истории человечества"⁴⁵. Однако не вполне справедливым кажется мнение Г.Арнольда, относившего приведенные выше мысли Гердера о революциях к пустым теоретическим рассуждениям, никакого применения в Германии не заслуживающим и годным лишь как "общеευропейская абстрактная философско-историческая схема"⁴⁶. О чем еще и для чего еще мог писать "решительный демократ" (по Г.Шеллю) и "демократический патриот" (по Х.Штольпе) Гердер в статье, продиктованной повседневностью и затрагивающей насущные политические вопросы, если не об опыте французской революции и ее значении для Германии? Конечно, Гердер-теоретик не всегда пребывал в единодушном согласии с Гердером-"практиком" (насколько вообще возможно такое определение). Но это не означает двойственности, их не следует разрывать и противопоставлять: одной из главных целей Гердера было утверждение в литературе такого образа государственного деятеля, в котором сливались

бы теоретик и практик. Ведущую роль должен играть первый — не просто "философ на троне", но "аристодемократ" (неологизм Гердера. — И.К.). Изобретая это непривычное словосочетание, Гердер опирался на весь теоретический запас, накопленный им при изучении наследия европейских просветителей.

Итак, при всей сложности отношения Гердера к революциям в истории, статья "Тифон и Аврора" показывает, что можно говорить о целой гамме чувств, испытанных им, но наименее подходящим, видимо, будет симпатия — по крайней мере, уже в 1792 г. Статья была написана в те же месяцы, когда Гердер решал отказаться — хотя бы временно — от продолжения "Идей к философии истории человечества" (еще в 1798 г. его жена подыскивала приличного гравера для пятой части "Идей..."), и задумал "Письма для поощрения гуманности". 27 апреля 1792 г. Каролина Гердер писала книгоиздателю И.Ф. Лавитцкому — младшему: "Он (муж) намерен дать Вам книгу, которая будет пользоваться спросом. Она называется "Письма, касающиеся прогресса гуманности". Вы видите уже из заглавия, что она заинтересует все сословия..."⁴⁷. На деле книга была рассчитана отнюдь не на все слои — через год Гердер писал тестю Г.Форстера К.Г.Гейне, что "первые два сборника хорошо приняты как раз теми... для кого предназначались"⁴⁸, т.е. "просвещенными" литераторами.

Приведенное письмо Каролины убеждает, что между статьёй "Тифон и Аврора" и "Письмами для поощрения гуманности" не было заметного временного интервала. Следовательно, при рассмотрении "Писем..." необходимо учитывать мнения, высказанные в статье, тем более, что сам Гердер не раз отмечал — они написаны за несколько лет до издания⁴⁹.

Изложение в "Письмах..." ведется от имени нескольких человек, "миролюбиво обменивающихся своими воззрениями, в сущности, не заключающими в себе никакого разномислия"⁵⁰. В опущенном впоследствии предисловии читаем: "Эти друзья сообщают один другому свои соображения, за основательность которых не ручается их издатель. Ни одно из этих мнений не стоит принимать за закон или евангельское правило. Сами корреспонденты опровергают друг друга или стараются подыскать

более верные мысли. Тот, кто не разделяет чьей-либо точки зрения, может в дальнейшем найти суждения по своему вкусу."⁵¹

"Письма..." — не приветственный манифест революции, а раздумья и поиски, каждое слово которых принадлежит Гердеру, и в то же время, как он сам писал, его "нельзя подвергать ответственности ни за одно из высказанных мнений"⁵².

В "Письма, касающиеся прогресса гуманности" — неизданный вариант "Писем для поощрения гуманности" — вошло 24 фрагмента. Из них сохранилось 14, отсутствуют письма I-9 и 15. Оставшиеся подписаны семью "авторами" — А, Б, Д, Е, Л, М, П. Х.Штольпе склонен по меньшей мере за двумя из них видеть Гердера, выражающего собственные убеждения и сомнения — это темпераментные сторонники революции Д и М⁵³. Однако и те слова, что вложены в уста скептических наблюдателей (Л и Е), написаны самим Гердером не только в "маскировочных" целях,

В десятом письме автор (Б) определенно заявляет, что "дух времени" ("сумма мыслей, настроений, устремлений, побуждений и жизненных сил, которые проявляются в известном развитии событий с заданными причинами и результатами")⁵⁴ можно установить лишь применительно к французской революции: "Чтобы услышать дух времени, необходимо... спросить: какие настроения и принципы царят с некоторых пор в той части Европы, что именуют самой богатой идеями, наиболее деятельной, господствующей? Какие общие устремления и движения заметны в Европе, несмотря на различный характер народов? Когда и у кого они пробудились? Что предпринято? Что уже осуществлено?..."⁵⁵ Далее Гердер единственный раз в "Письмах..." касается вопроса о причинах революции. "Общественными событиями, которые положили основание Европе, были происходившие между пятым или тринадцатым столетиями поселения в этой части света диких или варварских народов, их политическая организация и так называемое обращение. На этих основаниях, с теми небольшими изменениями, которые принесли с собой последующие века, основывается современное устройство Европы: главенствующее положение чиновников и собственников, неодинаковые права и привилегии человеческих поколений. Вопрос, стало быть, за-

ключается в том, что думает нынешний век об этом приобретении, об этих привилегиях и правах...⁵⁶.

"Часть вопросов, — пишет Гердер, — то, что касается религии и церкви, сегодня... уже решена историей. Протестантские страны ушли вперед; оставшиеся позади хотят и должны им последовать. Если не удастся использовать законные пути, не исключено, что придется вступить на обходные, насильственные". И чуть ниже он замечает: "...долг всякого разумного человека — предупреждать худшее зло и способствовать проникновению в мир... истины наиболее умеренным путем..."⁵⁷.

Приговор истории относительно политического устройства Европы кажется Гердеру столь же несомненным. "Разве лицемерие и угнетение, любовь к роскоши и издевательства, пустое самомнение и несправедливость... будут менее нелепыми, менее вредоносными оттого, что связаны с недуховными лицами?"⁵⁸. Ответ Гердера ясен: "политическую организацию", утвердившуюся в Европе, надо усовершенствовать. "Почему мы должны при ярком дневном свете, потеряв здравый рассудок, закрывать глаза на то, что нас окружает, словно мы действительно живем во времена междоусобиц, гуннов и крестоносцев? Все, что есть в человечестве великого, доброго и благородного, направлено на то, чтобы эти эпохи не вернулись и не могли повториться; и мы обязаны верить, что дряхлый остов тех времен, заново приукрашенный и подрисованный, сохранится навечно? Лишь одно сословие есть в государстве, народ (не чернь), к нему принадлежит и король, и крестьянин, каждый на своем месте, в предназначенной ему области. Природа создает великих и благородных мужей, воспитание и предприимчивость окончательно формируют их; это и есть поставленные богом и государством руководители и вожди народа (аристократы). Всякое иное употребление или разделение этого точного названия является и навсегда останется бранной кличкой"⁵⁹. Термин "аристократы" ("люди народа", понимаемые как лидеры, защитники, помощники, но отнюдь не представители "низов", не "из народа") предостерегает нас от преувеличений гердеровского демократизма. Вероятно, Гердер вкладывал

в "народовластие" содержание, близкое античности. Понятие "республика" он употреблял, как и Кант, в смысле "общее дело" и противопоставлял ее не монархии, а деспотизму. В 121 письме о гуманности (10 собрание — 1797 г.) Гердер отмечал, что республиканская форма правления — не более, чем "фантом", решительно не пригодный для многих стран и отличающийся от других систем государственной власти лишь тем, что люди вводятся в заблуждение необычным образом — "именем свободы, просвещения и благоденствия народов"⁶⁰.

Если каждый чувствует, что его связи и отношения с окружающим миром не позволяют ему прийти на помощь "страждущему повсюду человечеству, — заявляет Гердер в 14 письме, — то эти отношения надо изменить..."⁶¹. И в том же письме находим рассуждения, напоминающие о "Тифоне и Авроре": "Я согласен с Вашими словами... о дряхлости сословий; но я также верю, что в великой поступи природы из старого получается нечто новое — если, конечно, в нем еще есть что-то пригодное... Тем осторожнее, следовательно, мы должны судить и действовать в нынешнем кризисе. И если сегодня мы не наблюдаем истинно благородного и прекрасного, то это лишь доказывает, что все еще впереди, а пока просто не подошло его время"⁶².

В 16 письме один из корреспондентов спрашивает своих друзей: "...откуда черпаете вы новые большие надежды на усовершенствование положения дел?... Действительно ли это французская революция, ни разу, правда, вами не названная, — этот устрашающий или, по меньшей мере, сомнительный в своих последствиях кошмар?"⁶³. И далее автор высказывает соображения, очень похожие на мысли Гердера в "Тифоне и Авроре" и в письме графине Ф.Л.Штальберг 8 ноября 1790 г.: "Что дала революция до сих пор Франции, пребывающей в ужасном беспорядке? Люди окончат свое существование на земле прежде, чем она завершится, и кто может утверждать, что новому поколению не уготована судьба, еще более жестокая, чем та, которой хотела избежать несчастная, угнетенная нация?"⁶⁴.

Гердер затрагивает и самую близкую ему тему: "Всякое

улучшение человеческого рода достигается лишь более совершенным воспитанием. Как можно рассчитывать, что это даст революция, упраздняющая все прежние воспитательные учреждения и не имеющая ни времени, ни возможности построить для народа лучшие; порождающая бесчеловечные сцены обмана и хитрости, впечатления от которых, быть может, вытравят всякий след гуманности из сознания людей на многие поколения? Как может, как будет воздействовать этот ложный дух свободы и, вероятно, возникающие из него кровавые войны на народы и правителей, но в первую очередь на науки и искусства - инструменты для распространения гуманности?"⁶⁵.

Эти мысли не придуманы за воображаемого оппонента сторонников революции, они принадлежат самому Гердеру, в чем убеждает сравнение с упомянутым письмом графине Ф.Л. Штольберг.

В 17 письме Гердер приводит характеристику революции, целиком направленную на извлечение важных для Германии уроков и итогов. Здесь слышится не безоглядная восторженность, а требование вдумчивого анализа события во имя обогащения политического опыта правителей. "Что до меня, - пишет Гердер, - я не стану отрицать, что среди всех заметных явлений нашей эпохи французская революция мне представляется, пожалуй, главнейшим. Она часто занимала мое внимание, даже беспокоила - больше, чем мне самому хотелось бы. Иногда я желал вовсе не переживать эти времена, чтобы не оставить в наследство своим близким их сомнительные результаты"⁶⁶. Гердер сравнивает революцию с крупнейшими общественными переворотами прошлого: "... с введения христианства и водворения в Европе варваров, насколько мне известно, не случилось ничего, что могло бы сравниться с этим событием по его значению и последствиям - за исключением возрождения наук и Реформации..."⁶⁷.

Отчего немцам не воспользоваться опытом революции, иронизирует Гердер, если они на протяжении почти ста лет во всем подражали французам, если "даже самый ничтожный князь стремился стать абсолютным монархом, подобным Людовику XIV?" "Почему же теперь они не хотят, по крайней мере,

прислушаться и присмотреться к этой просвещеннейшей и изысканнейшей нации в самом важном из начатых ею когда-либо дел? Конституция, над которой работает Национальное собрание - это одна из наиболее трудных, еще никогда не ставившихся проблем. Пусть те, кто пытается ее разрешить, не справятся со своей задачей или одержат победу - разве эта борьба, эта победа или даже поражение перед лицом архисложной проблемы человечества не достойны внимания...? И если само провидение поставило это зрелище перед нашими глазами, если оно, после долгой подготовки, дало ему свершиться в наше время, чтобы мы, наблюдая за ним, становились мудрее, кто же не захочет учиться и не возблагодарит бога за то, что оно происходит вне германских границ и мы причастны к нему лишь как к посетителю зрелища? Если только... какой-нибудь злой гений не свергнет нас нечестивым образом в гущу событий!"⁶⁸.

Последние слова вызваны не одними цензурными соображениями: Гердер не раз возражал против привнесения "партийного духа" в беседы переписывающихся друзей⁶⁹. Правовая сторона спора его не интересует, ибо неизвестны глубинные причины событий, "нельзя допросить и выслушать свидетелей", и "не все видно с судейского кресла". Историческое значение революции можно будет понять лишь по прошествии некоторого времени. Все, что остается для рассмотрения - принципы, на основе которых действует "самая многочисленная нация в Европе". "Здесь... в полный голос говорят о том, что раньше или вообще не обсуждалось, или было скромными политическими мечтаниями, философскими спекуляциями"⁷⁰. Попытка французов построить весь государственный механизм на разумных началах важна для всех народов Европы и "всего человеческого рода"⁷¹.

Через пять лет Гердер в "Письмах для поощрения гуманности" скажет: процветание одной нации нельзя передать другой, "розы для венка свободы надо вырастить своими руками". "Так называемая 'лучшая форма правления' - увы, пока не найденная, - не пригодна для всех народов сразу, в одном и том же виде; гнет иноземной, силой привнесенной свободы

лишь обременил бы народы..."⁷².

К первым попыткам религиозных преобразований во Франции, когда еще не наступило время "дехристианизации", а речь шла о приведении клира к общей гражданской присяге, Гердер отнесся с большой терпимостью: "мы, протестанты, не станем затевать крестовый поход в защиту поверженных алтарей, закрытых женских монастырей и нарушивших обеты священников. В противном случае папа и французское высшее духовенство подняли бы насмех наше желание мстить за то, что мы сами когда-то сделали и что по-прежнему сохраняется у нас"⁷³.

Гердер оптимистично оценивает и возможности литературного развития: культурное достояние Франции столь прочно, что "его не уничтожить за три или четыре года", оно пришло в движение во всех классах общества". "Среди великого бедствия, — пишет Гердер, — прежде всего была...создана для всей нации школа разума и красноречия; тот, кто может говорить — ораторствует, и его слушает вся Европа. Дети и юноши воспринимают это впечатление, а следующее поколение, несомненно, пойдет еще дальше, чем первое"⁷⁴. Такой ответ нашел Гердер для части своих колебаний.

В итоге рассмотрения "Писем, касающихся прогресса гуманности" следует отметить: и в скептических, и в восторженных — на первый взгляд — высказываниях автора встречаются мысли, ничуть не выпадающие из логики данного фрагмента, и все же отнюдь не сочувственные. 6 августа 1792 г., когда "Письма..." были уже готовы, философ-иррационалист, друг Г.Э.Лессинга Ф.Г.Якоби отмечал, что "мнение о революции у Гердера еще не сложилось", хотя они провели начало часов в спорах о ней, причем Якоби проявил большую умеренность⁷⁵. Главное для Гердера — уроки: "Только чистейшая теория может нам послужить, — говорил он в "Письмах...", — а ее нельзя выработать путем раздоров и проверить за два года"⁷⁶.

Гердер отказался от публикации первого варианта "Писем для поощрения гуманности", т.к. содержащиеся в нем призывы "обновить королевский трон Франции" стали неуместными после казни Людовика XVI. Кроме того, из-за цензурных

соображений он чрезмерно усложнил читателям поиски его собственного отношения к революции, оставив единственную путеводную нить — человеколюбие как мерило правомерности любого события. Среди участников политической борьбы во Франции Гердер не видел последовательных "союзников" и нашел другие способы для "поощрения гуманности" — беседы об истории мировой культуры, которые он вел в десяти изданных сборниках "Писем...".

Страстные антивоенные мотивы "Писем для поощрения гуманности" отразились и в корреспонденции Гердера. Его симпатии, безусловно, были поначалу на стороне Франции, манифесты герцога Брауншвейгского, угрожавшие парижанам неотвратимым возмездием за каждый волос на августейшей голове, лишь усилили, по мнению Гердера, сопротивление французам и ускорили падение монархии. Гердеру не нравилась сама идея вмешательства во французские дела, что стало причиной дальнейшего охлаждения веймарского двора к сохранившему независимое суждения пастору⁷⁷.

Летом 1792 г., отдыхая в Аахене, Гердер писал К.Л.Кнебелю о восстании 10 августа: "Я не могу Вам передать впечатление, которое все это на меня произвело. Здесь, здесь, в Аахене, ввиду французов, вблизи Рейна! Через несколько дней многое... станет ясно..."⁷⁸. А 3 сентября герцогиня Луиза отмечала, что "Гердер, кажется, в дурном расположении духа и особенно гневается на королей"⁷⁹. Еще семь дней спустя она писала Шарлотте фон Штейн: "Ваш пастор правильно делает, что молится за здоровье королевской семьи Франции. Гердер бы так не поступил"⁸⁰.

Позже Каролина Гердер рассказывала о последних месяцах 1792 г. в своих воспоминаниях: "Гердер открыто заявил, что он против ведущей войну коалиции и что французы имеют право избрать себе новую конституцию, в составление которой не должен вмешиваться никто другой. В этом мнении он был не одинок: многие благородные и великие люди надеялись, что права человека и народные полномочия в скором времени будут больше уважать. И он был не единственный, кто обманулся — естественно, его веру поколебали многочисленные

жестокости" ⁸¹.

Каролина, надо полагать, имеет ввиду так называемую "сентябрьскую резню" 1792 г. в Париже. Для большей части немецких наблюдателей это событие стало рубежом, после которого они уже не могли восхищаться, надеяться, безмолвствовать или просто терпимо относиться к революции. Пережив 1792 год, даже такие ее сторонники, как К.М.Виланд, утратили свой энтузиазм. Однако Гердер рассчитывал на благополучный исход французских начинаний и не терял веру в "новых франков". В ноябре 1792 г. он писал И.В.Л.Глейму: "Времена не позволяют молчать, ... они отверзают уста; нельзя предвидеть, чем все это кончится... Будем надеяться, что все совершается по воле промысла... буря и мрак сменятся утренним светом" ⁸².

Гердер сознательно воздерживался от скороспелых суждений. Иное дело Каролина: "Солнце свободы восходит, это ясно... В Германии мы пробудем еще некоторою время в потемках, но утренний ветер уже поднимается..." ⁸³. Гердер в небольшом добавлении к письму стремился сгладить то впечатление, которое могла произвести преждевременная пылкость жены, "вообще-то хорошей немки" ⁸⁴.

В переписке Гердера не удалось отыскать ничего, что бы говорило об изменении его взглядов на французскую революцию, нет решительных поворотов - от восторженной встречи до полного неприятия. Гердер приветствовал "восходящее солнце свободы" и радовался революции, положившей начало рассвету. Осторожные надежды, высказанные в "Письмах, касающихся прогресса гуманности", уцелели примерно до весны 1793 г.

Поскольку "полезна может быть только чистейшая теория" Гердер не рассчитывал на помощь из-за границы. Общественный переворот за Рейном был лишь дебютом, его же интересовал результат, который привел бы к "распространению гуманности". По отношению к первым революционным годам, видимо, правильно говорить об оптимистической оценке открывшихся возможностей для осуществления некоего гуманного идеала Гердера.

В 1793 г. Гердера по-прежнему беспокоило будущее фран-

цузской революции. Весной он уповал на скорое разрешение европейских задач и, не зная еще об измене Ш.Ф.Дюмурье 4 апреля, писал И.В.Л.Глейму: "Если австрийцы не сломают Дюмурье шею, я надеюсь, ему удастся в несколько недель сделать для несчастного французского королевства и европейского мира больше, чем сумели вражеские армии за годы, к тому же богопротивным, насильственным способом... Удачи ему в уничтожении лернейской гидры; да поможет ему бог вырвать из сердец власть предержавших (если у них есть сердца) отвратительный завоевательский и захватнический дух. Но, дорогой Глейм, хватит изливать желчь на бумагу, обмакнем наши перья в молоко и мед - не такая уж большая жертва во благополучие Европы!" ⁸⁵. Как видно, "желчное" настроение Глейма волновало Гердера. Но он не возражает по существу, лишь призывает сочинять "песни мира после этого отрезвляющего, страшного урока Европе" ⁸⁶.

Весенние месяцы были полны надеждами на скорый мир, которым не суждено исполниться, и все громче звучащими нотками отчаяния, что хорошо заметно в таком отрывке: "Как много, дорогой Клопшток, мы с Вами в эти годы передумали, сколько было надежд, как мы радовались или печалились известиям. Но вот мы там, где мы есть, а мир все же движется дальше. Этому не могут воспрепятствовать ни Робеспьер, ни Марат, ни Екатерина, ни ----- . Надежда дает силы терпеть, терпение рождает надежду" ⁸⁷.

Судя по приведенному фрагменту, Гердер относил и вождей якобинцев, и одного из организаторов антифранцузской коалиции к силам, стоящим в стороне от верного пути. Что же он понимал под этим? Некоторые соображения находим в письме графине Ф.Л.Штольберг: "Так же, как и повсюду, у нас теперь менее страстно спорят о происходящем. Мнения об общих вопросах почти едины. Суть же всего рассудит будущее. Немногие люди понимают дух времени и осмысливают события: иногда кажется, что говоришь со слепыми о красках. Небо наделит победителей, кто бы это ни был, великодушием, человеколюбием и снисходительностью; оно умерит ярость обеих армий и обеих сторон, перечеркнет планы всех завоевателей и даст каж-

дому народу возможность спокойного развития в известных ему самому пределах и целях. Да будет так, да пробудятся в свое время благородные люди, действительно великие сердца, которые с обеих сторон поставят преграду этому ужасу: настоящие спасители и гении человечества - их так не хватает в наши дни... Сколь... разнятся небесные и людские пути. А война породит третий, о чем, вероятно, сейчас не думает ни одна партия. Как же славо и убого человечество, особенно, когда действует силой... Все схемы времен - пустое, переходящее; лишь внутреннее, сокровенное - может быть, дух - остается, творит и должен творить дальше"⁸⁸.

Некий "третий путь" напоминает гегелевскую "хитрость мирового разума", который опровергает индивидуальные и коллективные планы, предположения и предначертания и все устраивает согласно непостижимым для рассудка законам. По-видимому, весной 1793 г. Гердер считал французскую революцию окольной дорогой к осуществлению своего гуманного идеала.

5 апреля 1793 г. Каролина писала Ф.Х.Якоби в Пемпель-порт: "...Итак, я трижды отрещиваясь от разоблаченной фальшивой свободы французов... Кто сегодня будет интересоваться этими не знающими закона людьми! Слава богу, Ваша местность очищена от ...нации, не ведающей терпимости..."⁸⁹. Гердер добавляет: "Я не рад самому себе; но так и должно быть, и лишь по моей вине. *Perfer et obdura* - говорил я себе в юности, и вот приходится повторить уже в зрелом возрасте"⁹⁰.

12 июля 1793 г. Гердер призвал И.В.Гете по возможности успокоить герцога Карла-Августа, стремившегося доказать, что он не зря носит звание прусского генерала: "... Сейчас и так тепло, а вы задаете несчастному Жюлицу еще жару. Святой Вонифаций перевернется в могиле и назовет вас всех *Malefactori*. Вообще-то хорошо, что вы удалили чужеземцев из границ Священной империи, но не прогните империю безбожников, и пусть они друг друга передумают"⁹¹. Гердер не одобрял походов прусской армии с участием Карла-Августа, ибо "анархии во Франции они все равно не устроят"⁹².

Надежды оставляют Гердера. Поэтому он принимает пред-

ложение богатого Франкфуртского негодяя и начинающего поэта И.И.Гернинга отредактировать его стихотворение на смерть Марии-Антуанетты. Речь идет о таких строках:

"Франки! Итак, вы позор и порок по-прежнему
Влекут вас к безрассудной ярости?

Слышите ли глас Вами пролитой крови,
Священной крови короля,
Взвывающей к мести?

Одной жестокостью вы полните массу других?
И Антония уходит! О, убийцы, вы
Тысячу и тысячу раз убили ее.

И она умерла героиней, приняла смерть святой.
И этой смертью исчезнет бесчестье,
Исчезнут яростное глумление и черная клевета,
Которыми ее опорочил жестокий суд.

.....
Но придет иститель и судья, король короле! - бог"⁹³.
Гердеру и позже приходилось оказывать такие услуги"⁹⁴.

Обработка стихотворения показательна, этот факт не стоит расценивать как безделицу. Само наличие в Германии множества людей, осуждавших якобинский террор и потому отвернувшихся от революции - независимо от отношения Гердера к робеспьеристам - убеждает его в тщетности надежд на скорый "триумф философии".

В письмах Гердера есть еще одно упоминание Марии-Антуанетты, не оправдывающее действий якобинцев по отношению к ней, но и не берущее ее под защиту: "Смерть королевы была устрашающей. Но такая женщина не могла стать Музой/при каких обстоятельствах. ...Австрийская гордия против французской жестокости - человечеству остается лишь тихо вздыхать... Эта война никому не добавит лавров"⁹⁵.

Мы не имеем достаточных оснований для определенного суждения о положительном или отрицательном отношении Гердера к французским (а также немецким) якобинцам. В середине марта 1793 г. он писал К.Г.Гейне (речь шла о манере повествования): "Вы мастерски излагаете Ваши мысли - осторожность

как в форме, так и в содержании. А вот добрейший Форстер оказался не таков. Вы не знаете, что с ним? И что будет дальше?.. Странные, опасные времена"⁹⁶. Гердер разделял некоторые мнения Форстера - их связывала давняя переписка о переводах древнеиндийских эпосов и другие научные интересы. Но это не помешало ему заметить в письме Г.А.Врайтенауху, автору брошюры о королевстве готы: "Если бы только небо захотело, чтобы в наше время исчез революционный дух, как разрушилось это королевство"⁹⁷.

В 1794 г. Гердер мало говорит о войне и политических событиях. Со второй половины 1796 г. тема революции вновь появляется в переписке, но все чаще звучит мотив безысходности, от прежних надежд не осталось и следа⁹⁸. Примером служит послание супругов Гердер графине Э.А.А.Изенбург-Бюдинген, относящееся, правда, к сентябрю 1794 г.: "...мир, божественный мир, приди и сделай королей и их советников отцами для народов, преврати нелюдей в людей... Храни Вас небо! Да положит оно предел несчастной войне, которая никому не принесет добра! С первых дней своего возникновения, - пишет Гердер, - война часто наполняет меня - в предчувствии ее последствий - тяжелой и, увы, бесполезной тревогой"⁹⁹.

С 1794 г. Гердер разочаровывается, по собственному признанию, в "политическом хозяйстве" и обращается к науке.¹⁰⁰ "Как завидую я Вам, - пишет он К.Г.Гейне, - что Вы живете при университете. В наше время это счастливейшее место"¹⁰¹.

Большой интерес к возможностям демократизации политической атмосферы Швейцарии Гердер проявил в связи с деятельностью в Шаффхаузене своего давнего друга И.Г.Мюллера (брата И.Мюллера - основоположника швейцарской исторической науки). И здесь Гердер в конечном счете отдает предпочтение "ученым занятиям".

И.Г.Мюллер был против воли избран 16 мая 1796 г. вице-штатгальтером Шаффхаузена и собирался покинуть родину. Гердер убеждал его не оставлять новое поприще, т.к. именно в этой должности он сумеет осуществить реформы образования и сделать реальностью их старые педагогические проекты,

оно может выполнить обязанности гражданина и поддержать Отечество в трудное время начавшейся (в марте 1798 г.) войны с Францией. Судьба рейнских немцев была Гердеру хорошо известна, и осенью 1800 г. он пересылает Мюллеру приглашение графа Штольберга уехать в Германию¹⁰², хотя ему нелегко было передавать просьбу бывшего протестанта, недавно ставшего католиком и отличавшегося нетерпимостью в вопросах веры¹⁰³. И раньше Гердер осуждал с Мюллером возможный переезд, советуя забыть всякую мысль о том, что где бы то ни было жизнь окажется лучше, чем на родине.

В ожидании "новых событий", которые "наверняка не будут лучше тех, что прошли или проходят"¹⁰⁴, Гердер все больше разочаровывается в "освободительной миссии" французов: "Несчастливая Швейцария, варвары ничем тебе не помогут"¹⁰⁵. Расточая комплименты прусской королевской чете¹⁰⁶ и невесте откуда "явившемуся Бонапарту"¹⁰⁷, он еще мечтает о "божественном мире". Но уже 29 ноября 1799 г. Гердер советует Мюллеру заняться литературой: "...творчество остановилось, никто серьезно не читает..."¹⁰⁸. Наполеон, по мнению Гердера, мог сыграть важную роль "европейского исцелителя"¹⁰⁹, но "большие, большие надежды"¹¹⁰ вновь не оправдались. Высокая первоначальная оценка Наполеона показательна - Гердер полагал, что первый консул водворит в Европе долгожданный порядок и мир.

"Даже если под твоими окнами бьют в военные барабаны", писал он Мюллеру 8 августа 1800 г., надо оставаться и работать во благо родины¹¹¹, не помышляя о переезде. А в начале сентября Гердер сам предлагает избрать местом пребывания Киль. Почему? Там есть университет, "предпочтительнейшее из всех известных" ему учебных заведений, в котором "нет дальнейшего блеска больших университетов..., где преподаватель и слушатель близки друг другу, ... и 10 или 15 учеников милее 100 или 1500"¹¹².

В итоге Мюллер отклонил предложение графа Штольберга¹¹³ и собрался писать трактат под названием "Прошедшие столетия: основные принципы и характерные черты обычаев и монашеско-

ний". Гердер его поддержал¹¹⁴.

16 октября 1802 г., даже ввиду угрозы, что Наполеон добьется слияния Франции и Швейцарии, Гердер не может сказать, что делать Мюллеру, ибо не знаком с современной политической обстановкой, "как с переговорами на луне". Единственный совет – обратиться к Пруссии или России за поддержкой не воевать: "Каждому ясно, что всякие мелкие мятежи и восстания ничему не помогают, лишь приносят много вреда"¹¹⁵.

Таким образом, Великая французская революция была для Гердера центральным событием европейской истории XVIII в., сравнимым с крупнейшими общественными переворотами прошлого. К ней он часто возвращался в своих сочинениях и переписке, проявляя постоянный, но к концу века понемногу убывающий интерес. Вероятно, и по отношению к первым революционным годам, и позже правильно говорить не о "приветствиях" или "восторженной встрече", а о больших надеждах в деле "распространения гуманности", с которыми пришлось расстаться в 1794–1803 гг.

10 октября 1796 г. Гердер сообщал Мюллеру, что "всегда питал антипатию к... нации, которая теперь так постыдно, позорно обманула, взбодорожила, перевернула вверх дном и опустошила весь мир; и эта ненависть – вопреки моему желанию – сильно во мне укоренилась..."¹¹⁶. Посылая Мюллеру "Метакритику Критики чистого разума" (главное антикантовское произведение Гердера), Каролина отмечала 29 апреля 1799 г. "Религия и долг повелевают моему мужу написать эту книгу – он не желает теперь ни видеть, ни слышать правых и левых, не хочет внимать реву чудовища – сегодня нужна живая вода, восстановление здравого рассудка, нашей... человеческой природы"¹¹⁷. И сам Гердер обращал внимание Мюллера на актуальность исторических изысканий: "...чем, если не историей, могут быть ослаблены или уничтожены мудрствования нашего времени, его предрассудки, пустопорожние, призрачные размышления и мечтания... Метакритики, Каллигоны и т.д. не справятся с софистами; противник скажет: ты можешь уствовать здесь, а я буду рассуждать там. Вообще,

118.

причина всякого ложного мудрствования лежит в неправильном истолковании или незнании фактов, в недостаточности исторических знаний"¹¹⁸.

5 декабря 1799 г. Гердер писал Ф.Т.Клопштоку: "Старые Ваши надежды не оправдались... Вы уязвлены этим как друг и защитник человечества; но... горько страдает каждый, кто надеялся. Все же надежда – последнее, что осталось в ящике Пандоры и что должно остаться у нас после всего, что еще случится. – Каков человек, так он и действует, большего он не может; это относится и к французам. С давних пор они были ферментом – пусть тягостны для народов. Им они и останутся... Крик петуха пронзителен, но он просуждает, хотя и неприятным образом"¹¹⁹.

Через три недели Гердер повторил ту же мысль о европейской роли французоз в письме И.В.Глеиму: "Я не уступаю Вам в ненависти и отвращении к несущему несчастья народу, однако он был и остается ферментом среди" наций¹²⁰.

В конце века Гердер писал И.В.Л.Глеиму: "Прошедшее столетие я не могу ни хвалить, ни зранить. На заре своей оно выглядело весьма скучным, потом стало неудержимым, многое обещало и мало выполнило. Наконец мы видим, чем оно завершается для нас, немцев. Проклятие тем, кто делает финал века таким, каков он есть. И все же Немзида – у них за спиной, перед лицом, в сердце и уж не знаю, где еще"¹²¹.

В предназначенных для печати материалах Гердер был сдержаннее: "...уходящее столетие было одним из самых важных в человеческой истории", хотя "ряд стремительных событий" многое перелутал и ослепил¹²². Несмотря на несбывшиеся надежды на свободу и равенство, "вопреки всем жестокостям, связанным с революцией, она была не напрасной! ее достижения необратимы, ибо произошли огромные спавшие ранее силы"¹²³.

Великая французская революция представлялась Гердеру важнейшим событием современности, вызвавшим не всегда благоприятные для Германии последствия. можно утверждать, что он не желал похожего и ти для своей страны. Оттолкнули его от революции не только "многочисленные жестокости" 1793–

119.

1794 гг. И раньше Гердер очень настороженно относился к деятельности французских революционеров. То, что создавалось в первые революционные годы, не соответствовало его мыслям об идеальном государственном устройстве (надо отметить, что ни одна из существовавших тогда форм правления не подходила под его "гуманный идеал"). И все же "революция не прошла даром" - прозудились "огромные спавшие ранее силы", в активную политическую жизнь вовлечены новые слои населения; вопросы, прямо поставленные и так или иначе решенные во Франции, оказались в повестке дня и для других народов. Они волею приняты или отвергнуты французский опыт, но не учитывать его уже нельзя. Едва ли не главный вывод из этого опыта - "розы для венка свободы надо вырастить своими руками", из национальных корней, в едином германском государстве, основанном на принципах века Разума.

Примечания

- 1 Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения / Пер. с нем. М. 1868. Т.2. С.494-496.
- 2 Kühnemann E. Herder. München, 1895. S.524 f.
- 3 Wiese B. von Herder: Grundzüge seines Weltbildes. Leipzig, 1939. S.91.
- 4 Gooch G.P. Germany and the French Revolution. L., 1920. P.160-173.
- 5 Clark R.T. Herder: His life and Thought. Berkeley; Los Angeles, 1955. P.367.
- 6 См., например: Stern A. Der Einfluss der französischen Revolution auf das deutsche Geistesleben. Stuttgart; Berlin, 1928. S.119-128; Boucher M. La révolution de 1789 vue par les écrivains allemands ses contemporains. P., 1954. P.73-94.
- 7 Гулыга А.В. О роли Гердера в формировании передовой немецкой идеологии // Из истории Германии нового и новейшего времени. М., 1958. С.20.
- 8 Мирмуцкий В.М. Жизнь и творчество Гердера // Гердер И.Г. Избранные сочинения. М; Л., 1959. С.50.
- 9 Barnard F.M. Zwischen Aufklärung und politischer Roman-

- tik / Übers.aus dem Engl. B., 1964. S.105, 185.
- 10 Stolpe H. Humanität, Französische Revolution und Fortschritte der Geschichte // Weimarer Beiträge. B., 1964. Hft.2. S.199-218; Hft.4. S.545-574; Idem. Nationale und internationale Aspekte der Klassenaueinandersetzung in Herders "Briefen zu Beförderung der Humanität" // J.G. Herder: Zur Herder-Rezeption in Ost- und Südosteuropa. B., 1978. S.66-78.
 - 11 Arnold G. Wandlungen von Herders Revolutionsbegriff // Herder-Kolloquium 1978. Weimar, 1980. S.164-173; Idem. Die Widerspiegelung der Französischen Revolution in Herders Korrespondenz // Impulse. Folge 3. Berlin; Weimar, 1981. S.41-89.
 - 12 Arnold G. Wandlungen... S.165-167.
 - 13 Herder J.G. Briefe zu Beförderung der Humanität. Berlin; Weimar, 1971. Bd.1,2.
 - 14 Herder J.G. Briefe/ Gesamtausgabe. Weimar, 1977-1984. Bd. 1-8. (Далее - Briefe...).
 - 15 Scheel H. Herders Stellung zur politischen Grundfrage seiner Zeit // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften der DDR. Gesellschaftswissenschaften. B., 1978. N.80. S.21.
 - 16 Scheel H. Herder und die Geschichte // Herder-Kolloquium 1978. Weimar, 1980. S.41.
 - 17 Ibid. S.42.
 - 18 Herders Werke. Nach den besten Quellen revidierte Ausgabe /Hrsq. von H.Düntzer. Berlin, o.J. 15 Teil.S. 199 Anm.
 - 19 Именно Ф.Гентц в 1792 г. перевел на немецкий язык "Размышления о французской революции" Э.Берна.
 - 20 Brief an Chr.Garve, 5 Dez.1790 // Die französische Revolution im Spiegel der deutschen Literatur. Leipzig,1976. S.861.
 - 21 Arnold G. Die Widerspiegelung... S.42-43.
 - 22 Herder J.G. Werke. In 5 Bdn. Berlin; Weimar, 1982. Bd.1. S.48.
 - 23 Düntzer H. Charlottes von Stein: Goethes Freundin: Ein Lebensbild. Stuttgart, 1874. B.C.2. S.324.

- 24 Briefe. Bd.6. S.275.
 25 Herder J.G. Sämtliche Werke / Hrag.von B.Suphan. Bd.3 S.228. (Далее - SWS...).
- 26 Düntzer H. Charlotte von Stein. Bd.2. S.341.
 27 Briefe. Bd.6. S.216.
 28 Цит.по: Arnold G. Die Widerspiegelung... S.45. (Писмо мо отсуствуе в издании писем Гердера 1977-1984 гг.).
 29 Herders Werke / Hrag. von H.Düntzer. 15 Theil. S.202-203.
 30 Ibid. S.206.
 31 Ibid.
 32 Ibid.
 33 Ibid.S.207.
 34 Ibid.
 35 Ibid.
 36 Ibid. S.207-208.
 37 Ibid. S.208.
 38 Ibid. S.210.
 39 Ibid. S.214.
 40 Ibid.
 41 Ibid. S.216.
 42 SWS. Bd.13. S.353.
 43 SWS. Bd.5. S.532.
 44 Otto R. Einleitung // Herder J.G. Werke. In 5 Bdn. Bd. 1. S.LIII.
 45 Ibid.
 46 Arnold G. Wandlungen... S.167.
 47 Briefe. Bd.6. S.264.
 48 Briefe. Bd.7. S.57.
 49 An J.W.L.Gleim, 12 Mai 1793 // Briefe, Bd.1, S.39; an F.G.Klopstock. 12 Mai 1793 // Briefe. Bd.7. S.42.
 50 Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения. Т.2. С.507.
 51 SWS.Bd.18. S.305.
 52 An C.G.Heyne, 7 Aug. 1793 // Briefe. Bd.7. S.57.
 53 Stolpe H. Herders Ideen zur Vervollkommung der Humanität und sein Verhältnis zur Französischen Revolution

- // Herder J.G. Briefe zu Beförderung... Bd.2. S.632, 652.
 54 Herder J.G. Briefe zu Beförderung... Bd.2, S.318.
 55 Ibid. S.319.
 56 Ibid.
 57 Ibid. S.320.
 58 Ibid. S.321.
 59 Ibid. S.321-322.
 60 Herder J.G. Werke. In 5 Bdn. Bd.5. S.193.
 61 Herder J.G. Briefe zu Beförderung... Bd.2. S.330.
 62 Ibid. S.331.
 63 Ibid. S.332.
 64 Ibid.
 65 Ibid. S.334.
 66 Ibid.
 67 Ibid. S.335.
 68 Ibid. S.336.
 69 Ibid. S.334, 338.
 70 Ibid. S.335.
 71 Ibid.
 72 Herder J.G. Werke. In 5 Bdn. Bd.5. S.193.
 73 Herder J.G. Briefe zu Beförderung... Bd.2. S.340.
 74 Ibid.
 75 Brief an die Doktorin Reimarus // Die französische Revolution im Spiegel... S.357.
 76 Herder J.G. Briefe zu Beförderung... Bd.2. S.340.
 77 Cp.: Arnold G. Die Widerspiegelung... S.47-48.
 78 Briefe. Bd.6. S.167.
 79 Цит.по: Stern A. Op.cit. S.121.
 80 Ibid.
 81 Цит.по: Arnold G. Die Widerspiegelung... S.48.
 82 12. Nov.1792 // Briefe. Bd.6. S.292.
 83 An F.H.Jacobi, 11.Nov.1792 // Briefe, Bd.6. S.290.
 84 Ibid.S.291.
 85 12. Apr.1793 // Briefe. Bd.7. S.35.
 86 Ibid.
 87 An F.G.Klopstock, 12.Mai 1793 // Briefe.Bd.7. S.42. Cp.1 an F.L.Gräfin zu Stolberg, 30.März 1793 // Briefe. Bd.

7. S.31; an J.W.L.Gleim, vor dem 3.Mai 1793 // Ibid. S. 39; an J.W.L.Gleim, 12.Mai 1793 // Ibid. S.40.
- 88 30.März 1793 // Briefe. Bd.7. S.31.
- 89 Briefe. Bd.7. S.32.
- 90 Ibid. S.33 ("Perfer et obdura" - "Переноси и будь тверд")
- 91 Briefe. Bd.7. S.50. ("Malefacii" - "творющие зло, злонамеренные").
- 92 An F.H.Jacobi, 5.Aug. 1793 // Briefe. Bd.7. S.55.
- 93 Ende 1793 // Briefe. Bd.7. S.79.
- 94 An J.I.Gerning, Anfang März 1801 // Briefe. Bd.8. S.204-211.
- 95 Briefe. Bd.7. S.76.
- 96 Briefe. Bd.7. S.30.
- 97 29 Nov.1793 // Briefe. Bd.7. S.69.
- 98 См.; An J.G.Müller, 3.Juli 1795 // Briefe. Bd.7. S.173; an J.W.L. Gleim, 28.Sept.1795 // Ibid. S.187; an E.Gore, 11.Okt.1795 // Ibid. S.191; an K.L.von Knebel, 30.Nov. 1795 // Ibid. S.201-202.
- 99 Briefe. Bd.7. S.125.
- 100 23.März 1795 // Briefe, Bd.7. S.148.
- 101 Ibid.
- 102 An J.G.Müller, Ende Okt.1800 // Briefe. Bd.8. S.175.
- 103 Ibid.
- 104 An J.Macdonald, 26.Mai 1799 // Briefe. Bd.8. S.59.
- 105 An J.F.Hartknoch-jun., 7.Okt.1799 // Briefe. Bd.8. S.89.
- 106 An J.W.L.Gleim, 19.Juli 1799 // Briefe. Bd.8. S.71.
- 107 An K.L.von Knebel, 1.Nov.1799 // Briefe. Bd.8. S.97.
- 108 Briefe. Bd.8. S.103.
- 109 An J.W.L.Gleim, 27.Dez.1799 // Briefe. Bd.8. S.111.
- 110 Briefe. Bd.8. S.105.
- 111 Briefe. Bd.8. S.153.
- 112 An J.G.Müller, Anfang Sept.1800 // Briefe. Bd.8. S.161.
- 113 An Chr.Graf zu Stolberg-Stolberg, 21.Nov.1800 // Briefe. Bd.8. S.180-181.
- 114 Caroline an J.G.Müller, 21, und 22,Febr.1802 // Briefe. Bd.8. S.278-280.
- 115 An J.G.Müller // Briefe.Bd.8. S.314.
- 116 Briefe. Bd.8. S.275.

- 117 Briefe. Bd.7. S.55.
- 118 An J.G.Müller, Anfang Sept. 1800 // Briefe. Bd.8. S. 162. ("Каллигона" - сочинение Гердера, направленное против "Критики способности суждения" Канта).
- 119 Briefe. Bd.8. S.179.
- 120 27.Dez. 1799 // Briefe. Bd.8. S.111.
- 121 22.Dez. 1800 // Briefe. Bd.8. S.183-184.
- 122 Herder J.G. *Sämmtliche Werke: Zur schönen Literatur und Kunst. Tübingen, 1809. 12. Theil. S.590.*
- 123 SWS. Bd.23. S.14.

Некоторые тематически связанные материалы

Е.Волгина. Идеологическая борьба в немецкой публицистике периода Великой французской революции
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70628293.htm>

В.Марков. Бабеф и современная ему Германия
http://vive-liberta.narod.ru/journal/babeuf_markow_fe-60.p

В.Перцев. Очерк истории Германии XVIII века
<http://enlightment2005.narod.ru/private/Allem/alleman1.pdf>

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АН СССР

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII века

М.: 1988

Редакционная коллегия: д.и.н. Г.С.Кучеренко
(ответственный редактор), к.и.н. К.М.Андерсон
(ответственный редактор), к.и.н. Г.С.Черткова, С.Я.Карп,
А.В.Чудинов.
Рецензенты: к.и.н. М.И.Ковальская, к.и.н. Л.А.Пименова.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии

Текст здесь:

Кузьмичева Е.К. Фейхоо-и-Монтенегро и становление
исторической мысли испанского Просвещения
Лебедева Е.И. Революция в зеркале просвещенного
сознания (исследование литературной
корреспонденции Блен де Сенмора)

Текст здесь: <http://www.annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Lebedeva.doc>

Карп С.Я. Бриссо и Гельвеций

Плавинская Н.Ю. Представления Монтескье
о республике и их оценка в жирондистской прессе
Ростиславлев Д.А. Из истории журналистики
периода якобинской диктатуры

(О некоторых особенностях газеты Ж.Р.Эбера "Пер Дюшен")

Текст здесь: http://vive-liberta.narod.ru/journal/rostisl_hebert.pdf

Кузнецов И.Н. Гердер о Великой французской революции
Петинова А.И. Джозеф Пристли и революционная Франция
Чудинов А.В. Развитие взглядов Дж.Макинтоша
на французскую революцию в 90-е годы XVIII в.

См. текст автореферата авторана соискание ученой степени
доктора исторических наук: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/chud.pdf>

Улуян А.А. Роль идейного наследия французской
и американской революций XVIII в. в становлении
общественно-политических взглядов А.Кораиса

Темкин В.А. Идеи Просвещения в творчестве Пи-и-Маргаля

Веб-публикация: Vive Liberta и Век Просвещения, 2 вандемьера ССXI года
Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

Анна Игоревна Петина ДЖОЗЕФ ПРИСТЛИ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ФРАНЦИЯ

Джозеф Пристли (1733-1804 гг.) - выдающийся английский просветитель, современник Великой Французской революции. Его отношение к революциям (а в трудах Пристли содержатся упоминания обо всех буржуазных революциях XVI-XVIII вв.) органически связано с его мировоззрением, с политической концепцией.

Особый интерес представляют взгляды Пристли на Французскую революцию, оказавшую огромное влияние на развитие английской общественной мысли. Их анализ и составляет содержание данной статьи. Отношение Пристли к Французской революции будет рассмотрено на фоне развернувшейся в Англии широкой дискуссии по этому вопросу. Необходимо отметить, что в указанном ракурсе творческое наследие Дж. Пристли в советской и зарубежной историографии специально не изучалось.

В зарубежной литературе имя Пристли встречается довольно часто. Тем не менее, его просветительская концепция, его общественная деятельность до сих пор не стали предметом самостоятельного исследования. Большая часть работ английских и американских авторов посвящена Пристли как ученому-естественнику¹.

Другая группа работ рисует Пристли-философа². Чаще всего он дан в отрыве от политической борьбы в стране, его общественная деятельность упоминается вскользь. В какой-то мере такой подход присущ английской исследовательнице А. Холт - автору обстоятельной, написанной по архивным источникам книги "Жизнь Джозефа Пристли"³.

С иных позиций, естественно, ведется изучение творческого наследия Пристли в марксистской историографии. До сих пор он изучался прежде всего как философ⁴. В этих работах Пристли выступает крупным политическим деятелем своего времени, материалистом, просветителем. Имя Пристли встречается в работах советских исследователей, посвященных истории общественной мысли и общественных движений Англии второй половины XVIII в. Несомненный интерес в этом плане представляет

биографическое исследование Е.Б.Черняка "Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVII - начале XIX в."⁵ Среди деятелей радикального движения автор называет Пристли, не анализируя специально его взглядов. Исследователь склонен отнести Пристли к умеренному крылу радикального движения, что кажется нам правильным.

В нашей стране сочинения Пристли издавались дважды. В 1934 г. были опубликованы "Избранные произведения", куда вошли некоторые философские, политические и естественно-научные сочинения Пристли⁶. Соорник дает общее представление о творчестве английского просветителя. Необходимо, однако, отметить, что его произведения были напечатаны со значительными сокращениями. К недостаткам издания относится неточный в ряде случаев перевод. Произведения Пристли частично включены в сборник "Английские материалисты XVIII в."⁷. Анализируя взгляды Пристли, автор обращалась главным образом к прижизненным изданиям трудов этого ученого и общественного деятеля. Среди них прежде всего публицистические произведения и автобиография Джозефа Пристли.

Отношение Дж. Пристли к Великой французской революции явилось развитием его взглядов на проблему революций в целом. В той или иной форме в произведениях Пристли мы находим упоминания обо всех буржуазных революциях XVI - XVIII вв.: Нидерландской, Английской, Американской и Великой французской революции.

Признавая право народа на сопротивление угнетению, Пристли оправдывает революционные выступления.

Под революцией в Англии Пристли имел прежде всего в виду события 1688-1689 гг., которые явились, как известно, классовым компромиссом между королевской властью и дворянско-буржуазной олигархией. Однако просветитель не обходит молчанием события 40-х годов XVII в., что представляет для нас огромный интерес.

давая беспощадную оценку правления Карла I, Пристли полностью одобряет казнь ненавистного суверена. "30 января 1649 г. было днем гордости для Англии", - такова оценка

Пришли этого события⁸. Известно, что январь 1649 г. - высший буржуазно-демократический этап Английской революции. В данном случае естественное право на сопротивление тирану, важнейшая часть просветительской концепции Дж. Пристли, выступает в наиболее завершенной форме. Он указывает, что "низложенные, изгнанные или заключенные в тюрьму короли чрезвычайно опасны для нации, т.к. всегда может возникнуть опасность реставрации"⁹. 30 января 1649 г. Пристли сравнивает с 14 июля 1789 г. во Франции. "Пусть тираны читают историю обеих держав!" - восклицает он¹⁰.

Более подробно отражена в произведениях Пристли, как отмечено выше, "славная революция" 1688-1689 гг. Это типично для английских просветителей, видевших в ней образец для подражания. "Невозможно рассматривать недавнюю революцию во Франции, не имея перед собой ту, которая произошла в Англии в 1688 г.", - писал Пристли.

Обращаясь к событиям 1688-1689 гг., он анализировал законность смены династий. Просветитель оценивает факт выбора короля - Вильгельма Оранского как прецедент, который "уполномочивает народ страны не только вносить изменения в порядок престолонаследия, но и делать любого человека королем и фактически совершать то, что он (народ. - А.П.) сочтет нужным для исправления своих бед"¹². Как здесь не вспомнить слова самого Пристли: "Я подчиняюсь королю, потому что этого требует порядок в обществе"¹³. Королевская власть, следовательно, не имеет для него священного характера, это только один из механизмов для поддержания порядка в государстве. Здесь содержатся предпосылки для решения вопроса о типе государственного устройства. При его решении "мудро" сохранять, считает Пристли, старые институты настолько долго, насколько они терпимы, потому что "люди лучше снесут их тяжесть, чем новые"¹⁴. Это рассуждение Пристли, высказанное в связи с оценкой "славной революции", пока не выходит за рамки предельной умеренности. Однако следующая фраза говорит о большем: "и согласно тому же принципу, по которому они изменили порядок наследования, они бы изменили все

правительство. Если бы они нашли королевское управление вообще таким же несчастием, как управление папистским королем, они бы также отменили королевское управление и эта страна (Англия. - А.П.) сейчас была бы республикой"¹⁵. Высказанная мысль тесно связана с общей концепцией общественного договора Пристли, где высшая цель любого управления - благо народа.

Оценка Пристли Американской революции позволяет шире рассмотреть вопрос о республике. Интересно, что еще в 60-х годах XVIII в. почти за десять лет до начала Войны за независимость, Пристли считал, что в Северной Америке невозможно установление никакого типа правления, кроме республиканского. "Чувства всей страны решительно настроены против любой формы монархии", - писал он¹⁶. Пристли с радостью встретил провозглашение независимости американских колоний. Американская революция, по его мнению, дала "прекрасный пример для Франции"¹⁷. "Эти великие события, - писал Пристли, сравнивая революцию в Америке и во Франции, - во многих отношениях не имеющие параллелей в истории, открыли совершенно новую, наиболее прекрасную и важную эру в истории человечества"¹⁸.

Таким образом, Пристли, считавший 1688-1689 гг. своеобразным эталоном, не стоял за точное повторение английских событий в другой стране, где размах преобразований должен определяться конкретными условиями.

Перейдем к анализу собственно взглядов Дж. Пристли на события во Франции.

Великая французская революция вызвала общественный подъем в Англии. Начавшаяся в 1789 г. революция была встречена там весьма сочувственно. Обострив внутренние противоречия, она породила многочисленные дискуссии не только о французских событиях, но и о проблемах и дальнейших перспективах развития самой Англии.

Большая роль в полемике принадлежала различным организациям и обществам. К числу наиболее влиятельных относилось "Общество революции" ("Revolution Society"). Оно было призвано защищать принципы "славной революции" 1688-1689 гг.

Именно этому обществу суждено было начать дискуссию, охватившую потом всю Англию¹⁹.

На традиционном заседании общества в 1789 г. был прочитан памфлет известного философа Р.Прайса, в котором была выражена радость по поводу "двух славных революций" - Американской и Французской, Пророчески звучали слова памфлета: "Смотрите, как свет, который вы зажгли, освободив Америку, бросил ответ во Францию... и согревает и освещает всю Европу! Дрожите, все угнетатели мира! Вы не сможете удержать мир во тьме!!!"²⁰. Не удивительно, что этот памфлет вызвал злобные выпады реакции.

В октябре 1790 г. вышла работа Э.Берка "Размышления о Французской революции"²¹. Категорически отвергая все заслуги Французской революции, он восхвалял монархию, отрицая всякую возможность смены правительства: Наряду с этим, он отстаивал старый принцип представительства, существовавший в английском парламенте. В развернувшейся полемике работа Берка стояла на крайне правом фланге.

Ответом на выступление Берка явились памфлеты ряда видных общественных деятелей. В марте 1791 г. вышел трактат известного деятеля Американской революции Т.Нейна "Права человека"²². Критикуя взгляды Берка с последовательно республиканских позиций, он приветствовал завоевания Французской революции, требовал радикальных изменений английской конституции²³. Не испытывая трепета перед унаследованными от предков учреждениями, Нейн считал, что монархия и аристократия не соответствуют новой эпохе и осуждены на скорое уничтожение. В 1791 г. он не только восторгался Французской революцией, но и предвосхищал ее дальнейшее развитие и углубление²⁴.

В этот же год вышел памфлет Д.Макинтоша "Иск галлов" (*Vindiciae gallicae*) - ответ на книгу Берка. Как считал академик Е.В.Тарле, автор памфлета подчеркивал заглавием, что Французская революция имеет закономерный характер, является всенародным делом французов, а вовсе не результатом злых умыслов отдельных ораторов Национального собрания или

статей радикальных публицистов²⁵. Макинтош проводил мысль о всемирном значении Французской революции, отстаивал право французского народа на новые политические убеждения, осуждал секвестр церковных земельных имуществ²⁶.

Горячими сторонниками революции выступили известный писатель и политический деятель Р.Шеридан, поэты - У.Вордсворд и С.Колридж (позднее они отвернулись от нее). Решительно отстаивала идеи революции М.Уолстонкрафт - писательница, поборница женского равноправия²⁷.

Активную позицию в споре о Французской революции занял Дж.Пристли. Он одним из первых выступил с критикой взглядов Берка, опубликовав в 1790 г. памфлет "Письма к Э.Берку"²⁸. Он состоит из 12 посланий, каждое из которых имеет свой заголовок и представляет самостоятельное произведение. Характер писем полемичен, стиль - ироничен. Это одно из интересных публицистических произведений Пристли, в котором отразилось наиболее полно его понимание Французской революции.

Рассматривая обстановку во Франции в 70 и 80-е годы XVIII в., Пристли как бы подводит читателя к самой революции. Главную ее причину он видит в ненависти народа к старому правительству Франции. Гнев народа достиг огромных размеров, о чем свидетельствовала "почти всеобщее и горячее единодушие, с которым была совершена революция"²⁹. Характеризуя обстановку в предреволюционной Франции, Пристли обращает особое внимание на вопрос о налогах³⁰. Впервые об этом он заговорил в 60-е годы XVIII в. - почти за два десятилетия до Французской революции. Еще в "Лекциях по истории" Пристли инстинктивно нащупал основу для одного из главных противоречий: между массами крестьянства и феодальным абсолютистским государством. "В таком случае, - по его мнению, всякий раз, когда мы видим всю нацию или большую часть ее, поднимающуюся как один человек, против старого порядка и правительства, свергающего его, мы можем заключить, что возбудитель огромен, а их причина справедлива"³¹. Воля большинства народа (у Пристли это прежде всего достаточно состоятельная часть общества), его благо является для просвети-

теля главным критерием для оценок любых действий. Одновременный подъем всей нации свидетельствовал, что "угнетение стало крайним и продолжалось долго".

Дж. Пристли считал, что феодальный порядок не может быть разрушен одновременно во всех частях Европы³². Так и во Франции, писал он, ссылаясь на Вольтера, еще сохранились во второй половине XVIII в. значительные пережитки феодализма. Например, остатки личной зависимости крестьян в некоторых отдаленных районах страны.

Полемизируя с Берком, защитником монархии, Пристли резко выступал против "громкой власти короля"³³. Короли, по его мнению, "постепенно приобрели власть и грубо ею злоупотребляли". Не удивительно, что Национальное собрание в первую очередь ограничило их власть. Отвечая на вопрос, не было ли это сокращение королевских привилегий чрезмерным, он с иронией писал: "Королевская власть — это росток, который, однажды пустив корни, становится чрезвычайно обильным, он (росток. — А.П.), хотя и подрезанный, может вновь разрастаться"³⁴.

По его глубокому убеждению, особенно страдали народы от права королей объявлять войну из-за "личной обиды или притязаний". Так было и во Франции. Поэтому Пристли одобрял Национальное собрание, которое отняло у королевской власти эту привилегию, и может в будущем создать условия, при которых "редко возникали бы причины войн"³⁵. Он резко отзывался о королеве Франции, сравнивая ее с кометой, предвещающей бедствие и приносящей стране опустошение и разрушение. В очередной раз Пристли высказывал мысль, что интересы большинства нации стоят выше интересов отдельных личностей, даже королей³⁶. Просветитель видел трудности в том, что нет судебных порядков, которые позволили бы народу получить возмещение за причиненный ущерб со стороны королевской власти. Решая этот вопрос, Пристли исходил из убеждения, что законы не привносятся божественными силами, а создаются людьми. Отсюда он делал вывод, что народ, в распоряжении которого для данного случая нет традиционных правовых норм, может

прибегнуть к "чрезвычайным мерам"³⁷.

Большое место Пристли отводил в своих рассуждениях Национальному собранию, которое может справедливо решить вопрос о войне и мире, создать условия, при которых "редко возникали бы причины войн"³⁸. Интересно трактовался вопрос об отношении Национального собрания к собственности. Здесь он вступал в полемику с Берком, который считал, что низкое положение депутатов, в большинстве своем занимавших незначительные должности в юриспруденции, не обеспечит сохранение незьемлемости собственности. Вопрос о собственности волновал Пристли: ведь собственность в его представлении — один из видов "естественных прав". Он верил, что Национальное собрание гарантирует собственность, при этом призывал французов использовать опыт Американской революции, в частности, Первого американского конгресса (сентябрь-октябрь 1774 г.)³⁹.

Иное отношение, чем у Берка, у него и к вопросу о классовой принадлежности депутатов Национального собрания⁴⁰. Для Пристли значит "мало, из какого класса избран член Национального собрания", главное — они должны быть людьми, на которых избиратели их округов "могли бы положиться"⁴¹.

Известно, что Берк и другие противники Французской революции обвиняли Национальное собрание в злоупотреблениях, жестокости, кровопролитии. Пристли выступил в защиту Национального собрания, высказывая мысль, что только короли и министры "одни ответственны за весь беспорядок и кровопролитие, сопровождающие эту революцию" и что именно злоупотребление властью королей и министров привели к указанным беспорядкам в стране. Не ограничиваясь этим выводом, он шел дальше в своих размышлениях, доказывая, что Национальное собрание нельзя считать ответственным за то, что совершается в стране. Так, Пристли говорил "о казнях людей, особенно ненавистных населению". Эти казни совершены "просто народом" и не могут приписываться Национальному собранию⁴². Он допускал мысль, что политика Национального собрания не свободна от ошибок, честно признаваясь, что не вполне понимает целесообразность некоторых частей прави-

тельственной структуры⁴³. И это не удивительно, по его словам, т.к. Национальное собрание начало дело "улучшения всего государства в неожиданной манере, когда немного могло быть предсказано заранее"⁴⁴. Возможные ошибки Национального собрания, делал вывод он, надо отнести за счет необычности ситуации. В целом, Пристли высоко оценивал деятельность депутатов собрания: "Они поступили правильно, совершив наибольшее из того, что могли"⁴⁵.

"Письма к Э.Берку" заканчивались рассуждениями об идеальном государстве будущего, которое установится благодаря правительству нового типа. Пристли надеялся, что такое правительство будет заботиться об общем "благе", позволяя как можно шире использовать естественные права⁴⁶. По его мнению, короли могут сохраниться, однако статус их изменится. Они не будут больше называться "суверенами" или "верховными правителями". Вообще, считал Пристли, эти титулы принадлежат "только богу", смертные носить их не могут⁴⁷. Для сохранения порядка он предлагал назначать и оплачивать магистратов - "слуг народа", ответственных перед ним.

Новое государство будет "царством мира". Пристли предупреждал, что мир может быть установлен только с уничтожением "причин войны", которые существуют во всех настоящих формах правления и "политических принципах, поощряемых ими". Исчезнет такой источник войны, как междинастические противоречия, указывал он⁴⁸. В государстве будущего, рассуждал он, "исчезнет уважение к принципам, основанным на сплошном суеверии, и полное уважение будет оказываться только действительным знаниям"⁴⁹. Пристли касается и международных отношений: здесь также произойдут изменения. "Ни одна часть Америки, Африки или Азии, - писал он, - не будет находиться в подчинении у какой-либо части Европы, и весь обмен, который будет поддерживаться между ними, будет происходить к взаимной выгоде"⁵⁰.

Идеолог буржуазии, Пристли подчеркивал необходимость удешевления государства. Все основные затраты должны идти на юриспруденцию и сохранение мира. Ненужными, по Пристли,

станут налоги, которые сейчас платят за одно существование правительства. Избыток денег в государстве будущего должно использовать не на увеличение богатства и влияние отдельных личностей, а на работу "на пользу общества"⁵¹. Регулярные армии - "орудия тирании", как их называл Пристли, будут заменены. Для отражения "вторжения варваров" народ пройдет специальное обучение военному делу⁵².

Установление новых правительств вызовет изменения в вопросах религии. Последняя сохранится, равно как и институт священников. Однако Пристли был убежден, что она будет полностью отделена от государства. Религиозные верования станут частным делом каждого⁵³.

К моменту написания памфлета "Письма к Э.Берку" и участию в дискуссии о Французской революции Дж.Пристли - известный ученый, которого знали не только в Англии, но и за ее пределами. Занимаясь научной деятельностью, он не переставал интересоваться политической жизнью страны. Бывая в Лондоне, Пристли посещал политический клуб; живя в Бирмингеме в это время, был непременным участником заседаний Лунного общества, объединявшего представителей прогрессивно настроенной интеллигенции города и его окрестностей⁵⁴. Он принял активное участие в обсуждении ряда актуальных проблем современной Англии.

Между тем, приближалась вторая годовщина Французской революции. Против ее сторонников в английской прессе была развязана клеветническая кампания. Цель ее - очернить сторонников революции, изобразить их в глазах далеких от политики масс тайными противниками Англии, "справедливого ее государственного устройства"⁵⁵. Так закладывался фундамент кампании под лозунгом "Церковь и король".

Несмотря на выпады реакции, в ряде мест страны состоялись и приняты большие размах празднования второй годовщины взятия Бастилии. Особенно массовый характер приобрели события в Бирмингеме. Они оказали большое влияние на судьбу Дж.Пристли и развитие его взглядов на Французскую революцию. Пристли постоянно был в курсе событий во Франции. Так,

в июне 1791 г., характеризуя неудачную попытку бегства Людовика XVI и его пленение недалеко от города Варенна, он писал одному из своих друзей: "Нашу радость по поводу его (короля. - А.П.) пленения трудно описать"⁵⁶. Под влиянием революции Пристли и его сторонники усилили движение за осуществление в Англии парламентской реформы. Эта деятельность вызвала недовольство официальных лиц, что нашло свое выражение в политике невмешательства во время бурных событий в Бирмингеме в июле 1791 г.

Поводом к мятежу послужил торжественный обед по случаю второй годовщины падения Бастилии. За несколько дней до него была распространена "мятежная афиша" антиправительственного содержания. Что же было в афише, так взволновавшей город, вызвавшей многочисленные кривотолки?

Призывая к широкому празднованию годовщины Французской революции, неизвестный автор обращался к положению внутри страны: "Невозможно ли забыть, что ваш собственный парламент продажный? Ваши министры лицемерны? Ваше духовенство - узаконенные пидесчитали? Царстввакая семья расточительна? Корона одного великого человека становится с каждым годом все более тяжелой для головы, которая ее носит? Слишком тяжелой для народа, который дал ее? Ваше представительство - жестоков оскорбление священных прав собственности, религии и свободы?" Заканчивался манифест следующими словами: "Мир в рабстве хуже, чем война за свободу. Пусть с этого момента трепещут тираны!"⁵⁷ Авторство афиши приписывали Пристли. Газета "Таймс" сообщила, что мятежная афиша, написанная "рукой доктора Пристли", была найдена в его бумагах и передана министру. По мнению газеты, это послужило достояточным основанием "для судебного преследования". Поскольку судебное дело не было возбуждено, то скорее всего бумаги антиправительственного содержания, якобы найденные у Пристли, были провокацией, подстроенной, чтобы "воспламенить толпу" против него и его сторонников⁵⁸.

Обед 14 июля 1791 г. по случаю второй годовщины падения Бастилии начался вполне спокойно: было провозглашено 18 тостов, включая тосты за короля, конституцию, процвета-

ние Бирмингема, а также Французское учредительное собрание и суверенитет народа. Окончание обеда, как известно, послужило началом Бирмингемского мятежа, взволновавшего всю Англию. Толпы городского люда - городские ремесленники и чернорабочие, а также деклассированные элементы, в течение ряда дней громили дома диссентеров, освободили заключенных из городской тюрьмы.

Одним из тех, кто наиболее пострадал от погрома, был Пристли. Он не присутствовал на обеде, очевидно потому, что увидел на стенах домов лозунги, призывающие к "уничтожению пресвитера" (т.е. Пристли, который был сторонником неортодоксального направления в христианстве), а также к защите "церкви и короля"⁵⁹. Против него были выдвинуты серьезные обвинения. Во время мятежа толпа, ворвавшись в дом ученого, уничтожила лабораторию, научную переписку, книги, а также сожгла строение. Наиболее тяжелой и невосполнимой утратой была гибель его рукописей. Это произошло на глазах Пристли, который скрывался в соседнем доме. Что же было действительной причиной погрома?

Официальная версия гласила, что добропорядочные граждане Бирмингема обрушились на "государственных изменников", "врагов короля" и "конституции". В действительности, как показали исследования советских историков, Бирмингемские события - это стихийный протест против усиливающегося экономического и социального гнета народных масс, принявший в данном случае религиозную окраску.

Как же оценивает события сам Пристли? Сразу же после Бирмингемского мятежа 19 июля 1791 г. он пишет памфлет "Письмо Дж. Пристли к жителям Бирмингема". Язык письма эмоционален, в нем чувствуется волнение автора. Он дает оценку политического положения Англии, анализирует происшедшие события. По его мнению, указанное выше собрание граждан Бирмингема 14 июля имело целью "выразить радость по поводу освобождения беднейшей нации от тирании, не желая ничего большего, чем улучшение нашей собственной конституции, о которой все рассудительные граждане вне зависимости от вероисповедания давно мечтали"⁶⁰. Мысль очень интересная: как видно, здесь про-

ведена параллель между событиями во Франции и борьбой за политические реформы в Англии. Противники реформы характеризовали собрание как агрессивное по отношению к правительству и обвиняли его учредителей и участников в попытках дорвать "мир и правительство" страны⁶¹. Позднее в своих мемуарах Пристли сделал вывод, что "друзья двора", если не сам премьер-министр, были покровителями мятежа, без сомнений думая таким образом напугать друзей свободы⁶². Начавшая травля Пристли официальными кругами свидетельствует в пользу этой точки зрения.

Начало широкой кампании против Пристли положило писателю короля Георга III. С нескрываемой злобой он писал: "Я не могу чувствовать себя чрезвычайно обрадованным тем, что Пристли пострадал за идеи, которые внушали он и его друзья..." В бирмингемских собраниях обвиняли не их действительных виновников, а Пристли и его сторонников, радикалов, поклонников Французской революции.

Однако у Пристли нашлось много единомышленников. События в Бирмингеме приобрели широкую известность. Он получил большое число обращений соотечественников и приветствия из Франции.

В июне 1792 г. он прочитал в "Морнинг хроникл" ("Morning Chronicle"), что его сын Вильям 7 июня был представлен Национальному собранию Франции и получил французское гражданство. Поздравляя сына, он писал ему 25 июня: "Я очень интересуюсь тем, что сейчас происходит в Париже"⁶⁴.

25 августа 1792 г. во Франции был принят закон, присваивающий нескольким иностранцам звание гражданина Франции. Имя Джозефа Пристли стояло в списке первым⁶⁵. В сентябре ряд департаментов Франции пригласили его быть представителем в Национальном конвенте⁶⁶. От этих предложений он отказался. Пристли объяснял это тем, что "чувствовал себя более нужным дома" и "плохо подходил для дела, которое требует специальных знаний, располагать которыми может лишь уроженец страны"⁶⁷. В письме к членам Конвента Пристли горячо благодарил за оказанную честь. Заканчивал он письмо следующими словами: "Я рассматриваю вашу революцию как новую и

наиболее важную эру в истории человечества. Вам выпала честь показать великий пример, а блага, исходящие от него, будут испытывать не только вся Европа, но в конце концов и весь мир"⁶⁸. Надо было иметь огромное мужество, чтобы писать так из Англии, зная о неминуемых преследованиях. Твердо убежденный в правоте своих взглядов, Пристли не боялся отстаивать их ни при каких обстоятельствах.

Между тем, обстановка в Англии для сторонников Французской революции становилась все более тяжелой. Пристли подвергался постоянным преследованиям. Одним из главных его противников был Берк, который оседал "подготовить умы народа к преследованию его" (т.е. Пристли - А.П.)⁶⁹. Особенно возмущало Берка провозглашение Пристли гражданином Франции, которую он считал республикой "грабителей и убийц"⁷⁰. Выступая в палате общин, он заявил, что звание это присвоено Пристли за выражение "враждебности к конституции"⁷¹. Последствия этой кампании не замедлили сказаться. Портреты Пристли вместе с портретами Пейна неоднократно сжигались. Он получал письма с угрозами и оскорблениями.

Начавшаяся в апреле 1792 г. война революционной Франции с монархиями Австрии и Пруссии, в которую в феврале 1793 г. официально вступила Англия, усилила политическую реакцию в стране, осложнила и без того тяжелое положение сторонников революции. По всей Англии шли политические процессы против радикалов. Чтобы избежать преследований, многие радикалы - сторонники революции и политической реформы должны были уехать из страны. В 1794 г. эмигрировал в Америку и Пристли.

Перед отъездом он выступил с проповедью "Настоящее состояние Европы по сравнению с древними пророчествами", в которой охарактеризовал положение в стране, подробно описал кампанию травли и преследования, объяснил причины своей эмиграции в Америку⁷².

Изменились ли взгляды Пристли на Французскую революцию? С полным основанием можно утверждать, что нет, не изменились. Об этом свидетельствует его работа "Письма к философам и политикам Франции", написанная в 1793 г.

К тому времени, когда он работал над "Письмами", обстановка в мире изменилась. Шла война революционной Франции с монархами Европы. В самой Франции, в результате победоносного восстания народных масс 10 августа 1792 г., была свергнута монархия и объявлена республика. В Англии многие буржуазные деятели отшатнулись от революции, а Пристли по-прежнему выражает "пылкие пожелания процветания" Франции и французской революции, желает "быстрого и счастливого утверждения конституции". Он негодует против интервенции Австрии, Австрии и Пруссии, называя монархов "деспотами Европы"⁷³. В своем произведении Пристли пользуется новым летоисчислением: второй год Французской революции. Заслуживает внимания дата работы - 21 января 1793 г., день казни французского короля Людовика XVI. Возможно, это случайное совпадение. Следует подчеркнуть, что низвержение монархии во Франции, проводившее там 22 сентября 1792 г. республики не поколебало его отношения к революции. "Письма" были подписаны: "Ваш гражданин" ("your Fellow Citizen").

Подводя итоги, следует сказать, что к революции Пристли подходил с позиций просветителя, видя в них возможность сбросить иго тиранов. По своим политическим убеждениям он был сторонником умеренного крыла радикального движения. Высоко оценивая Американскую и Французскую революции, Пристли считал их поворотными пунктами в истории, открывшими "совершенно новую, самую чудесную и важную эру в истории человечества"⁷⁴. Естественно, он не мог определять их как буржуазные революции. Однако он чувствовал и понимал, что они открывают новый период в жизни страны и народа.

Горячий сторонник Французской революции, Пристли способствовал распространению ее принципов в Англии.

Примечания

- I Caven R.M. *Joseph Priestley*. L., 1933; Crowther J.G. *Scientist of the Industrial Revolution*. L., 1963; Gibbs F.W. *Joseph Priestley. Adventurer in Science and Champion of Truth*. L., 1965; Peacock D.H. *Joseph Priestley*. L. - N.Y., 1919; Taylor V. *Joseph Priestley. The Man of Science*. N.Y., 1954.

- 2 Aykroyd W. *Three Philosophers (Lavoisier, Priestley, and Cavendish)*. L., 1935; Brougham H. *Lives of Philosophers of the Time of George the Third*. L., 1985; Park M.C. *Joseph Priestley and the Problem of Pantisocracy*. Philadelphia, 1947; Stephen L. *History of English Thought in the Eighteenth Century*. Vol.1. L., 1881.
- 3 Holt A. *A Life of Joseph Priestley*. L., 1931.
- 4 Чосикис Л. Джозеф Пристли - английский материалист XVIII в. // Под знаменем марксизма. 1933, № 5; Панкратов К.П. Материализм Дж. Пристли // Ученые записки ЛГУ, № 100. Серия философские науки. Вып.1. Л., 1947. Михайловская Т. Философский материализм Пристли. Автореф. канд. дисс. М., 1962; Меевровский Б.В., Шашкевич Н.Д. О гносеологических и методологических взглядах Д. Пристли. - Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1983, № 3.
- 5 Черняк Е.Б. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII - начале XIX в. М., 1962.
- 6 Пристли Дж. Избранные произведения. М., 1934.
- 7 Английские материалы XVIII в. М., 1968. Т.3.
- 8 Priestley J. *Letters to the Right Honourable Edmund Burke, occasioned by his Reflections on the Revolution in France*. Birmingham, 1791, p.48.
- 9 Priestley J. *An Essay on the First Principles of Government and the Nature of Political, Civil and Religious Liberty*. L., 1771. P.38.
- 10 Priestley J. *Letters to the Rt.Hon.E.Burke...* P.48.
- 11 Ibid. P.34.
- 12 Ibid. P.38.
- 13 Ibid. P.40.
- 14 Ibid. P.38.
- 15 Ibidem.
- 16 Priestley J. *Lectures on History and General Policy*. Dublin, 1788. P.267.
- 17 Priestley J. *Letters to the Rt.Hon.E.Burke*. P.40.
- 18 Ibid. P.143.
- 19 Goodwin A. *The Friends of Liberty: The English Democratic*

- Movement in the Age of the French Revolution. L., 1979. P.85-90.
- 20 Labrade W.T. England and the French Revolution 1789-1797. N.Y., 1970. P.11-12.
- 21 Burke E. Reflections on the Revolution in France and on the Proceedings in Cetrain Societies in London Relative to that Event. L., 1790.
- 22 Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959.
- 23 Laprade W.T. Op.cit. P.25-26.
- 24 Подробнее см.: Тарле Е.В. Соч. Т.7. С.751-752.
- 25 Там же.
- 26 Чудинов А.В. Великая Французская революция в памфлете Дж.Макинтоша "Иск галлов" // Из истории буржуазных революций нового времени. М., 1985. С.96-110.
- 27 См.: Манфред А.З. Великая Французская революция. М., 1983. С.105-107.
- 28 Priestley J. Letters to the Right Honourable Edmund Burke, Occasioned by his Reflections on the Revolution in France. Birmingham, 1791.
- 29 Ibid. P.8.
- 30 Priestley J. Lectures on History and General Policy. Dublin, 1788. P.431.
- 31 Priestley J. Letters to the R.H. E.Burke... P.8.
- 32 Priestley J. Lectures on History... P.289.
- 33 Priestley J. Letters to the R.H. E.Burke... P.19.
- 34 Ibid. P.11.
- 35 Ibid. P.19.
- 36 Ibidem.
- 37 Ibidem.
- 38 Ibid. P.12.
- 39 Ibid. P.14.
- 40 Пристли употребляет здесь термин "класс" (class), однако его не следует понимать в современном значении. У него отсутствует понимание классовой природы государства.
- 41 Priestley J. Letters to the R.H. E.Burke... P.13-14.
- 42 Priestley J. Letters to the R.H. E.Burke... P.20.
- 43 Ibid. P.10.
- 44 Ibidem.
- 45 Ibidem.
- 46 Ibid. P.145.
- 47 Ibid. P.151.
- 48 Ibid. P.148.
- 49 Ibid. P.149.
- 50 Ibid. P.147.
- 51 Ibid. P.152.
- 52 Ibid. P.151.
- 53 Ibid. P.151-152.
- 54 Taylor B. Joseph Priestley. The Man of Science. N.Y., 1954. P.46-48.
- 55 Laprade W.T. Op.cit. P.41.
- 56 Gibbs E.W. Op.cit. P.196.
- 57 Holt A. Op.cit. L., 1931. P.155-156.
- 58 Priestley J. Dr.Priestley's Letter to the Inhabitants of Birmingham. L., 1791. P.16.
- 59 Подробнее см.: Рюле Дж. Народные низы в истории. М., 1984.
- 60 Priestley J. Letter of Joseph Priestley to the Inhabitants of Birmingham // Liberty and Terror in England. Reactions to the French Revolution. Boston, 1965. P.69-70.
- 61 Priestley J. Dr.Priestley's Letter to the Inhabitants of Birmingham. Mr.Keirs Vindication of the Revolution Dinner. L., 1794. P.8.8
- 62 Priestley J. Memoires of the Reverend Dr. Joseph Priestley to the Year 1795, Written by Himself // Selections. P.71-72.
- 63 Brown A. The French Revolution in English History. N.Y., 1969. P.81.
- 64 Gibbs F.W. Op.cit. P.214-215.
- 65 Archives Parlementaires de 1787 à 1860. Ser.1. Vol.48. Paris, 1896. P.688.
- 66 Priestley J. The Present State of Europe Compared with

Ancient Prophecies. L., 1794.P.XI.

- 67 Ibid. P.XII.
- 68 Holt A. Op.cit. P.176-177.
- 69 Burke E. The Correspondence of Edmund Burke. Vol.7. L., 1968. P,152.
- 70 Ibid. P,229-230.
- 71 Priestley J. The Present State of Europe... L., 1794. P.XIII.
- 72 Priestley J. The Present State of Europe Compared with Antient Prophecies. L., 1794.
- 73 Priestley J. Letters to Philosophers and Politicians of France on the Subject of Religion. L., 1793. P.30.
- 74 Priestley J. Letters to the R.H. E.Burke // Selections P.180.

Некоторые тематически связанные материалы

Г.Лемаршан, К.Мазорик. Англия в представлении французов накануне и во время революции (1787-1793)

http://vive-liberta.narod.ru/journal/eng_fe-86.pdf

Е.Макарова. Отношение У.Годвина к Великой французской революции и его деятельность в Англии в тот период

http://vive-liberta.narod.ru/journal/godwin_fe-85.pdf

К.Рукшина. Мэри Уолстонкрафт о Великой французской революции

http://vive-liberta.narod.ru/journal/mery_fe-68.pdf

А.Чудинов. Размышления англичан о Французской революции:

Э.Берк, Дж.Макинтош, У.Годвин (автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук)

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/chud.pdf>

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII века

М.: 1988

Редакционная коллегия: д.и.н. Г.С.Кучеренко
(ответственный редактор), к.и.н. К.М.Андерсон
(ответственный редактор), к.и.н. Г.С.Черткова, С.Я.Карп,
А.В.Чудинов.
Рецензенты: к.и.н. М.И.Ковальская, к.и.н. Л.А.Пименова.

СОДЕРЖАНИЕ От редколлегии

Текст здесь:

Кузьмичева Е.К. Фейхоо-и-Монтенегро и становление исторической мысли испанского Просвещения
Лебедева Е.И. Революция в зеркале просвещенного сознания (исследование литературной корреспонденции Блен де Сенмора)

Текст здесь: <http://www.annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Lebedeva.doc>

Карп С.Я. Бриссо и Гельвеций

Плавинская Н.Ю. Представления Монтескье о республике и их оценка в жирондистской прессе
Ростиславлев Д.А. Из истории журналистики периода якобинской диктатуры
(О некоторых особенностях газеты Ж.Р.Эбера "Пер Дюшен")

Текст здесь: http://vive-liberta.narod.ru/journal/rostisl_hebert.pdf

Кузнецов И.Н. Гердер о Великой французской революции
Петина А.И. Джозеф Пристли и революционная Франция
Чудинов А.В. Развитие взглядов Дж.Макинтоша на французскую революцию в 90-е годы XVIII в.

См. текст автореферата авторана соискание ученой степени доктора исторических наук: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/chud.pdf>

Улуян А.А. Роль идейного наследия французской и американской революций XVIII в. в становлении

общественно-политических взглядов А.Коранса
Темкин В.А. Идеи Просвещения в творчестве Пи-и-Маргалья

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru) и Век Просвещения, 2 вандемьера ССXI года

Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи.

Виктор Александрович Темкин ИДЕИ ПРОСВЕЩЕНИЯ в ТВОРЧЕСТВЕ ПИ-И-МАРГАЛЯ

В истории Европы XVIII век остается прежде всего веком Просвещения и Великой французской революции. Вместе с тем, их значение не исчерпывается рамками XVIII столетия, они оказали определяющее воздействие на пути исторического развития европейских стран в последующую эпоху. Ф.Энгельс, подчеркивая всеобъемлющий характер идейного переворота, совершенного Просвещением XVIII в., отмечал: "Религия, понимание природы, общество, государственный порядок - все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилем всего существующего"¹. О значении исторического опыта Французской буржуазной революции конца XVIII в. В.И.Ленин писал, что "весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии..."². Это замечание правомерно отнести и к европейской общественной мысли XIX в., самым непосредственным образом воспринявшей и развившей идейное наследие предыдущего столетия. В этой связи определенный исследовательский интерес может представить проблема выявления конкретных путей идейной преемственности двух веков и анализ исторических причин, по которым эта преемственность принимала те или иные формы.

Среди буржуазных политических течений, усвоивших и продолживших традиции XVIII в., особое место принадлежит либерализму. Современный советский исследователь отмечает, что "в первой половине XIX в. основной идеологией утвердившей свое господство буржуазии стал либерализм, претендовавший на роль наследника Просвещения; по крайней мере в ряде вопросов вложивший совершенно новый смысл в передовые и гуманные идеи Просвещения"³. Это справедливое высказывание,

сделанное на материале истории Англии, при применении к Испании XIX в., нуждается в значительных коррективах с учетом специфических черт развития этой страны. Имеется в виду прежде всего факт значительной экономической и политической отсталости Испании по сравнению с более развитыми странами Европы, сказавшийся на чрезвычайно медленном и трудном характере вступления Испании в эру капитализма. Ярким тому свидетельством являются пять буржуазных революций XIX в., отражавших основные этапы борьбы нарождавшейся испанской буржуазии за политическую власть против господства абсолютизма. При этом главным носителем идеи капиталистических преобразований в Испании стала именно буржуазно-либеральная политическая традиция, сформировавшаяся в ходе первых трех революционных циклов (1808-1814, 1820-1823, 1833-1843 гг.).

В середине XIX в. в Испании начинают ощущаться первые результаты процесса расслоения буржуазии: от общего ствола буржуазно-либеральной традиции стали ответвляться новые, более радикальные политические течения, представлявшие социальные интересы мелкой буржуазии и городских низов. К событиям такого рода следует в первую очередь отнести образование в 1849 г. группой молодых политиков испанской демократической партии, которая уже в первом официальном манифесте заметно радикализовала основные программные требования, выдвигавшиеся старыми либеральными партиями⁴. В 50-е гг. XIX в., ознаменовавшиеся в Испании четвертой буржуазной революцией 1854-1856 гг., в недрах демократической партии стало формироваться еще одно политическое течение, в свою очередь пытавшееся преодолеть ограниченность программы демократов: это было движение республиканского федерализма, которому суждено было стать одной из важнейших политических сил пятой испанской буржуазной революции 1868-1874 гг.

Как видно из самого названия движения, республиканцы-федералисты требовали замены абсолютной монархии федеративной республикой, что в условиях Испании XIX в. было неизбежно связано с коренными демократическими преобразованиями. Фактически, республиканцы-федералисты стали первым в истории

Испании организованным политическим движением, открыто провозгласившим борьбу за радикальную смену формы государственной власти. С этой целью они вели борьбу и с двумя главными опорами абсолютизма: католической церковью и престолианской армией. Соединение в доктрине движения республиканизма с федерализмом являлось вполне естественным в Испании XIX в. и также преследовало антиабсолютистские цели: экономическое и культурное развитие периферийных провинций страны сковывалось тесными рамками традиционно централизаторской политики Бурбонов⁵. В результате национально-региональный вопрос в XIX в. вырос в одну из самых насущных проблем, и республиканцы-федералисты опять-таки первыми предложили радикальный способ его решения в пользу тех общественных слоев, интересы которых они защищали: это главным образом молчаливая буржуазия, городские низы и нарождавшийся пролетариат периферийных областей Испании (прежде всего, Каталонии, Андалусии и Леванта).

Еще одной важной особенностью республиканского федерализма стало подчеркнутое стремление его лидеров (в большинстве - выходцев из мелкобуржуазной интеллигенции) к глубокому научно-философскому обоснованию идейной платформы движения. На политической сцене испанского общества XIX в., с его слабо развитой по сравнению с другими европейскими странами политической структурой, подобная тенденция к идеологической целостности не имела прецедентов. Это заставило республиканцев-федералистов для теоретического подкрепления своих исторически выработанных представлений обратиться к достижениям европейской общественной мысли, в том числе и к идеям Просвещения и Великой французской революции.

Прежде чем приступить к рассмотрению теоретической платформы испанского федерализма с точки зрения влияния на нее идей и опыта XVIII в., следует сделать необходимую оговорку о крайней идейной неоднородности движения, где (не в последнюю очередь в силу общей повышенной роли персонального фактора в испанской политической традиции XIX в.) фактически каждый крупный деятель имел собственную программу на

основе республиканизма, федерализма и антиклерикализма, составлявших "три кита" идеологии движения⁶. Поэтому в данной статье внимание будет сосредоточено на работах главного теоретика и идейного вождя республиканского федерализма, лидера его левого крыла, Франсиско Пи-и-Маргалья (1824-1901), поскольку только у него теория республиканского федерализма приобретает стройный и законченный вид и обладает глубоким научным фундаментом.

Необходимо также помнить, что выявление конкретных форм воздействия идей ХУШ в. на развитие общественной мысли последующего столетия требует от исследователя большой осторожности. Богатый идейный и социальный опыт ХУШ в. стал той питательной почвой, на которой в ХІХ в. возникли все основные течения общественно-политической теории, в результате чего ряд наиболее принятых заимствований у мыслителей предшествующего столетия превратился в общие места идеологий ХІХ в. Поэтому, вычленив подобные заимствования, важно направлять внимание лишь на те из них, которые получили в анализируемой теории наиболее оригинальное толкование и развитие.

Первая крупная работа Ф.Пи-и-Маргалья, "Реакция и революция", была написана в 1854 г. под влиянием событий начавшейся четвертой буржуазной революции в Испании. Эта работа представляла собой плод осмысления ее автором крупнейших достижений европейской общественной мысли и попытку научно-философского обоснования идеи коренного социально-политического переустройства, впервые предпринятого на испанской почве. Естественно, что для теоретика середины прошлого века наиболее плодотворными оказались философские и политические теории первой половины ХІХ в., в которых многие идеи ХУШ в. уже претерпели существенное развитие. Это необходимо учитывать при разборе основных работ главного идеолога испанского федерализма.

В своих взглядах на историю и общество Пи-и-Маргаль исходит из противопоставления категорий свободы и социальной фатальности, из которых первая движет отдельным индиви-

дом, а вторая присуща всему человечеству. Пи-и-Маргаль убежден в существовании объективного закона исторического развития и в попытке найти его обращается, в частности, к наследию ХУШ в. Он подвергает анализу циклическую теорию Вико и теорию исторического развития Гердера, которые представляются ему явно недостаточными для объяснения закономерностей истории⁷. Не удовлетворяет его и ряд более поздних теорий, которые он объявляет ненаучными, за единственным исключением взгляда на историю Г.-Ф.Гегеля, диалектическим методом которого пронизана вся логика теоретических построений Пи-и-Маргалья. Главной характеристикой исторического развития выступает у Пи-и-Маргалья прогресс, а то, что никому не удалось еще открыть объективный закон истории, не означает, по его мнению, что такового не существует. Вот как он рассуждает: "Для меня, поскольку закон имеется, то только его непрерывное осуществление может положить конец нашим революциям и несчастьям. Если же этому осуществлению препятствует только наша плохо образованная свобода, то последовательное образование нашей свободы должно стать воплощением прогресса, а союз свободы и фатальности - конечной целью"⁸.

Основным содержанием современной ему эпохи Пи-и-Маргаль считает конфликт между силами реакции и революции. Большое место в его книге занимает чрезвычайно важная с точки зрения общественной ситуации в Испании критика реакции, которая определяется им как "служанка исторической традиции, опора идеи власти, орудие собственности, монархии и церкви"⁹. В трех последних категориях Пи-и-Маргаль видит главные составляющие реакции и подвергает подробному разбору их пагубное влияние на развитие общества, особенно в ХІХ в., когда они, по мнению Пи, уже прошли все фазы своего развития и исчерпали себя. В условиях Испании ХІХ в. особое значение приобретала основательная и бескомпромиссная критика Пи-и-Маргалем религии. Как отмечает современный испанский историк - коммунист А.Джоттлар, во второй половине ХІХ в. даже важнейший для испанцев того времени вопрос "монархия или республика" не сводился к "элементарной проблеме формы правления; ответ на этот вопрос так или иначе выражал целое ми-

возвращение, определенное отношение к жизни: отношение к религии прежде всего"¹⁰. Как убежденный республиканец, Пи-и-Маргаль хорошо понимал глубокую взаимосвязь республиканизма и антиклерикализма, поэтому в "Реакции и революции" критике монархии как формы правления он предпосылает критику религии, сама логика которой несет у него отчетливые следы влияния традиции Просвещения XVIII в.

Для Пи-и-Маргалья религиозная догма несостоятельна потому уже, что она построена на вере, а не на разуме, и поэтому разум способен легко победить ее путем сомнения¹¹. XIX век для Пи вообще является веком сомнения, и он считает христианство, как, впрочем, и любую другую религию, не соответствующими духу времени. Зарождение религиозной идеи (как и идеи власти, монархии) он относит к "детству человечества", а в своей основе, как он утверждает, религия опирается на чувство непознанного, необъяснимого, на таину. Христианство, как считает Пи, в этом отношении ничем не отличается от других религиозных систем. Поэтому религии Пи-и-Маргаль противопоставляет науку, в основе которой лежит критерий разума, для него - единственно допустимый. Религия и наука несовместимы; Пи-и-Маргаль приводит многочисленные примеры борьбы церкви с наукой и показывает реакционную роль церкви как тормоза прогресса. Он раскрывает природу учения Христа как идею философскую по содержанию, унаследованную, как он считает, от Платона и Зенона. Заслугу Христа он видит единственно в том, что тот "распространил и укоренил идеи, жившие в сердце народа, в том, что он очистил их и открыл с их помощью новые горизонты"¹². Среди позитивных идей христианства Пи-и-Маргаль числит апологию равенства, любви к ближнему и другие евангельские постулаты. Однако, считает Пи, христианская догма полна противоречий, которые он разбирает, опираясь на антирелигиозные идеи французских просветителей XVIII в.¹³ В общем и целом, история религии у Пи-и-Маргалья вписывается в заимствованную им у Гегеля и сильно упрощенную диалектику эволюции всякой идеи. Он даже намечает этапы этой эволюции: "Христианство представляется мне

как утверждение от Христа до Лютера, протестанство - как принцип отрицания от Лютера до Энциклопедии; праздник Верховного Существа при Росеспиере - как полное отрицание христианства", - пишет он¹⁴.

Достаточно интересен и подход к религии Пи как политика. Так, истоки неверия, свойственного его поколению, он видит в антиклерикальной традиции испанских революций первой половины XIX в., посеявшей семена сомнения в неизбежности христианства¹⁵. Для Пи соединение идеи революции и антирелигиозной идеи представляется вполне закономерным, поэтому он видит явное противоречие в том, что некоторые демократы и социалисты пытаются обосновать свои аргументы цитатами из Евангелия (прием, весьма характерный для ряда идеологов периода романтизма). При этом считает подобный путь заведомо ложным, абсурдным, поскольку христианская догма учит не борьбе, а смирению, совершенно неподобающему тем, кто избрал своим кредо политическую борьбу. "Либо порвите эту святую книгу, либо не протестуйте никогда против наших страданий. Ваши протесты с определенной стороны выглядят несправедливыми, детскими"¹⁶. Сам Пи-и-Маргаль проявляет в этом вопросе непоколебимость позиции, он готов даже потерять сторонников из числа верующих, нежели пойти против своих убеждений, против истины. Однако, верный своей логике, Пи считает необходимым найти замену религии. Вместо основанной на вере религии он предлагает основанную на разумном знании философию. "Глубокое философское убеждение... может отлично восполнить недостаток в вере", - пишет он, полагая этот вопрос решенным¹⁷.

Как видим, и в исходных позициях, и в аргументации критика религии Пи-и-Маргалья опирается на традицию французского Просвещения. Об этом не в последнюю очередь свидетельствует и приведенная общая оценка им XVIII в. как века разрушения веры. При этом очевидно, что на использование идейного наследия предшествующего столетия Пи-и-Маргалья натолкнули проблемы испанского XIX в., во многих чертах (и особенно в области борьбы с господством католицизма) сходные с теми,

которые приходилось решать просветителям во Франции в XVIII в.

Силе реакции и ее основным формам (собственности, монархии и церкви) Пи-и-Маргаль противопоставляет революцию, определяемую им как "формула идеи справедливости... абсолютное санкционирование всех наших свобод, общественное признание суверенитета, который современная наука признала в человеке, объявив его источником знания и права"¹⁸. В центре революционной теории Пи-и-Маргалья оказывается, таким образом, человек, и поэтому неудивительно, что именно на важнейшей для него категории суверенности индивида покоится у Пи-и-Маргалья ядро его политической концепции, которое он называет "демократической догмой" в противовес расплывчатой доктрине испанской демократической партии. Априорный и неограниченный характер суверенитета личности, которая у Пи-и-Маргалья сама для себя составляет "свою реальность, свое право, свой мир, свою цель, своего бога, свое целое"¹⁹, продолжает и доводит до абсолюта учение о природных правах человека, использовавшиеся просветителями XVIII в., для критики феодальных порядков как противоречащих их понятию о естественной справедливости.

Неограниченный суверенитет личности связан с Пи-и-Маргалем с требованием абсолютной свободы личности, которым он обосновывает необходимость введения в Испании широких демократических свобод. Обеспечение абсолютной свободы индивида Пи кладет в основу законодательства, и здесь он прямо ссылается на опыт Великой французской революции: "Закон, как провозгласил в свое время французский Конвент, должен защищать нашу свободу, а не ограничивать ее. Если бы так было, то в мире царил бы свобода; все наши революции стали бы необоснованными"²⁰. С этих позиций Пи-и-Маргаль восхищается "Декларацией прав человека", якобинским законодательством и делает вывод о взаимосвязи суверенитета личности и народного суверенитета: "Узаконить наши права значит узаконить наш суверенитет, а узаконить суверенитет индивида значит узаконить суверенитет народов", - утверждает он²¹.

Требование законодательного закрепления свободы суверенной личности приводит Пи-и-Маргалья к еще одному важней-

шему аспекту его политической теории. Речь идет о так называемой "теории пакта", генетически глубоко связанной с учением об общественном договоре Руссо. Само по себе это не было большой оригинальностью: использование этого учения идеологами XIX в. было настолько плодотворным, что надолго сделало из него одно из общих мест европейской общественной мысли. К тому же следует принять во внимание, что восприятие Пи-и-Маргалем учения Руссо было в значительной мере скорректировано той трактовкой, которую оно получило в трудах одного из главных идеальных кумиров Пи-и-П.-Ж. Прудона. Однако в теории Пи-и-Маргалья учение об общественном договоре получает достаточно своеобразное толкование и развитие, обусловленное прежде всего попыткой его применения к общественной ситуации в Испании XIX в. Поэтому, несмотря на все оговорки, "теорию пакта" Пи-и-Маргалья можно рассматривать как один из наиболее ярких примеров отражения в его творчестве идейного наследия XVIII в., на что, в частности, указывает один из крупнейших исследователей испанского феодализма А. Джоттлар²².

Первые упоминания о "пакте" содержатся уже в "Реакции и революции". Неограниченный суверенитет личности, по Пи-и-Маргалю, делает неприемлемым насилие над индивидуальной свободой, неизбежно совершаемое государственной властью. Пи активно осуждает "тиранию власти" и своей конечной целью (пусть и недостижимой в ближайшем будущем, что он хорошо сознавал) провозглашает уничтожение власти как таковой. Вот какова его логика в концентрированном варианте: "Человек суверенен, в этом мой принцип; власть есть отрицание его суверенитета, в этом мое революционное оправдание; я должен разрушить эту власть, в этом моя цель"²³. А поскольку между суверенными личностями правомерны только соглашения, пакты, то единственно возможной основой общества Пи-и-Маргаль считает контракт между всеми его членами.

При этом характерным моментом теории раннего Пи-и-Маргалья является то, что, в отличие от учения Руссо, общественный договор в ней отрывается от понятия народного су-

веренитета и даже, в какой-то степени, противопоставляется ему. В "Реакции и революции" Пи заявляет, что "контракт, а не суверенитет народа, должен стать базой нашего общества"²⁴. Суверенитет народа он считает не более чем одним из средств ослабления власти, необходимость которого обуславливается существованием определенных "коллективных" интересов. В будущем, однако, как он считает, арбитром этих интересов сможет стать "индивид, доказавший свою суверенность"²⁵, причем не в отношении общества (ибо это - возвращение к монархии), а в отношении самого себя. Нетрудно видеть, что суверенитет личности для Пи-и-Маргалья важнее принципа народного суверенитета. Регулятором общественных отношений в свободном, состоящем из неуправляемых суверенных индивидов обществе Пи-и-Маргаль называет некий внутренний моральный закон, выводимый им из кантовского "категорического императива" и определяемый исключительно нашим разумом: "Все иррациональное... я признаю несостоятельным", - утверждает Пи²⁶.

Как важное, и не менее эффективное, чем народный суверенитет, средство ослабления власти, Пи-и-Маргаль рассматривает применение федеративного принципа. Идея федеративно-республиканского переустройства, вытекающая из исторических условий развития Испании и имевшая в этой стране прогрессивное политическое звучание, также впервые выдвигается в "Реакции и революции"²⁷, хотя и не играет еще в этой ранней работе Пи-и-Маргалья той существенной роли, которую она приобретает позднее. Для нас важно отметить, что по мере идейной эволюции Пи-и-Маргалья именно "теория пакта" ляжет в основу его федерализма.

Основным путем эволюции политических взглядов Пи-и-Маргалья в 60-е гг. XIX в. стал его постепенный отход от тезиса о разрушении власти и окончательное утверждение на позициях республиканско-о федерализма. События новой, пятой буржуазной революции в Испании послужили толчком к изложению Пи-и-Маргалем своей политической концепции, наиболее отчетливое выражение получившей в его речи в корот-

сах 19 мая 1869 г.²⁸. В ходе обсуждения предложенного правящей партией прогрессистов конституционно-монархического проекта новой конституции страны, Пи-и-Маргаль выступил со страстной защитой принципов федеративной республики. Опираясь на выдвинутую им еще в 1856 г. концепцию "градуальной шкалы интересов" (складывающейся по цепочке: от суверенного индивида, через город и провинцию, до федеративно организованной нации)²⁹, Пи формулирует принцип построения федерации снизу вверх и, кроме того, ставит его в зависимость от пакта. "Федеративная республика есть пакт, и... он невозможен без волеизъявления сторон", заявляет он³⁰. Пи считает, что федерация, построенная на системе пактов, способна решить и социальные вопросы, которые, по его мнению, носят специфический характер в каждой отдельной провинции, поэтому их не следует выносить на общенациональную арену. В этом Пи видит колоссальное преимущество федеративной системы. Идеал конституции федеративной республики он находит, как это было свойственно тогда всем федералистам, в конституции Соединенных Штатов.

В дальнейшем, схема построения федерации снизу вверх, от индивида до государства, на основе пакта (точнее, целой системы пактов) станет каркасом его общественной теории, который будет, обрастая деталями и уточнениями, сохраняться в качестве фундамента его политической деятельности.

Соединение федеративного принципа с "теорией пакта" с достаточной наглядностью выявляется и в главном теоретическом труде Пи-и-Маргалья ("Национальности", 1876 г.), завершившем процесс его идейной эволюции. Эта работа была написана уже после окончания пятой буржуазной революции и, в известной мере, на основании уроков политического поражения испанского республиканского федерализма, находившегося у власти в период Первой республики (1873 г.), но по целому ряду объективных и субъективных причин не сумевшего осуществить свою политическую программу³¹. "Национальности" содержат законченную теорию реорганизации наций по федеративному принципу, который выступает в этой работе Пи-и-Маргалья как всеобщая панacea и универсальный способ решения

всвозможных проблем: от национальных до социальных. Федерация определяется здесь Пи-и-Маргалем как "система, с помощью которой различные группы людей, не теряя своей автономии в отношении им одним присущих особенностей, объединяются и подчиняются совокупности подобных им групп для выполнения общих целей"³². Основой этого объединения снова провозглашается пакт, который заключают внутри себя "составляющие элементы сегодняшних наций", каковыми являются "индивид, пуэбло и провинция"³³. Все тот же пакт выступает у Пи-и-Маргалья основой федеративного переустройства в Испании в ходе народной революции, схему которой он намечает по образцу испанских буржуазных революций XIX в. В этой работе Пи-и-Маргаль рисует также картину федеративного объединения Европы и всего человечества, хотя и отодвигает эту перспективу в необозримое будущее³⁴.

Отголоски "теории пакта" можно найти и в более поздних работах Пи-и-Маргалья, не внесших изменений в его идейные построения. К примеру, в написанной в 1890 г. работе "Борьба наших дней", по сути дела являющей собой дидактическое изложение федералистской теории Пи-и-Маргалья, закрепленной в "Национальностях", пакт по-прежнему распространяется им на все области жизни: экономику, политику, мораль, семейные отношения. "Все в мире совершается посредством пактов", заявляет Пи³⁵. В целом, "теория пакта" в творчестве позднего Пи-и-Маргалья, как и сама идея федерации, все более превращается в абстрактную схему, оторванную от политической реальности Испании конца XIX в.

В своем творчестве 80-х90-х гг. Пи-и-Маргаль еще неоднократно обращается к различным элементам идейного наследия ХУШ в. Так, в "Национальностях", в своей аргументации в пользу федеративного переустройства он опирается на позитивное отношение к федерации, продемонстрированное в трактате "О духе законов" Монтескье³⁶. Обоснованию концепции "градуальной шкалы интересов" служит у Пи-и-Маргалья теория о преимуществе малых наций перед большими. И здесь Пи приводит обширные цитаты из того же трактата Монтескье,

а также из "Рассуждения о происхождении неравенства между людьми" Руссо³⁷. Для доказательства своей теории федеративной реорганизации наций Пи-и-Маргаль прибегает и к опыту Великой французской революции. Однако его попытки интерпретировать в сугубо федералистском духе события 14 июля 1789 г.³⁸ или сослаться на федералистски окрашенные (хотя речь там идет о совершенно иного рода "федерализме") высказывания Мирондиста Бюзю³⁹ выглядят несубсидиально. Вообще, в тех местах, где Пи-и-Маргаль пытается искусственно подогнать идейный и социальный опыт предшествующего столетия под аргументацию своей отвлеченной теории, использование наследия ХУШ века носит нередко предвзятый, а иногда и просто тенденциозный характер в его позднем творчестве.

Вместе с тем, в работах Пи-и-Маргалья на всех этапах его идейного пути неизменно выделяется та высокая оценка, которую он давал теоретическим и революционным свершениям ХУШ в. Выше уже частично приводилось его мнение об антиклерикальной традиции Просвещения. Пи-и-Маргаль сознавал всю глубину идейного переворота, совершенного просветителями ХУШ в., и подчеркивал его основополагающее влияние на формирование революционного мировоззрения у испанцев XIX в.⁴⁰ Он также хорошо понимал глубокую взаимосвязь Просвещения и Великой французской революции и, говоря о просветителях, отмечал, "что эти смелые философы, главным образом Вольтер и Руссо, были предтечами и направляющими французской революции"⁴¹. Его в высшей степени положительная оценка Великой французской революции на фоне общего весьма сложного отношения к ней в Испании XIX в. имела определенно прогрессивное значение. Больше того, Пи-и-Маргаль уже в своих ранних произведениях доказывал, что именно идеи Французской буржуазной революции ХУШ в. породили в Испании революционную традицию XIX в., до самых основ потрясшую все здание испанского абсолютизма⁴². При этом необходимо указать, что Пи-и-Маргаль не только не осуждал якобинскую диктатуру, отвергавшуюся в XIX в. многими бур-

жуазными политиками, но усматривал в ней закономерный этап процесса революционных преобразований и активно использовал ее опыт в своей теории⁴³.

Подводя итоги рассмотрению основных моментов влияния идейного наследия и социального опыта ХУШ в. на теорию испанского республиканского федерализма Ф.Пи-и-Маргалья, разработанную во второй половине XIX в., нужно отметить, что в задачи данного исследования не мог входить обзор этой теории в полном объеме. Избранная тема неизбежно оставила за пределами внимание многие оригинальные положения республиканско-федералистской теории, в частности, ее социально-экономический аспект, а также некоторые важные подробности предложенного Пи-и-Маргалея варианта решения национально-регионального вопроса в Испании с помощью установления федеративной республики. В данном случае акцент ставился на выявлении тех конкретных компонентов этой теории, которые сформировались под воздействием идеи ХУШ в. В результате можно сделать вывод о том, что некоторые из этих идей, в первую очередь связанные с антиклерикальной традицией французского Просвещения и учением об общественном договоре Руссо, нашли плодотворное развитие в теоретических работах Франсиско Пи-и-Маргалья, сделавшего попытку применить их к историческим условиям Испании XIX в. Кроме того, Пи-и-Маргаль использовал в своей теории идеи и опыт Великой французской буржуазной революции, что также имело позитивное значение для Испании того времени. Можно с уверенностью сказать, что идейное наследие ХУШ в. способствовало формированию одной из самых передовых общественных теорий Испании прошлого века, интерес к которой не ослабевает и в наши дни, когда испанцы используют опыт республиканского федерализма XIX в. для решения национально-регионального вопроса на современном этапе.

Примечания:

- 1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С.189.
- 2 Ленин В.И. Полн. собр.соч. Т.38. С.367.
- 3 Айзентштат М.П. Фритредерство и антиколониальные тради-

ции Просвещения // Из истории Просвещения: экономика, политика, идеология. М., 1982. С.124.

- 4 Об истории демократической партии подробно см.: Birañ Roel A. *El partido demócrata español (1849-1869)*. Madrid, 1961.
- 5 Подробно см.: Пожарская С.П. Особенности формирования национально-государственного комплекса на Пиренейском полуострове (на примере Испании). // Проблемы испанской истории. М., 1984. С.5-18.
- 6 См.: Hennessy Ch.A.M. *The Federal Republic in Spain: Pi y Margall and the Spanish Federal Movement*. Oxford, 1963. P.74.
- 7 См.: Pi y Margall F. *La Reacción y la Revolución*. Barcelona, s.a.P.37-41.
- 8 Ibid. P.50.
- 9 Ibid. P.52.
- 10 Jutglar A. *Prólogo // Pi y Margall F. El reinado de Amadeo de Saboya y la República de 1873*. Madrid, 1970, P.14.
- 11 Pi y Margall F. *La Reacción y la Revolución*. P.54.
- 12 Ibid. P.67.
- 13 Ibid. P.67-71.
- 14 Ibid. P.84.
- 15 В одном из своих поздних произведений Пи-и-Маргаль непосредственно связывает эту традицию с влиянием идей ряда представителей французского Просвещения и называет имена Вольтера, Руссо, д'Аламбера, Дидро, Гольбаха и Вольнея. - См.: Pi y Margall F. *Las luchas de nuestros días*. Madrid, 1906. P.271.
- 16 Pi y Margall F. *La Reacción y la Revolución*. P.76.
- 17 Ibid. P.165.
- 18 Ibid. P.189.
- 19 Ibid. P.192.
- 20 Ibid. P.151.
- 21 Ibid. P.135.
- 22 Jutglar A. *Pi y Margall y el federalismo español*. Madrid, 1975. Vol.1. P.188-195.

- 23 Pi y Margall F. La Reacción y la Revolución. P.193.
- 24 Ibid. P.202.
- 25 Ibid.
- 26 Ibid. P.211.
- 27 См., например: Ibid. P.291.
- 28 См. Pi y Margall F., Pi y Arsuaga F. Historia de España en el siglo XIX. Barcelona, 1902. T.IV. P.509-525.
- 29 См. Pi y Margall F. Lecciones de federalismo. Barcelona, s.a. P.42-49.
- 30 Pi y Margall F., Pi y Arsuaga F. Op.cit. T.IV. P.521.
- 31 О Первой испанской республике подробно см.: Ferrando Badía J. Historia político-parlamentaria de la República de 1873. Madrid, 1973; López-Cordón M.-V. La revolución de 1868 y la Primera República. Madrid, 1976; Темкин В.А. Республика 1873 г. как высшая точка развития испанского республиканского федерализма // Проблемы испанской истории М., 1967.
- 32 Pi y Margall F. Las Nacionalidades. Barcelona, 1981, P.113.
- 33 Ibid. P.96.
- 34 См.: Ibid. P.86-88, 299-300.
- 35 Pi y Margall F. Las luchas de nuestros días. P.164.
- 36 См.: Pi y Margall F. Las Nacionalidades. P.91.
- 37 Ibid. P.106.
- 38 Ibid. P.90.
- 39 Ibid. P.90, 106-107.
- 40 См., например: Pi y Margall F. Las luchas de nuestros días. P.16, 271-272.
- 41 Ibid. P.271.
- 42 См.: Pi y Margall F. La Reacción y la Revolución. P.17.
- 43 См., например: Ibid. P.84; Idem. Las luchas de nuestros días. P.271.

Некоторые тематически связанные материалы

И.Майский. Испания 1808-1918 гг.

(исторический очерк)

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p80399924.htm>

Эпоха Великой французской революции:

проблемы истории и историографии

/ Межвуз.сб.науч.тр.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p66282955.htm>

Человек эпохи Просвещения / сб. науч. трудов

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p58779754.htm>